

Уральский следопыт, ноябрь 2007

ноябрь 2007

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

uralstalker.ru

**«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» —
ЛИДЕР УРАЛЬСКОГО
ТУРБИЗНЕСА-2007**

Достойная победа

В Екатеринбурге подведены итоги конкурса «Лидер Уральского турбизнеса — 2007». Организаторами выступили Министерство по физической культуре, туризму и спорту Свердловской области, Администрация Екатеринбурга, Уральская ассоциация туризма, Уральский туристический сервер и компания «Экспоком». На Международной туристической выставке «EXPOTRAVEL 2007» были объявлены победители и состоялось торжественное вручение премии. Лидером СМИ уральского туризма в номинации «За лучшее освещение темы «Отдых на Среднем Урале» стал журнал «Уральский следопыт».

Константин Брыляков, заместитель министра по физической культуре, туризму и спорту Свердловской области, сказал, вручая награду: «У жюри не было сомнения, кто будет победителем в этой номинации. Поскольку «Уральский следопыт» — журнал, который в каждом номере, а их было уже немало, в июне вышел № 600, рассказывает читателям об Урале. Радует, что коллектив редакции не просто сохранил журнал, но постоянно развивается, движется в ногу со временем, при этом не изменяя своим традициям. Каждый номер журнала приятно взять в руки, его интересно читать от корки до корки. В «Уральском следопыте» интересные публикации — это краеведение и археология, история и география, экспедиции и туристические маршруты Урала — сопровождаются великолепными фотографиями и иллюстрациями. Мы всегда ждем новый номер с нетерпением. Я рад, что такой журнал есть у нас на Урале, и он достойно представляет наш край российскому читателю».

Редакция «Уральского следопыта» с радостью приняла поздравления от столь авторитетных организаций и в свою очередь считает своим долгом поздравить и поблагодарить наших читателей, которые поддерживают нас, становятся нашими постоянными авторами и вносят свой весомый вклад в позиционирование Урала как уникального по своей географии, живописного края с богатой историей

Премия «Лидер Уральского турбизнеса» учреждена с целью:

- Повышения качества услуг в сфере туризма;
- Стимулирования развития внутреннего и въездного туризма в Уральском регионе;
- Стимулирования конкурентоспособности участников туристского рынка Уральского региона;
- Содействия в расширении международных контактов в сфере туризма;
- Привлечения внимания СМИ к достижениям индустрии туризма Свердловской области.

Победители премии «Лидер Уральского турбизнеса»

- в номинации «За вклад в развитие внутреннего туризма» — государственное унитарное предприятие Свердловской области «Управление «Свердловсккурорт»
- в номинации «За вклад в развитие въездного туризма» — Екатеринбургский Центр Гидов» (ИП Пряхина Ольга Павловна)
- в номинации «За взаимодействие с туристским бизнесом» — база отдыха «Салют» (ОАО УПЗ)
- в номинации «За лучшее освещение темы «Отдых на Среднем Урале» — журнал «Уральский следопыт» (ООО «Уральский следопыт»)
- в номинации «Федеральная компания» — ООО «Компания Тез тур»
- в номинации «Уральская компания» — ООО «Оранжевый тур»
- в номинации «Самый технологичный туроператор» — ООО «Ривьера Холдинг»
- в номинации «Проект года» — ООО «Оранжевый тур»

Поздравляем победителей!

возможности туристской индустрии», проходившая на турбазе УИТ с участием ректора Екатеринбургской академии современного искусства С.Л. Кропотова, доктора исторических наук Е.Г. Неклюдова и С.В. Голиковой (Институт истории и археологии УрО РАН). Из тезисов конференции: «...Каждая привлекательная для туристов местность имеет свою мифологию: старую и вновь создающуюся, которая является составной частью туристского бренда. Многие экскурсионные маршруты Среднего Урала не были бы востребованы потребителями без элемента мифологизации, которая воссоздается при экскурсионных показах, требующих творческого подхода».

После фуршета участники форума могли убедиться в правоте основных тезисов конференции при совершении экскурсии по Бажовской тропе, где им пытались запутать следы легендарная Девка Азовка и веселила вовсе не синяя Синюшка.

В спортивно-туристской эстафете, где участвовало 9 команд из вузов города, готовящих кадры для сферы туризма и гостепри-

имства, победила команда Гуманитарного университета, которой самую малость уступила сильная команда из УГТУ-УПИ. На третьем месте — команда Лесотехнического университета. В личном первенстве лучшими были представители УГТУ-УПИ, Уральского института

туризма и Уральского педагогического университета. Все победители помимо удовольствия от соревнований получили почетные грамоты от Министерства спорта и туризма, а также ценные призы от спонсора соревнований компании «DISCOVERY».

ноябрь 2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

Иван Плотников

Найденные уникальные факты и документы проливают свет на малоизвестные стороны революции 1917-го. «Это был не захват власти. Их действия были

незаконны даже с точки зрения партии и носили на себе печать заговора...»

Юбилей

И. ПЛОТНИКОВ

Далекое — близкое

М. ПЕТРОВ

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

Страна топонимия

Р. КАШИН

Легенды и были

А. КОЗЫРЕВ

По следам публикаций

В. ТРУСОВ

Клуб собирателей

В. ПУРОНЕН

Портреты

В. МОИСЕЕВ

Заговор, породивший трагедию	2
«Ледяная» электролиния.....	18
Писательницы России	23
Волчиха или Волочья?.....	24
«Золотые» истории.....	45
Мраморские обелиски.....	52
Белый раджа Саравака. Бритиш оккупейшн	66
Звездная землячка	76

Юлия Гридина

В этот вечер Ждана засыпала долго, ворочаясь и пытаясь вспомнить, как же это должно быть... Как оно получается у старших — четкие, ясные, правильные миры, с хорошей сетью дорог, гостиницами и больницами.

АЭЛИТА

Законы Вселенной

А. БЕЛОГЛАЗОВ,

А. ШАКИЛОВ,

С. БЕСКАРАВАЙНЫЙ

Координаты чудес

Ю. ГРИДИНА

Сумма технологий

Е. ЛОТОШ

Повод для улыбки

Я. ВОЛЬПОВ

Камбоджа	10
Цех.....	69
Собака из Первого Мира.....	48
Ошибки и штампы в фантастике	58
Призывники	61

Любовь Стасюк

У души ни контура, ни облика, Ни твоей прозрачности, вода...

СВЕЧА ГОРЕЛА

Новые встречи

А. ГАГАРИН

Л. НОВАК

Е. ХАЙРУЛИНА

Время мастера

Л. СТАСЮК

Е. ПИНАЕВ

Стихи.....	8
Стихи.....	74
Моя Маша	78
Стихи.....	21
Пишите письма!	32

Елена Дуреко

Одному человеку подарили медвежонка. Через неделю жизни в одном доме с косялами ушла жена. Сейчас Яше

три с половиной года. Он сидит на прочной цепи. Вечером его отводят в вольер...

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Вернисаж

И. ПАШНИНА

Экскурсии по Уралу

Е. ДУРЕКО

В объективе — Урал

В. БАЙДУКОВ

Е. САВЕНКО

Здравницы Урала

А. АСТАШКИНА

Экспедиция «Уральского следопыта»

И. КУЗНЕЦОВА

Экскурсионные маршруты Урала

Н. КИСЕЛЕВА

Найти отклик в сердце каждого	5
Знакомство с обитателями «Маевки»	25
Загадки древних рисунков	28
Лики гор и лесов	56
Изумрудное взморье	30
На Чистоп	53
Молодежный форум	80

Главный редактор — Максим Ю. Фирсов.

Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С.А.Надь.

Худ. редактор, верстка — Ю.В. Ульянова.

Художники — А.А. Федотов, Я. Ахметшина.

Ответственный секретарь — Е. Ю. Дуреко.

Набор — В.М. Кадочникова.

Корректор — Т.В. Сергеевко.

И, II полосы обложки - вручение награды, фото В. Конева

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Издатель — СООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет —

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —

• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;

• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;

• Семен Спектор, заслуженный врач России.

• Дмитрий Бургов, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции и издателя: 620014,

г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.

Почтовый адрес: 620014,

г. Екатеринбург, а/я 479

E-mail: uralstalker@mail.ru

www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором.

Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректурную и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

*Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и знаком публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел.(343) 269-22-34.

Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России.

Подписной индекс 73 413. Цена свободная.

«Уральский следопыт.uralstalker.ru»; № 2 подписан к печати 15.10.2007 года.

Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Красноурынский, ул. Чкалова, 4. Заказ №

Заговор, породивший трагедию

В этом году исполняется 90 лет со времени Октябрьского переворота, начала российских и международных потрясений, связанных с ним. Неоднозначным является отношение к Октябрю, как и его вдохновителю В.И. Ленину.

В условиях наступившей наконец определенной открытости в науке и в нашей повседневной жизни в печати рассматриваются различные, прежде запретные для обсуждения, аспекты истории подготовки переворота, поведения при этом Ленина, других членов ЦК партии большевиков. Уже определенно раскрыты вопросы кардинальных расхождений большинства ЦК с Лениным, в связи с чем он в сентябре — начале октября 1917 года стал действовать в нарушение уставных норм, через голову этого руководящего органа. Предан гласности чудовищный антинациональный факт его согласованных с германскими войсками действий по разрушению российской военной машины, свержению Временного правительства. При этом использовались огромные денежные средства Германии. Но остаются и до настоящего времени вопросы, которые не изучены и не освещены в печати, в том числе и связанные с восстанием. Бытует давний миф о том, что для его проведения был точно выбран исключительно удачный момент («вчера было рано, завтра будет поздно, проводить его сегодня же», и называлось 25 октября).

В действительности Ленин «рвал и метал» по поводу восстания и необходимости его проведения еще в августе. Находясь «в ближней эмиграции» — в Финляндии, он в письмах бичевал умеренных членов ЦК Л.Б. Каменева, В.П. Ногина, А.И. Рыкова и других за сближение с социалистическими партиями и попытки совместных мирных действий.

Есть прямые доказательства, в том числе и его собственное признание, что он звал ЦК уже в августе к проведению восстания, используя как повод потерю русскими войсками города Риги. Эти требования к ЦК изложены Лениным в статье «Слухи о заговоре», написанной 18—19 августа, и в «Письме в связи с изданием листка по поводу взятия Риги» (Полн. собр. соч. Т. 34. С. 77—78). 7 июля 1921 года в письме к «Участникам заседания комиссии по тактике III конгресса Коминтерна» он признавал: «Когда я сам был иммигрантом (больше 15 лет), я несколько раз занимал «слишком левую» позицию (как я теперь вижу). В августе 1917 года я также был иммигрантом и внес в Центральный Комитет нашей партии слишком «левое» предложение, которое, к счастью, было начисто отклонено» (Пол. собр. соч. Т. 53. С. 14). Речь идет именно о призыве Ленина к восстанию, который ЦК отверг, а статью и письмо не опубликовал.

Особенно «пикантным» является вопрос о принятии решения о проведении вооруженного восстания

Петроград,
угол Невского проспекта
и Садовой улицы.
Расстрел июльской
демонстрации
(4 июля 1917 года)

Удостоверение на имя Константина Петровича Иванова, по которому жил В.И. Ленин после июльских событий 1917 года

в октябре 1917 года. Ленин вернулся из Финляндии в Петроград 9 октября и продолжал находиться на нелегальном положении. Он через Я.М. Свердлову и других потребовал срочного созыва заседания ЦК партии. И вечером 10 октября такое заседание состоялось.

Ни в отечественной (и в прошлом, и ныне), ни в зарубежной печати никто, никогда не ставил вопроса о полномочии этого заседания для принятия постановления. Существовала версия о том, что решение о восстании было принято большинством членов ЦК, то есть о соответствии этого акта уставу партии, ее нормам. Между тем они были нарушены, и в этом соль вопроса. Источники свидетельствуют, что на решающем заседании ЦК 10 октября участвовало меньше половины его состава, а проголосовало «за» и того меньше.

Обратимся к документальным источникам. Известно, что в голосовании на этом заседании приняли участие 12 человек: А.С. Бубнов, Ф.Э. Дзержинский, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.М. Коллонтай, В.И. Ленин, Г.И. Ломов, Я.М. Свердлов, Г.Я. Сокольников, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий и М.С. Урицкий. Иногда отмечается, что на заседании присутствовала и кандидат в члены ЦК В.И. Яковлева, вела протокол, но не голосовала. Бесспорным считается, что эти 12 присутствовавших и голосовавших составляли большинство ЦК. В этом авторы традиционно опираются на тот факт, что VI съезд РСДРП(б) избрал 21 члена ЦК, а также на заявления Ленина и Троцкого. Так, Троцкий писал, что на заседании «из 21 члена ЦК присутствовало 12» (Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 353). На самом деле среди 12 голосовавших один (Ломов) в число «21» не входил, членом ЦК на

съезде не избирался. Он стал членом ЦК, но уже после съезда. И не только он! В действительности состав ЦК увеличился с 21 до 25 человек задолго до заседания 10 октября. На первых же двух заседаниях ЦК после съезда (5 и 6 августа) в его состав из кандидатов в члены ЦК переводятся П.А. Джапаридзе, Г.И. Ломов, затем А.А. Иоффе и Е.Д. Стасова, что было обусловлено деловыми соображениями. В уставе, принятом на VI съезде, было записано, что перевод из кандидатов в члены ЦК производится «в случае выбытия членов ЦК» (см.: VI съезд РСДРП(б). Протоколы М., 1958. С.266). Физического «выбытия» членов ЦК не произошло. Но многие из них были в отъезде, на периферии, в том числе в отдаленных районах, другие пребывали в тюрьме или в подполье, а небольшой группе членов ЦК, находившихся в Петрограде (и близ него), невозможно было принимать решения и действовать от имени этого органа. Причем два переведенных из кандидатов в члены ЦК человека избраны были даже и в его «узкий состав», а также в секретариат. Все они, кроме Джапаридзе, вскоре выехавшего в Закавказье (и там через год погибшего), вплоть до VII съезда партии, 8 марта 1918 года, участвуют в работе ЦК как его равноправные члены и в отличие от кандидатов голосуют по принимаемым вопросам. На заседании же присутствующих кандидатов к голосованию не подпускают.

Под документами, составлявшимися этими новыми членами ЦК лично или при их участии, они неизменно подписываются как члены ЦК. В автобиографии и в воспоминаниях они указывают на свое избрание в члены ЦК на VI съезде (неточность связана с издержками памяти или тем обстоятельством, что это произошло на первых же заседаниях ЦК, являющихся

Петроград. Городская управа Лесного подрайона, где происходило заседание ЦК большевиков 16 октября 1917 года

как бы продолжением форума) или перевод в его состав из кандидатов (см.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь. М., 1989. С. 423, 516, 704 и др.). Имеется определенный нюанс лишь в воспоминаниях Стасовой: в одном случае она пишет, что на VI съезде была избрана кандидатом в члены ЦК, в другом — об избрании в состав секретариата, состоявшего из членов ЦК, то есть не прямо, но косвенно свидетельствует о том же (см.: Там же. С. 704; Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 147).

В отдельных случаях факт изменения после VI съезда партии статуса отдельных кандидатов в члены затрагивается, но говорится об этом недостаточно определенно, например, в многотомной «Истории КПСС» (М., 1967. Т. 3. Кн. 1. С. 197) сказано, что Ломов, Иоффе и Стасова принимают участие в работе ЦК в качестве его членов. И все! Обойден вопрос о их (как и Джапаридзе) официальном, фактическом переводе в члены ЦК. Не рассматривается вопрос об изменении состава ЦК вообще, о создавшемся положении в связи с этим на заседании 10 октября. Вопреки высказанному положению, потом оставленному без внимания, опять речь идет о правомерности принятия решения о восстании, о голосовании за него большинства членов ЦК.

Из того обстоятельства, что на 10 октября состав ЦК насчитывал 25 членов, а на нем присутствовало лишь 12, то есть меньше половины, к тому же двое (Зиновьев и Каменев) голосовали против принятия постановления, тем более по такому судьбоносному для самой партии и страны вопросу, как восстание и захват власти, следует, что заседание было неполномочным, а само решение — незаконным. Ибо было принято в нарушение элементарных внутривнутрипартийных норм, устава.

На так называемом расширенном заседании ЦК 15 октября (а не 16-го, как пишется до сих пор) принимало участие членов ЦК еще меньше, чем 10 октября. Исходя из сложившейся ситуации Зиновьев и Каменев совершенно не случайно, правомерно протестовали против действий Ленина. Они и другие члены ЦК, в том числе работавшие в Москве (Рыков, Ногин и др.), ставили вопрос о необходимости для решения вопроса о восстании срочно созвать пленум ЦК. Но им этого добиться не удалось. Ленин не допустил его созыва.

Он всемерно торопил с началом восстания, в частности, требовал обязательного проведения его до 25 октября, до II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, чтобы не ставить большевистское руководство в зависимость от его воли (а вдруг делегаты воспротивятся!).

Читателю позиция и действия вождя большевиков станут больше понятными, если отметить и подчеркнуть, что в связи с неподдержкой в конце сентября и начале октября его требования «немедленного» проведения восстания, Ленин через голову ЦК, игнорируя руководящий орган партии, предпринимал попытку начать выступление с использованием съезда Советов Северной области, опираясь на своего активного сторонника-левака И.Т. Смилгу. Но открытие съезда было отсрочено.

В свете сказанного ясно, что нельзя уже ограничиваться при характеристике захвата большевиками власти в октябре 1917 года указанием на его антидемократичность в общем смысле. Это решение было незаконным, нелегитимным даже с точки зрения самих внутривнутрипартийных, большевистских норм и носило на себе печать заговора, приведшего Россию к трагедии. И не только ее.

(Окончание следует).

ОТДЕЛЕНИЕ ДЕТСКОЙ ОНКОЛОГИИ №2

Найти отклик в сердце каждого

Один из постоянных авторов «Уральского следопыта» врач областной детской клинической больницы № 1 Ирина Пашнина открыла свою персональную фотовыставку. На снимках – дети, пациенты центра детской онкологии и гематологии. У большинства из них лейкоз.

Дети с необыкновенно взрослыми и в то же время поребически наивными, глядящими прямо в душу глазами. Они не позируют. Фотокамера выхватила фрагменты каждодневной, будничной, ежеминутной борьбы за жизнь.

Такие фотографии мог сделать только человек, работающий в больнице. Присутствие посторонних в отделении недопустимо, ведь больные, проходящие интенсивную терапию, ослаблены. Любое внешнее воздействие для них недопустимо.

Своей выставкой Ирина Пашнина хочет найти отклик в сердце каждого, кто увидит, каждого, кто почувствует шаткость равновесия этих снимков – кажется, что каждый кадр может вот-вот оборваться, потухнуть. Есть лишь одна фраза, которую говорит на языке фотографии автор, – больным детям нужна наша помощь. Нужна донорская кровь, которую невозможно заменить никакими другими препаратами

Рома Б., 2 года,
2 -

Антон К., 15 лет

Таня М.,
8 лет

Коля Т., 2 года

Настя Г., 10
мес., 2 +

Лера, 7 лет, 2 +

Артем Т., 3 года,
1 +

Саша Б., 4 года,
2 +

Анатолий ГАГАРИН

* * *

Захлебнулся духмяном
трав костистых, росистых.
Август поизносился
до небес полотняных.

Луг в белесых ресницах,
а в тени — щавеленье.
Край небес накренился,
проливая веленье —
ухватить травный колос
и почувствовать голос
«петушка» на заклянье,
что устал в ожиданье...

Башня Тамерлана

Небо тискает упрямо
титьку башни Тамерлана.
Десны шамкают и к небу
пристают обломки лет.
Кирпичи уже не соты
с гневом, горечью и злобой.
Сводит окоём зевотой,
Сквозь неё струится свет...

В гулком коробке под сводом
овод с бешеным заводом.
Травы мнят сплестись руками.
Небосвод сгибает лук.
Канет день в пространство века,
камень станет облаками,
озеро затянет веко.
Это будет, но не вдруг...

И доколе длит преданье
конус сыт людскою данью.
И покуда кровь тускнеет,
запеченная в кирпич.
Ночью сыч найдет зрочками
мышь, и та оцепенеет.
Жизнь в ее глазах скачками
пробежит под смерти клич.

Анатолий Гагарин родился в 1958 г. Окончил философский факультет Уральского государственного университета. Доктор философских наук. Автор трех сборников стихов. Стихи публиковались в журнале «Урал», альманахах, коллективных сборниках. Живет и работает в Екатеринбурге.

* * *

Аркадию Застырцу

В дурмане яблочного сидра
мы просочились сквозь дворы.
Заначкой бывшая поллитра
зажгла осеннюю палитру,
и нас стреножили миры...

На льду запущенного корта
мы тихо плыли в звездный дым,
и звон морозного аккорда
летел в великолепии гордом
к нам, безнадежно молодым...

* * *

Неспешный осени приход
я узнаю. Сменились краски.
И стал уже скупым на ласки
опаздывающий восход.

С небес пришедшая белесость
в прозрачном воздухе летит
и скоро завладеет лесом,
и здесь, среди остывших плит,
вокруг насупившихся зданий
кружатся серые ветра,
играя лиственной данью
в траве, серебряной с утра.

Сквозь рваный веер редких птиц
видны пустые гнезда птиц.
И оживить картины лета
мне трудно. Выраженье лиц
сосредоточенных прохожих
так далеко от летней неги...
На репродуктор так похожий,
накаркал ворон долги снега
и полетел над тополями
ожившим росчерком пера,
над потемневшими полями —
туда, где блеклая пора
украдкой гасит разноцветье
в лесной пылающей листве...

...И прыгают, как птицы в сети,
комочки листьев по траве.

* * *

Лед застыл на асфальте,
как глазурь на коврижке.
И прохожие сальто
крутят с грацией мишки.

В этом уличном цирке
я всегда подсадной.
И земля через льдинку,
как в кулисную дырку,
наблюдает за мной.

* * *

Поля пусты. И потемнели лужи.
Лисица притаилась до поры.
И, выставив распухший нос наружу,
она глядит с опаской из норы.

Уже темно. Не слышно голосов.
Под скрип ветлы шагаем торопливо.
И вереница задранных носов
нас поджидает впереди нетерпеливо.

* * *

Ущербом мается луна,
маня в себя щербатым краем.
Опять душа полонена
воспоминанием о рае.
И пусть утрачен он не мной,
душа в тоске звериной тает.
Из тьмы бездонной и живой
в прищуре волчий глаз взирает...

* * *

Коль слова — не в то горло,
в травы ныркну проворно
и затихну покорно,
росной силы беря.

На просвете — просторно,
на прогале — опорно,
поперек и продольно
душу гладит заря.

В тишине благодатно,
слово лечит заплатно,
ляжет косо — и ладно,
на прореху души.

И под сенью прохладной
любоваться отрадно,
как шагают парадно
от души мураши...

* * *

Не вступай на еловые ветки —
не мешай уходящим уйти.
Пусть застрявшею горькой таблеткой
режет горло «прощай» и «прости»...

* * *

Волшебная река играет и резвится.
Жемчужный перламутр по камешкам гремит.
Фантазия моя легко меняет лица,
и солнце языком надежды говорит.

Отчаливший корабль — намокшая коробка,
плывет в далекий путь к заветным берегам.
Летит по валунам то бешено, то робко
и падает с волной к мальчишеским ногам.

И в заводи речной, что лужею зовется,
застывший перламутр таинственно блестит.
И верит паренек, что чудо не прервется.
Рассеется бензин. Но детство все простит...

* * *

*Иеромонаху Евгению,
в миру Станислав Пампура*

Мы с тобою бродили упорно по улицам этим,
Споря с мыслью: «Движение всё, цель — ничто».
Каждый мнил себя скромным, но сильным поэтом,
Полагали мы дерзко, что всё в этой жизни — не то...

Мы всё силились взвесить,
а что же такое — жизнь нетто.
Перепробовав с жадностью всякие брутто на вкус.
С перебором цыганским играя на кольях запретов,
поминаючи всуе заветный ракиновый куст.

Мы крутили спирали...
Но только на кухонной плитке.
И воочию, явственно видели — сходятся оба конца,
всё пытали на прочность закалку свою и пропитку,
постигая науку паяца. И пьяницы. И подлеца...

Ни мольбою, ни жалостью
мы жернова не взнуздаем,
не ускорим их гневом и не остановим их труд,
перетрут, разотрут они всё и вся, сколько ни дай им...
Впрочем, может, опять всем не верить?
А может, всё врут?..

Артем БЕЛОГЛАЗОВ, Татарстан
Александр ШАКИЛОВ, г. Харьков, Украина

Камбоджа

**Не надо позировать —
надо дозировать.**
Пол Ди Филиппо. «Рибофанк»

Эдика зовут Эдиком, а Рината... ну, сами понимаете. И фамилия у них правильная — своя, не корпоративная. Одно слово, полу-Т, не дешевка рабочая, что внизу ковыряется. Лифтеры! Со стажем! Работенка здесь плевая, если кому способности позволяют. Как новичкам расшаривают: дальше шлюза не пошлют, меньше груза не дадут. У лифтеров так принято: мазюкалку на веки, чуток на висок, колени подогнуть — и двигать мослами от приемника к распределителю. Танцуй-работай, шевели бедрышками. А чечетку отбивать и того задорней.

Оп-па! Туда-сюда, ножкой, ручкой, локтем, коленкой!

Ритм держать — первая заповедь. Джангл, брейк-бит, регги, что предпочитаете? Собственно, это не главное, главное — мать-корпорация. И если вы принадлежите к славному племени лифтеров, то обязательно подсели на контракт с «Lifting Inc». Условия вполне приемлемые: пожизненная кабала. Монополия, обычное дело.

Гамак слегка покачивается, в соседнем дрыхнет Ринат. Отдельной каюты не полагается никому — лифт не пассажирский экспресс, понимать надо. Везде стеллажи, лесенки, кронштейны... Больше груза на единицу объема! Ещё больше!

Снится почему-то погрузка. Достало уже! Ах, Наталья, ну почему? почему?..

— Твою!.. И твою!.. И вашу!.. Живее! Хаяку!

И рёв сирен. И ветряки дополнительных электростанций вспарывают просоленный воздух.

Субмарина-платформа пришвартована к огромно-плавучему городу-заводу, городу-складу, проще говоря, корпорации на подводных крыльях. Конвейер. Целлофанованные ящики. Обёрточная фольга. Вакуумные уплотнители, не кантовать. А потом — в космос, к звёздам, и на дно, в глубины. Экипаж простился с любимыми контракт-супругами, прикормил морфов-удовлетворителей, и вперёд, в автономное плавание...

«Лента не порвётся, лента не представляет электрической угрозы, никакой разности потенциалов!» — да, да, так кричали массмедиа времен... э-э... Давно, в общем, очень давно.

Если б у Эдика было соответствующее образование или хотя бы зарплата, позволяющая разжиться парочкой нейроподшивок по профилю, он смог бы поведать любому, что гравипротяжение океанского кончика ленты компенсируется центростремительным ускорением верхнего тупика-астероида, выведенного на геостационарную орбиту. В итоге: «червь» всегда натянут и готов к работе. Ленточный червь — это по-научному, в простонародье не заморачиваются и зовут сооружение «лентой». Обычная полимерная структура с вкраплением алмазоидов — однослойных углеродных нанотрубок. Миллиарды соединенных меж собой фракций, в сотни раз прочнее титановых сплавов. При этом километр весит три кэгэ, ну, плюс-минус. Сим-

Александр Валерьевич Олиниченко родился в 1978 году в г. Харькове (Украина), где проживает и в настоящее время. Образование высшее — техническое и экономическое. Пишет под псевдонимом «Александр Шакилов». Автор многих фантастических рассказов, публиковавшихся в журналах и газетах. В 2005 году фантастический роман «Профессионалы» опубликован в издательстве АСТ (Москва). Член Клуба авторов журнала «Уральский следопыт».

Артем Ирекович Белоглазов родился в 1979 году в г. Златоусте Челябинской области. Окончил Казанский государственный технический университет им. Кирова. Сейчас живет в г. Лаишево, Республика Татарстан. Рассказы Артёма Белоглазова публиковались в журналах «Порог», «Реальность фантастики», «Если». Член Клуба авторов журнала «Уральский следопыт».

бионты и комборги выжимают от груди центнер — в младенчестве, из инкубатора не выпадая. Шутка — полцентнера.

Погрузка, суета сует. Капсула лифта уже на борту платформы. Ринат почёсывает рыже-коричневые баки. Балдеет, котяра. Вчера посадил новый вид блох — модиф-бета, мол, покусывают нежно, с оттягом, не то что альфа-версия. Эдик не понимает пристрастия братишки-дубля, Эдик в свободное от дежурств время обожает отбрасывать хвост — гладенько-чешуйчатый, блестящий, корпорацией выданный. За что и почему такая неприязнь? О, есть за что! Но волей-неволей приходится приживлять хвост обратно.

Ринат крутит бедрами, подтанцовывает, неспешно отмахивая руками — инфопосыл на манипуляторы-коннекторы: перчатки, наколенники, налокотники и другие считывалки. Из фаланг перчаток брызжут лучи-команды. Руки — главный дирижёр в инфопотоке «человек-механизмы». Через мазюкалку ни-ни, запрещено. Ввиду полной непригодности к вредной нагрузке на ЦНС и опасности забивания как своих, так и электронных мозгов багами-тараканами. Через мазюкалку лишь на коннекторы. Сертификация приёмо-передатчиков, как и аттестация кадров — раз в полгода.

Только технари работают напрямую — ментоинтерфейсом, только у технарей спецмазюкалка. То есть, наоборот, у остальных — спец; механо-, фоно-, хемо- и фотолигатуры, широкие общие каналы, вирт-выделенка и — эх, бесплатных имплантов не бывает! — блоки, фильтры, отсеки. Девяносто процентов примесей. Базовые десять — ну там свет включить или заказать чего по рободоставке. Бытовые нужды, скучные и пошлые как ржавый болт с контргайкой. Зато безопасно. Для людей, нелюдей и зверушек — самое то: полноценный, многофункциональный интерфейс, за вычетом машинных коммуникаций. Там разговор особый. У кого чистенькая, первый сорт мазюкалка? Ясен пень, у Т-операторов! Дык положено: техникой управлять. На ферме-инкубаторе из всего приплода симбо и комби самых-самых в операторы отбирают. И учат потом до одурения, чтоб не случилось, как полвека назад. Нештатная ситуация? Ага, щаз! Слабо сказано! И правительство, и корпорации перетрухали до ультразвуга.

О, техники сидят на личных контрактах. К ним с наскоку не прыгнешь: планка уровня задвинута до упора. Туда — как пешком до Юпитера. Конечно, можно претендовать на три четвертых Т, как те же штурман и капитан. Ринат совсем не прочь, да умом не вышел. Однако из тысячного помета братья кукуют лучше прочих. Грузчики! Полу-Т допуск. Никаких тебе сенсоров-кнопок, рычагов-контактов и контрольных подтверждений. Всё проще: ножкой — дрыг, ручкой — бяк. Танец-действие. Разбавил свои заслуженные пятьдесят процентов на висках и веках популярными музи-види и выкаблучиваешь в ритм.

Сподручнее!

И деньжат побольше, и привилегий. Например, Эдику разрешено отбрасывать хвост, который есть суперкарго. Урезанная, почти безмозглая версия. Но! — следит за работой грузчиков. Накладные подписывает. Опять же прибавка к зарплате. Только прибавка — тьфу! Отбрасывать этого стукача куда приятней.

Летят-спешат команды, отплясывает лифтёр. Регулирует потоки, задаёт режимы транспортировки, отслеживает распределение веса, чтоб какой шибко ретивый дроид не взвалил на хрупкие плечи сверх указанной в техпаспорте нормы или, наоборот, — не волюнил безнаказанно.

Эдик топчется возле Рината-пушистика. Попивает крепчайший кофе, заодно и пальчиками: бяк-бяк-бяк, ботинками: топ-топ-топ, на работе ведь, не в вирт-борделе. Эдику плохо, у Эдика упадок сил и отвратительное настроение из-за внеочередного скандала: Натали умеет хрюкнуть за живое, поддеть как вибросерпом по чреслам. Мужская несостоятельность перед отлётом? Прощальная ночь, и... Что может быть хуже!

Бяк-бяк-бяк? — брык-брык-брык! — из-за тягостных дум Эдик проморгал столкновение двух тележек, чуть ли не по стратосферу заваленных серебристыми контейнерами — на каждом ярко-красная штриховка. Мазнул взглядом по коду — считано! — «Сделано в Камбодже».

Где-где?

...Пластиковые тубы, мягкие, с крышечками — россыпью из дыры в помятом контейнере. И тут же сигнал: «Герметичность упаковки нарушена. Герметичность...». А, не страшно, клея чуток, тьфу-тьфу, и контейнер как новенький. Интересные тубы. Добавка к мазюкалке? Развлекуха, небось, какая или обучалка. Без лицензии, не иначе: меток нету — ни состава, ни области применения, ни противопоказаний.

И капитан где-то. И штурман там же. И главбух озабочена прической для вечеринки. Юбилейный запуск, тля. А Эдик горбатится тут на дядю. За гроши. Подбирай, тля, что упало. Пихай в контейнер. Не бяк-бяк, а ручками. Ну уж нет, что упало, то пропало.

Две тубы — в кармашек комбеза. Компенсация. Моральная, хе-хе. И подчистить память дроидов, мол, без происшествий, порядок и норма.

Отстегнувшись от потолка по расписанию, Эдик шлепается на пол. По расписанию — это правильно, иначе рискуешь упасть на рога командира или (о, ужас!) на прическу главбуха — сплетенные жгуты горгон плюс десяток мьют-орхидей, в меру хищных, но очень стильных.

— Рота, подъём! — не разжимая рта, орёт Эдик. Направленный звук ударяет по мембранам, вживлённым в резцы, оттуда — сразу же на височные мазюкалки Рината.

Коннект — напрямую, тишина должна быть в отсеках.

Бесшумно размагничиваются захваты, ремни-компенсаторы уплотняются в «улитки» — проворно

извернувшись в воздухе, Ринат (на десять процентов манул, корректировка генотипа) согласно штатному расписанию принимает вертикальное положение рядом с товарищем.

Баки Рината серебрятся уворованной лигатурой, даже цвет сменили — жёлтые, в тёмную полоску. Ну, котяра, все девки Рината!..

В отсек на дежурство? Три раза «ха»! Полёт долгий, уже поперёк диафрагмы встал — скрасить бы космобудни. Мазь мазью, а...

Взмах перчаткой-манипулятором: инфолуч ударяет в центр жёлтого круга на стене. Жизнеобеспеч реагирует мгновенно, выдав кофе в одноразовых стаканчиках. Брось однаразу на пол — свернётся шариком, истлеет в молекулы, заметить не успеешь. Перчатки оснащены множеством полезностей, но главное — полостью между средним и указательным пальцем. Подразумевается, что в неё должна закачиваться концентрированная кислота, любая. Зачем? — да на всякий случай, по техбезу положено. А ТБ в мозжечок прошита: номера, параграфы, курсивы... Только какой лифтёр в здравом уме и светлой памяти так безнадёжно глупо использует ёмкость на целых сто двадцать три грамма?! Коньяк! — альтернатива кислоте? — ещё какая! Рашен водка? — без вариантов! Ну и так далее, согласно внештатному расписанию, хе-хе. Правда, всё это блекнет в сравнении с...

Два глотка кофе, ещё один. Движения синхронные, выверенные годами. И ещё глоток. И как бы невзначай прикрыть чашку ладонью. Дозированный слив: половина ёмкости тю-тю.

— Столетие битвы за Океан Бурь?

— Ну так!

Начало бодрое.

Теперь и работа не в тягость, и служебными обязанностями пренебрегать не жалко.

Эдик — член экипажа космического лифта за номером 12/RD. Пять суток назад лифт отделился от базы-тупика и ползет в открытке, направляясь, куда корпорация послала. Но база не единственная собственность «Lifting Inc» на закосмомусоренных МЕО и НЕО, средней и высокой околоземных орбитах. Из мелочевки здесь крутятся: спутники связи, военные, погодные, исследовательские, и покрупнее — корабли и станции. Тороидные транспортники, управляемые комбинашками и симбионтами, регулярно пригоняют к Земле астероиды, по самую поверхность начиненные никелем и титаном. И тут же, прямо со стапелей, в Атлантику на пожизненное плавание отправляется новехонькая субмарина-платформа. Прицельный залп модифицированных торпедных аппаратов — к астероиду устремляется лента; корректировка отклонений, бур-якорь врезается в породу, закрепляется, и... — поехали, добыча полезностей поставлена на поток, конвейер на орбите. Следующий? Есть контакт! Не стесняйтесь, заходите, чувствуйте себя как дома!

12/RD лишь часть глобальной сети и входит в неё, как автономная грузовая система, обеспечивающая...

э-э... Параграфы устава никогда не помещались в черепе Эдика. Под костяным гребнем теснятся мысли посерьезнее, об очередном вирт-борделе, например. Та сиамоочка с голубым мехом, ох и ах! Больше ничто не способно растормозить сон разума настоящего лифтёра. Ну разве что примесь из тайком экспропрированной тубы без маркировки...

Разумеется, у «Lifting Inc» были конкуренты. А как же! Согласно антимонопольному закону — не менее двух, честно проигравших в маркетинговой войне: «HighLift Systems» и «LiftPort Co». Обе фирмы, естественно, подставные. А то мало ли... Ну а для спонтанно возникающих организаций смежного профиля существует особый отдел СБ, специалисты которого умеют очень популярно и доходчиво объяснить бесперспективность разработки данного сектора рынка.

Стартовали как обычно — тяжело. Зато весело: причастились из камбоджийской тубы. Только-только Ринат дроидов в конуру загнал, как подгребаёт дружище Эдик и сует под нос — ага, её самую. Мол, совершенно случайно из контейнера выпало, а я и подобрал. Короче, ты будешь, или я сам? Но это, слышь, товар не сертифицирован.

— И чего? — фыркает Ринат. — Халява же!

— Уважаю, брат.

Туба вскрывается в один щелчок: клац-ц! Добавка к мазюкалке — простите, лигатура! — непривычно серебристая мазь, с голубоватым отливом, то есть высококачественная, то есть дорогая.

— Ого, да эта хрень на полгода моей зарплаты...

— На год.

— Что?

— На год, говорю. Главбух с кэпом шепталась: элитная, мол, по заказу делали. Сечёшь? Да только при всём уважении к товарищам-разработчикам, туфту они гонят. Земля-то не оценила.

— Хе-хе, проверим?

— А то!

Предварительно оторванный хвост — без ЦНС Эдика просто кусок модиф-плоти — валяется в зазоре между стеллажами. Чтоб, зараза такая, не стукнул начальству: непорядок, мол, на борту. Ваши, кэп, раздолбаи подозрительностями занимаются.

— Ну?

— Музыка.

— И всё?

— Всё.

Веки Рината отблескивают металлической стружкой, полосы серебра на пушистых бакенбардах...

— И у меня. А цену вломили. Потому, видать, и сертификация накрылась.

— Согласен, Эдя. Зато ритм правильный, наш ритм. Скажи, да?

— Скажу!

— Потанцуем?

В глазах у братьев узоры, орнаменты, буйства цветов, россыпи фейерверков. В ушах — грохот тамтамов, ругань свирелей, гитарная ярость.

Ай, хорошо, ай, замечательно! Отличная лигатура! Настолько отличная, что у Рината бурлит и пенится кошачья кровь, напарник дышит жаром, будто комбинатка после ТО, баки топорщатся, и... лифтёр падает на четвереньки, ввинчиваясь гибким телом в узкий проход. За крысами, значит. Гонять усатых тварей. Но это в порядке вещей, странно то, что за Ринатом устремляется десяток возбужденно попискивающих дроидов.

Тоже гонять? Им-то зачем?!

С базы — основного сегмента — шуруем ко второму Распределителю, полёт на маневровых: околосреднее пространство лентами не загромождать! И так теснотища. Того и гляди, впаяешься пятаком куда не надо. Остальные сегменты известно где — в открытке развешаны. Узелки-паутинки, хе-хе. Воинствующие экологи предают «Lifting Inc» анафеме. Кричат: одумайтесь, космолифты — зло! Землю загадили? Скоро и космос профукаете! Солнечная система будет оплетена лентами, и что хуже — истыкана вкраплениями затвердевшего вакуума. А ведь есть замечательные тороидные грузовики! И мы готовы!.. Предоставить!.. Правда, цена раз в десять выше. Но пропаганда «EcoSpace» об этом мало распространяется, а такие несущественные факты, как демонтаж и самоликвидация отслуживших лент, и вовсе замалчиваются.

От Р-2 по старым веткам до конца. Дальше — сами. Прокладывай путь в соответствии с утверждённым курсом. Лифт, хе-хе, система автономная. И — модульная. Что в открытке болтается, всё — лифт.

Пока майнаем к Р-2, циклопы сканируют пространство, вычисляя «степень опасности и вероятность последствий от повреждений при столкновении с различными объектами природного и техногенного происхождения». Страшная фраза. Её, в тему и без, любит цитировать Ринат. Честно говоря, Ринат умнее Эдика. Не слишком, но... что есть, то есть. Мелко подрагивает корпус: трассировщики по наводке циклопов дают коррекцию — во избежание.

Баз-тупиков восемь, как и Распределителей. Больше и не нужно: пропускная способность Земли не резиновая, плюс экономическая целесообразность, пятое-десятое. И тут возникает тема единственно верной стыковки. Выгрести из открытки, цепляясь за уплотнённый вакуум, не есть проблема: чуток промазал, откорректировал, туда-сюда погрешность — нормально, жить будем. Не помрем, так демонтируют. А на орбите Колыбели не побалуешься. Эй, с мозгами набекрень, гуляйте мимо! Капитана сюда, штурмана — пусть с техникой закончат, им по статусу вменено.

И главбуха до кучи, даму с пышным бюстом: чтоб экипаж был в тонусе. Поддержим моральный дух! На борту только гетеро — одна из заморочек корпорации, дискриминация, конечно, но...

Братья спят на полу: не смогли забраться в гамак, сил не хватило. Эдик с трудом поднимает заляпанные

лигатурой веки, таращится на панель вижюала. Звёзды с той стороны таращатся на Эдика.

Ну, здравствуй, космос. Принимай гостей!

Ой, голова моя, голова чугунная... Хватанули вчера...

— И вообще, оживите Эйнштейна, — заявляет вдруг Ринат. — А, нет. Циолковского!

— Циолковский и мечтать не мог! — возражает Эдик.

— Мог. Уж он-то насчёт фантазии будь здоров был: Вавилонскую башню построить хотел. Из стали.

— Псих!

— Гений!

— Псих!

— Да ну тебя! По чуть-чуть — и потанцуем?

Сцепка держит ровно, без задёргиваний, ползём чётко по ленте: зазоры спецификацией не предусмотрены. Вот кончится ветка, и начнётся веселуха: «орудия» расчехлить — пли! В заданный сектор отстреливается сгусток уплотнителя, разматывая за собой нить-зародыш, исходник будущей ленты. Бумс! Есть постановка на заданные координаты. Хлоп! И в одной тысячной А.Е. от грузовой фуры мгновенно твердеет вакуум, превращаясь в мини-завод по изготовлению алмазидов. Нить, получив команду и запитываясь от космической радиации, растёт, что твои кабачки на гидропонных грядках. Завод черпает энергию из открытки и поставляет ленте углеродные наночастицы.

Чуток подождать, зацепиться за свежую ветку и — покатили!

— А-ла-ла-ла! — напевает Ринат.

— У-е-е-е! — поддакивает Эдик. Он уже прирастил хвост и готов выполнять ненавистные служебные обязанности. Да не просто так — с песней!

Сегодня брейк-данс — о, нежность изломов!..

И — раз, и — два! Отмах перчаткой: на нитях лучей пляшут дроиды. По порядку станю-вись! — командует Эдик. Грузы прове-ряй!

Гравитационные стеллажи: секции, стойки, ячейки! Коробочки в ряд — обёртки в лучах горят! Станцуюм гопак шейных позвонков и самбу грудины? Легко! Умца-умца! Закреплённость контейнеров? Норма.

Кто на свете всех важнее, всех нужнее и милее? Ну, конечно, Эдик, грузчик и лифтёр!

Тубу из кармана — ооп! Надавить и — ещё порция. Веки, виски — лёгкий мазок. За ушами не забыть. Хар-рашо!

А как иначе? — «Сделано в Камбодже»!

Тело, затянутое в служебный комбез, выплываает между заставленных грузом полок. Кончик хвоста выковыривает из носа... отработанные кислородники.

— Эдя, а мы не слишком, а?

— Ринатик, в самый раз, ты чего?!

Какой сегодня день? А чип его знает! Не уследишь... Все контейнеры переставлены согласно возрастанию регистрационных номеров. А потом в обратном порядке. Зачем? Да просто забавно, когда кружишься в ритме вальса, а вокруг тебя порхают тяжеленные ящики.

— Побриться хочу.

— Что?

– Побриться. Зарос.

У Рината есть старинная электробритва, он обожает показывать этот страшный агрегат девушкам в барах. Говорит, наследство и семейная реликвия, от прадеда досталась. Врёт и не моргает. Так вот, бритва заныкана под обшивкой, аккурат над гамаком.

...А почему антиквариат вдруг нарисовался в руках у напарника-дубля, Эдик понять не может. Не было – и... Как так?! Мало того, бритва жужжит!

В отсеке – ни одной розетки. А у древней рухляди нет аккумуляторов!

Ринат танцует, Ринат поёт. Уничтожает бакенбарды. Похож на лысого кота.

Серебристую дрянь не жалеют. Пока капитан не вычислил причину и следствие небывалого трудолюбия, надо по максимуму оттянуться. Что? Туба уже пуста?! Вскрываем следующую!

Нет, не могли разработчики налажать, это на Земле что-то напутали. Проверили, да не то? Не так? Или подвох какой? А, ерунда! Нам-то что?..

При соскоке со старой и переходе на новую ветку трассировщики пыхтят вовсю, а корпус вибрирует, будто по нему лупят отбойником. Раздражает до безумия. Эдику плевать, что по сведениям профильной нейроподшивки, которой он не озаботился, срок эксплуатации ленты – двадцать два стандартных месяца, затем демонтаж. Нет времени? Бригада комбинашек в запое и не желает участвовать в разборке? Да и... Само рассыплется. Обязательно. Ибо загрязнение космоса не есть хорошо, нам же аукнется. И без придурков-экологов ясно. Поэтому новая ветка – и вибрация! – будут по-любому.

Вот базовым, планетарным лентам самоликвидация ни к чему. Базовые – значит, надолго. Изготавливают их проверенным дедовским способом, без биодобавок и других новомодных примочек. Как раньше, на заре лифтостроения. Обработка этанолом, ферроцен, тиофен, горячие печи, подача водорода... Никаких био, никакого направленного роста, почти кустарщина. А космо – о-го-го, технология на уровне, молоточек-стамесочка! Скорость роста – мама дорогая! Сжатие-растяжение – колоссальные. Алмазодные материалы, это вам не в компот чихнуть!

Сведений в нейроподшивке – навалом, но скучные они. Тратиться на эту мутотень? На фиг, на фиг! То ли дело музи-види. Или камбоджийская примесь. О-ля-ля!

...А на борту сущий дурдом: прадедушкина бритва летает по отсекам, нападая на горгоны главбуха, сами собой включаются панели вижюала, лифт то ускоряется, то ползёт, как бабулька на собственные похороны. Эдик уже раз десять отбрасывал хвост и столько же приращивал обратно. Без хвоста никак: собственность корпорации, рабочий, так сказать, инструмент. Братья наслаждаются: хлещут кофе, давят из немаркированной тубы на виски и потихоньку съезжают с катушек...

Капитан в панике – бьётся рогами о переборки, подключаясь то к жизнеобеспечу, то к силовым запит-

кам, то отсылая в Координатор отчёты о неполадках. Штурман поначалу орал, что взбесившиеся лифты принято расстреливать без суда и следствия, дабы инфекция не распространялась, а затем два года обходить окольным путем «заражённый» участок космоса. И умолял кэпа не спешить, промолчать, мол, сами справимся, бывает, ничего страшного. Теперь он хладнокровно медитирует на дубинку-шокер.

Дни несутся стремительной тарантеллой. Музыка дробится триолями. Темп убыстряется.

Гитара! Тамбурин! Кастаньеты!

Всё. Эдик выдохся, у Эдика трещит голова, а боль клюет затылок хищным птенцом.

Кувалда пульса расширяет наковальню висков. Мозги – всмятку!

В проходе кувыркаются дроиды...

И Эдик, и Ринат жаждут старости. Нормальной полноценной старости, не способной на трудовые подвиги. Когда тело станет откровенной развалиной и не сможет адекватно воспринимать закачку гормонов и анаболиков, а витаминные подкормки будут вызывать жуткую аллергию. Когда...

Старость. Пенсия. Заслуженный отдых. Упасть на силиконовый гамак и дышать через раз.

Не думать. Почти не жить.

Толчок, дррр – вибрация по корпусу, утихла: переключаемся на следующую ветку, минуя узел-развязку. Эдик нервничает, скрипит зубами. Ф-фух, отпустило: не мотает, не корежит. Скользим впритирочку. В эту самую, где сделано, – в Камбоджу. Станция такая, огромное поселение, где живут – как поведал апатичный штурман – чистые натуралы, которые оч-чень косо смотрят на изменение генома, симбо, комбо и фермы-инкубаторы. Но! – упёртые борцы за чистоту расы просто помешаны на своей технике.

Утомившийся Эдик дремлет у потолка и мечтает о мякonych, не продвинутых девочках, без железной арматуры в самых неожиданных местах и генных модификаций. Скажем нет симбионтам и сшитым из кусков комбинашкам! Да здравствует первозданная – дикая? – природа!

Поселение существует за счет разработок. Всяких-разных. Каких именно? Да разве важно? Хотя бы примесей к мазюкалке. Эдик морщит лоб: ну да, точно. В общем, мы – им, они – нам. И в расчёте. Э-э, то есть, не совсем. Эдик пошустрил в накладных, которые требовал у хвоста-суперкарго, припугнув тем, что отбросит в момент. Мы-то везём жизнеобеспеч, наноматериалы в ассортименте, жратву в таблетках, концентрированную аш-два-о, кислородники, силовики и ядерные батарейки к ним, рулоны солнечных парусов, детские игрушки, косметику и шмотки – последний писк женской моды... А их товар не прошёл сертификацию на Земле, обломали товарищей камбоджийцев. Брак, мол.

И рекламацию вкатили. Сразу же. Адвокаты «Lifting Inc» не дремлют! Всегда начеку, готовы бетон рыть и стекло грызть. Не зарплату ради из штанов выпры-

гивают, а чтоб родной корпорации уважение оказать. Честь, знаете ли. Долг. Кто сказал, ради? Врут, значит? И штаны не носят, лет двадцать как? Ну и ладно.

Тубы назад отправили: забирайте свою мазню! Некондиция! И жизнеобеспеч рубанули: нечего, мол. Будет первоклассный товар — пожалуйста. Обсудим, подпишем, заключим.

Эдик дремлет и вспоминает погрузку: мозги давит, ну точь-в-точь как на старте. Тяжелом. И Натали опять же. И конфуз по мужской части. Ой, плохо-то как. Нет, не то слово — хреново! Кошмар, да и только. Пульсирует жилка на виске: тук! тук!! Липко блестит мазюкалка и — поверх — смесь из немаркированной тубы.

Тук! Тук!! Хрясь! — толчок. Дррр! — вибрация. Трясёт, не утихает.

«Твою!.. И вашу!.. Живее!..» — сонными отголосками.

И сирены взрываются, натурально так: ву-уу, ву-уу! И размагничиваются захваты. Что?! И отстегиваются не по расписанию ремни-компенсаторы.

Эдик шлепается на пол вслед за Ринатом.

А, чччерт, не снится! Авария на трассе. Всем заняты места согласно распорядка! — Капитан через рога-антенны отдает ЦУ экипажу. Ну и выражается, конечно. Не без того.

По распорядку Эдик должен метнуться туда-сюда по лифту и проверить закреплённость груза по правому борту, ну а Ринат, соответственно — по левому. Напарник бы и метнулся. Молнией. Реакция-то у него в разы. Но нет — оба угрюмо топают вдоль борта и пялятся в вижуал. Экраны подмигивают звездами, видно: штурман и кэп выползли в открытку. Где-чего? В чём проблема? Ох ты, ёлы!.. Обрыв ленты! Фуру бросило нанобот знает куда. Хотя в космосе не страшно — отстрелим, закрепим, вырастим. Уплотнитель, то есть, и нить-исходник. Запросто!

Эдик нашаривает в кармане тубу, шлёпает на виски порцию, и ему сразу становится легче. Веселее становится. Ну и умора! Была лента — нету ленты!

В голове сумбур и наплыв детских, забытых уже впечатлений. Ферма в океане: два соединенных мостами острова. Вокруг вода, рыбки, кораллы. Свежий воздух. И Наташка-хрюшка из пятого отряда; у неё был такой забавный розовый пяточок. И ночное небо — Эдику безумно нравилось тарашиться на звезды. А однажды довелось наблюдать, как падают с небес оборванные ленты. Восторгу не было предела: яркие вспышки-полосы, рассекающие Млечный Путь... метеориты капсул, набитых грузами и людьми. Много позже на курсах по введению в специальность Эдик узнал, что подобное случается крайне редко. Но ежели злыдни-экстремисты из «ЕсоСрасе» запланировали нечто отвратительное...

Смотреть — нравилось. Сейчас удовольствия ещё больше! Ремонтные работы, ха! Экипаж чинит вывороченную с корнем сцепку. Потом, стало быть, ленту нарастят.

Текучка? Скукотища? — Ни за что!

Потереть виски, подёргать реснички — и взгляды-вайся, парень, в пустоты космоса, наслаждайся зрелищем, требуй хлеба. С маслом. С красной синтетикрой.

Двое. Капитан и штурман.

В прозрачных, с голубоватым отблеском, силовиках.

Раньше, давно очень, когда динозавры щипали травку на гидропонках, отцы-первопроходцы выбирались наружу в кошмарных устройствах, скафандрах. Что это такое, Эдик не знает, да и знать не желает, верит на слово: устройства были именно кошмарными, и никак иначе. И тогда, повинувшись чувству долга и боясь пыток, спецы «Lifting Inc» (не путать с балбесами из «HighLift Systems») разработали концепт силовика, впоследствии не единожды модернизированный. Лифтёты с тех пор пользуют и довольны, что тот морф при «контакте» в функциональный разъём.

Эдик, не отводя глаз от экрана, проверяет закреплённость груза. Эдик давно скинул перчатки-коннекторы. Без них — лучше! Братья — по глупости — скакнули через барьер, поднялись выше, к техникам. А вот контроль...

В вижуале цирк, да и только!

Двое суетятся у захватов сцепки, ни с того ни с сего, выпадающих из пазов.

Две фигурки в мерцающих силовиках.

Это... ангелы?..

Отформатируйте меня заново! Такая каша в голове...

Музыка. Ритм. Не удержаться. Эдику смешно, Эдик танцует между рядами стеллажей. Приседает, и от колена ножку раз! — пазы раскрываются. Два! — захват едва не сшибает кэпа в открытку. Ха-ха-ха! Легко и непринужденно. Лучше даже, чем хвостом баловаться.

Добаловался... Поговорку знаете? — как имплант ни корми, а всё равно заложит! Гадский хвост отсигналил насчёт экспроприированных туб, тех самых, ага. И разгневанное начальство, водрузив на рога ленточку-логотип, приперлось выяснять отношения. Расставлять по росту и в затылок на вытянутую руку.

Содрав Эдика с потолка — ха! кое-кто спать надумал! — всея груза, лифта и прилегающих коридоров прогнусавил:

— Эдуард, ваше поведение расстраивает меня в частности и весь наш сплоченный экипаж в целом. Прежде чем перейти к разбору ваших деструктивных рефлексов, я хотел бы спеть любимый корпоративный гимн! Ну же, Эдуард! Ну же! Не усугубляйте!

— Э...

Из-за плеча капитана выглядывает мрачный штурман: в лапах — дубинка-мультифункционал. Это мгновенно стимулирует память.

— Наш лифт сквозь мрак летит, — затягивает струнувший Эдик.

— По курсу звёзды светят, счастли-ивого пути-и... — Капитан входит в раж: диафрагма на ширину живота, щёчки пунцовые.

Эдик перхает и давится кашлем, мол, простите, но какова тема визита?

– Это возмутительно! – рычит капитан. – На вверенном мне транспорте! Вы, Эдуард, позорите честное имя «Lifting Inc»! Не чтите устав! Второй пункт, параграф шесть!

– Не укради! – цитирует штурман и засандаливает дубиной промеж ушей. Без предисловий

Это он, конечно, зря. Это он сильно не подумал. Потому что – ой! – робот-погрузчик. Потому что – ай! – дроиды врассыпную: горохом. Потому что – уй-уй-уй! – взбесившаяся от кавардака в черепушке лифтёра техника...

Напомнить, куда прошивают техбез? В мозжечок! А мозжечок от удара в полной отключке. В общем, кирдык, аминь и светопреставление.

Тут такое началось!

Лифт мотаёт волчком: стабилизаторы в отказ, компенсаторы – следом! Крен! Задержка! Трах-тарарах! Сальто вперед, назад, ох ты, спаси и пронеси!..

Эдик в ауте, Рината отдачей зацепило – еле ползает. Капитан и штурман позорно бегут, обещая разобрататься и принять меры. И принимают...

Всё дело в лигатуре! – хвост, обрубок позорный, стучит кэпу открытым текстом, пользуясь бессознательностью хозяина. Кэп быстро смекает, что к чему, и вскрывает контейнер. Меж тем болтанка сходит на нет, лифт вырывается на финишную прямую, а трое – штурман, главбух и капитан – держат совет. И не могут понять – как же так? Мазь не действует!

– Техник не может дуришь машины, – предполагает штурман. – Выучка не позволяет.

– А я? – смущённо краснеет главбух.

Кэп и штурман озадаченно переглядываются. Виданное ли дело? – чтобы человек без допуска... Но ситуация серьёзная, и кэп даёт добро. Горгоны возмущенно шипят: им не нравится вкус серебрянки.

– Ну? – требует капитан.

– Качните левым бортом, – встречает штурман.

Главбух пыжится и... качает ножкой. Шевелит пальчиками с аккуратно затупленными коготками. Нет, нет и нет. Здесь какая-то тайна, доступная лишь охламонам-грузчикам. И разбираться – поздно! На вижуалах станция, а там... мать-корпорация!

Уволят, на, думает очухавшийся Эдик. Не везёт, на. И – скандал дома, наверняка. Отлучение от тела – всё равно не можешь, развод, делёжка имущества, всё такое. Мутным глазом Эдик смотрит на экраны, второй глаз заплыл. Ух ты! Скопление тороидов, тип и принадлежность не определяется, что-то, значит, боевое и секретное, быстрое очень. Ни фига не транспортники – хищные слишком, стремительные. Чего им тут? Чем намазано? Прилетели-сгрудились. Да их как вирусов в пробирке! Так и снуют, мерзавцы. И станция вся покорежена. Ой-ой.

От роя отделяется корабль, мчит к лифту. Ой, не зря мчит, ой, приголубит щас... Тороиды... «ЕсоСрасе» замешана? Знаем мы их повадки! Во гады!!

В башке кипяток и окрошка мыслей. И глаз болит, и ухо. И хреново вообще, ужасно хреново. Злость –

настоящая, весёлая, задорная злость – плещет в мозжечок. Сам не понимая, что и как он делает, Эдик выходит на связь... вместо капитана. И кроет не стесняясь – налево, направо, с загибом и подвывертом.

– А вы кто такие?! – обалдело рывкают в ответ.

– Грузовой лифт, консервная ты банка! Везём жизнь-необеспеч и возвращаем некондицию.

– Какую некондицию? – оживляются на корабле.

– А вам-то что?!

– Нам? Ну ты наглец! Досмотр, понял?!

– Никакого досмотра! – борзее Эдик. – Требую пропустить к станции!

На корабле смеются: требует он, комедиант драмный. От жены требуй. Да мы вас в капусту, на лоскуты и ленточки!

Эдик зеленеет от ярости. От жены, значит?! Намекаешь, сволочь?! А в мордень с разворота? Под дых и по жабрам? А?!

Строй кораблей проваливается, будто гигантский кулак таки двинул и в мордень, и по жабрам. В эфире вопли и стоны, перебранка, лающие звуки команд... Становится ясно: попали, и попали конкретно. Тороиды меняют диспозицию, надвигаются боевым тетраэдром – в два эшелона, с прикрытием. Вояки, мать их инкубаторную! Профи. Обшивка вибрирует – и это не корректировка трассы, это серьезнее...

– Ша, малявки! – грохочет по всем интерфейсам. – Сидеть тихо и не вякать. Дернитесь – по орбите размажу!

Но Эдик дёргается. Эдика оскорбили! Унизили! Осмеяли! Фронт кораблей рассыпается цепью: первый эшелон теряет управление. И опять – мат-перемат, ругань и неразбериха.

– Немедленно! прекратить!! сопротивление!!!

Шарах! – лифт кренится, Эдик въезжает котелком в переборку.

– Немедленно! Иначе – огонь на поражение!

Бух, трах! И снова о переборку. Черепом. И назад! И обратно! Хаар-рошие качели. И вверх, и по полу размазало.

– Иванов! Эдуард! – взывает капитан. – Ринат! Спасайте! Благодарность от лица корпорации, допущения, повышение зарплаты, что хотите! Гарантирую! Только вы...

Что, только мы?

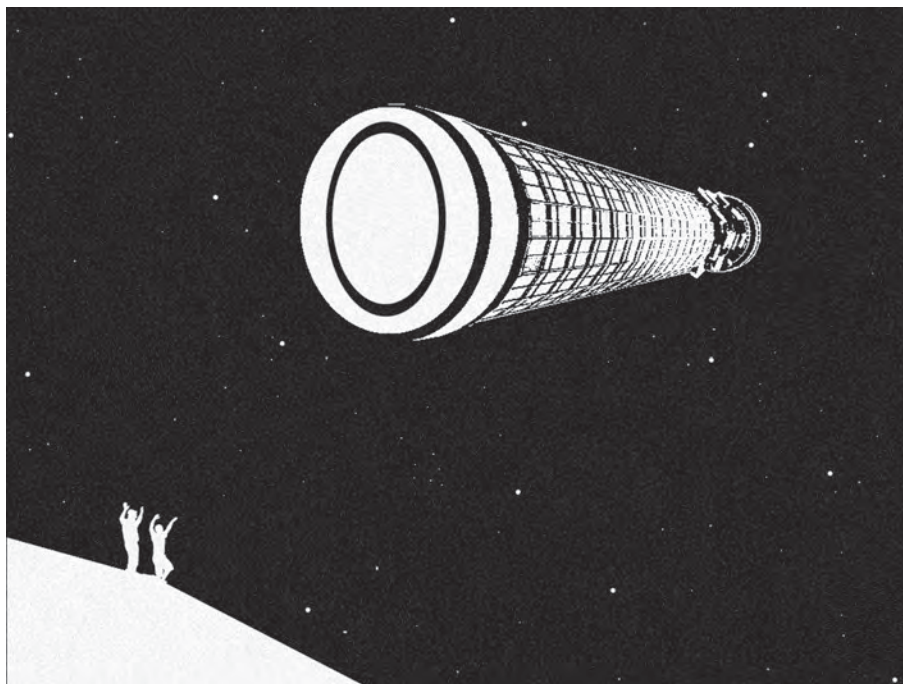
Что – мы?!

Мы?... А кэп-то не злится! Не злится кэп! Не уволят, ха! Не будет развода!

Ур-ра?! Нет...

Открытка, мрачный вакуум, расцветает энерговзрывами. Всё, хана.

Ну гадство гадкое! Да пропадите вы пропадом! Ноги кренделя выписывают, руками – куда б схватиться. Мышцы – жгуты. Вены – переполнены. И – сжал кулак. И – второй. Отмахнулся. Повезло носом. Ободрало о стеллажи. Уй-уй-уй! И будто мошкара надоедливая кусает. Запрос «свой – чужой»? Какой запрос? На управление? Хрен тебе, а не запрос!

Вражьи тороиды молотят друг по другу. Сталкиваются! Взрываются! Огненные лезвия... протуберанцы выхлопов... импульсные разряды... Свой, ха-ха, чужой! На!

Схватил! Шлёпнул! Получи, зараза!! В мурло! По сопатке! И ещё!

Эдик-лифт оцетинился пушками «уплотнителей». Выброс гормонов! Пли! пли! Лови гостинцы! Вакуум бурлит и вспухает. Ленты растут как на дрожжах, оплетая всё и вся. Тороиды, прошитые исходниками, сминаются одноразками. А-а-а!.. Голова трещит, хвост отваливается. Но — залп! залп! залп!

Лифт-Ринат приходит на подмогу. Огонь! Хрена вам! Подавитесь, уроды!

...Это как в большую грязную лужу отработанного масла бултыхнуть списанный регенеративник: капли-брызги — в стороны! В луже — шторм девять баллов, в луже — цунами! Кораблики рвутся, как бумажные... Боевые тороиды — в ключья!..

Дальше — провал. Что было? Как было? Да ерунда! — живы, и это главное.

Состыковались кое-как. Сами.

Ни диспетчера тебе, ни позывных, ни разрешения на посадку. Молчание в эфире. Чего они там, от расстройств в спячку ударились? Или сдрейфили и по норам-схронам таятся?

Виляя бортами, втиснулись в полураскрытый створ: то ли док, то ли ангар — непонятно. На визуале — дым столбом, искрит что-то, вспыхивает. Ремонтники, аварийщики, санитарная служба, где? И не чешутся! Непорядок, то есть, и с дисциплиной беда. За такую лопоухость и разгильдяйство наряд вкатить — милое дело. Совсем эти камбоджийцы от рук отбились.

Капитан за передатчик засел, хотя тот и накрылся. Но босс сей аргумент принципиально игнорировал, докладывал по инстанции, к начальству взывая, ум-

ными фразами сыпал. Ивановых к награде представить требовал. Да жаловался ещё на паскудное житие: лифт-то в дугу и в лепёешку. А кто в ответе? — Кэп!

Братья плечами пожали: награда? Исключительно ценными вещами. Ну и допотпуск не помешает. Не забывай, значит, когда передатчик починим.

Главбух на полу прикорнула, в обнимку с электро-бритвой. И прическа из раздавленных орхидей стильной никак не являлась. Штурман закрылся в ходовой и временно недоступен: обещает слить в вакуум любого, кто потревожит.

Ну а работа — как всегда! — грузчикам досталась. Таскать, носить, квадратное катать. И серебрянка кончилась. Элитная, хе-хе, лигатура. Жаль. Оч-чень жаль.

А хотелось бы. Оч-чень хотелось.

Диафрагма шлюза — кривая и гнутая — наконец от-верзлась, и оба дубля, поправляя перчатки и обескуражено улыбаясь, двинули вниз по трапу. Обернулись на лифт — ужас, развалюха, как обратно выгребать?! Ну да ладно, это потом. Авось благодарные поселяне на ремонт скинутся. Ну и нам от щедрот отваяют. Мы ж не против.

Теперь, значит, пандус настропалить, дроидов — какие целые — из конуры выгнать, и сгружать помалу. Без надрыва и в своё удовольствие.

Встречающие, ау! Не видать что-то. Где они, чистые натуралы, со своей хвалёной техникой? Любопытно ж глянуть. Странно. Весьма. А с другой стороны...

С другой стороны как бы даже и хорошо.

Ну так... разгрузка? Пока встречающих нет.

Разгрузка, как известно, дело такое... этакое. То есть, всякое приключиться может. К примеру, замечается лифтёр, да и проглядит столкновение двух тележек... по стратосферу заваленных... и...

— Ринат, потанцует?

— Запросто, Эдичка!

«ЛЕДЯНАЯ» ЭЛЕКТРОЛИНИЯ

Мы, современники, не можем себе представить, как жить без электричества. Стоит где-то на подстанции случиться аварии — гаснет свет, и мы мечемся в потемках, отыскивая спички, чтоб зажечь свечку. Да что свечку — затихает работа холодильника, не работает телевизор, не нагревается утюг, электроплита. А транспорт? Стоят трамваи, троллейбусы, метро, улицы утопают в темноте... Нет, представить нашу жизнь без электричества невозможно.

А ведь всего полторы сотни лет тому назад люди не знали, что такое электрическое освещение. Первое упоминание об этой новой энергии появилось в XVIII веке, когда итальянец Луиджи Гальвани, физиолог, подведя слабый ток к лапке лягушки, дрогнувшей от его прикосновения, понял, что за электричеством большое будущее. Далее был Александр Вольта, тоже итальянец, в 1800 году он сумел получить ток для практического применения. Он составил 20 пар кружочков из двух различных металлов, разделенных кусками ткани, смоченной соленой водой или щелочью.

Родоначальником электрического освещения был наш соотечественник В.В. Петров, физик и электротехник, академик. В 1802 году он создал крупнейшую по тому времени гальваническую батарею, с помощью которой получил электрическую дугу, впоследствии названную «вольтовой дугой». Она излучала свет и тепло.

Первыми электрическими источниками света были разнообразные дуговые угольные лампы, среди которых наиболее дешевой и простой была «свеча Яблочкова», русского изобретателя, в 1876 году получившая широкое распространение. В 1878 году Париж во время выставки освещался электрическим светом по способу Яблочкова.

Просматривая в библиотеке им. Белинского «Екатеринбургскую неделю» за январь 1885 года, я обнаружил рекламу такого содержания: «Екатеринбург. Златоустовская ул. дом Сулова. Агент товарищества П.Н.Яблочков и К° электрического освещения в России.

Принимает заказы на устройство электрического освещения фабрик, заводов, театров, домов, площадей и т.п. фонарями Яблочкова и прочими системами Вольтовой дуги и «русскими» лампочками накаливания и на изготовление на собственном товарищества заводе всех принадлежностей и аппаратов электрического освещения, как то: динамо-машин, кабеля, проводников, лампочек и всех прочих предметов по электротехнике вообще.

Лампочки производятся различных величин по силе света: в 25, 20, 16, 8, 4, 2 и 1 нормальных свечей, каждая такая лампочка горит до 1000 часов.

Все заказы исполняются аккуратно и по умеренным ценам.

Всякие сведения, касающиеся устройства и эксплуатации электрического освещения, а также сметы на каждую установку, даются и составляются безвозмездно».

Надо сказать, что «свечи Яблочкова» питались от генераторов, созданных на основе работ Майкла Фарадея, английского физика. Открытие Фарадеем в 1831 году явления электромагнитной индукции способствовало появлению электрических машин-двигателей и генераторов.

В той же «Екатеринбургской неделе» сообщалось, что «во дворе городского театра (ныне кинотеатр «Коллизей». — Авт.) начала действовать первая электроустановка. Опыты электрического освещения по способу Яблочкова во время двух представлений не дали тех блестящих результатов, которые мы ожидали. Причиной этого было то, что одной машины оказалось недостаточно для освещения зрительной залы и световых эффектов на сцене». (Машины, о которых шла речь — это генераторы тока, приводимые в движение паровиками. Бензиновый мотор был изобретен только в 1885—1887 годах немецкими конструкторами К.Ф.Бенцем и Г.Даймлером. — Авт.).

В 1870—1876 годах русский электротехник Л.Н.Лодыгин разработал несколько типов ламп накаливания с металлической нитью, усовершенствованных позднее Т.А.Эдисоном и получившим преимущественное распространение к 90-м годам XIX века.

К концу 70-х годов относятся первые попытки использования электроэнергии на транспорте. В 80-е годы трамвайные линии были открыты во многих городах западной Европы, а затем в Америке. В России первый трамвай был пущен в Киеве в 1892 году.

В 80-х годах XIX века электричество применили и на промышленных предприятиях — для действия металлорежущих станков и другого оборудования.

Первой настоящей электростанцией в Екатеринбурге была построенная на второй Береговой улице (ныне ул. Горького) и пущенная в 1894 году центральная, известная под названием «Луч». Она освещала только центр города. Осенью 1921 года в город пришла линия электропередачи от Березовского завода, а в 1924-м состоялась закладка мощной электростан-

ции на Большом конном полуострове Верх-Исетского пруда.

Вот что писала газета «Уральский рабочий» от 15 марта 1927 года.

«Открытие новой Свердловской электростанции имени А.И.Рыкова. Ток пошел на Верх-Исетский завод «Красная кровля» и в город. Директор станции И.А.Канторович, главный инженер-строитель Л.И.Фольварков. Мощность станции 3400 лошадиных сил. Две небольшие машины дают 6 тыс. киловатт.

12 марта 1927 года на Конном полуострове состоялось торжественное открытие Свердловской электростанции им. А.И.Рыкова.

На этом месте была старушка-электростанция, не поддавалась никаким опытам омоложения и всегда держала город под угрозой своей смерти.

Паровые котлы, турбогенераторы изготовлены на заводе «Электросила». Здесь же построили два двухэтажных дома для рабочих станции. Каждая квартира на две семьи.

Новая электростанция начала работать. К новой сети был прикреплен уже район ул. Карла Либкнехта от Делового клуба (ныне Филармония. — Авт.) до Площади Мести со всеми прилегающими кварталами. Через месяц-полтора весь город будет озарен электрическим светом. Березовская электростанция ушла в резерв...»

15 июля 1928 года в северной части города Свердловска состоялась закладка завода тяжелого машиностроения — Уралмашзавод. В первые годы строительства на земляных работах, кроме рабочей силы,

никакой энергии не требовалось, а вот после закладки первого цеха металлоконструкций появилась необходимость в электрической энергии. Решено было подключиться к электростанции на Конном полуострове. Но как тянуть провод через пруд? Работы начались с конфликта молодых инженеров Уралмашстроя с немецкими специалистами, представителями фирм, поставляющих оборудование. Те утверждали, что невозможно установить на замерзшем пруду (дело было в декабре) восемнадцатиметровые опоры. И предлагали тянуть линию круглым путем или вообще отложить строительство до лета. Управление стройки решило, однако, проложить трассу напрямую через лед пруда. Ведь без электроэнергии стройка была обречена.

Взялись проводить электролинию через Верх-Исетский пруд. Вообще соорудить мачты в воде — дело сложное. Работой руководил прораб Н.В.Доброхотов. Он так поставил дело, что трескучий мороз не только не был помехой, но даже «помогал» строителям.

Долбили лед, намораживали новый слой, снова долбили. И так доходили до самого дна. Получался отличный ледяной кессон. Теперь можно бетонировать.

Как работали! На пронизывающем ветру, металл жег руки сквозь рукавицы. Лед на пруду в эти жестокие морозы достиг полутора метров толщины. Когда под-

нималась очередная опора, вокруг разносился натужный стон облепивших ее людей. Опоры ставили только вручную — не было еще кранов соответствующей мощности. Так подняли все опоры на километровом пути до электростанции. К лету строящийся завод получил электроэнергию. Линия эта прослужила вплоть до 1956 года, когда с Волжской гидроэлектростанции дошла до Свердловска первая ЛЭП-500.

Я помню ту «ледяную» электролинию через Верх-Исетский пруд. Много раз проезжал на поезде под проводами. А вот когда убрали ее, не видел. Сейчас даже старожилы не помнят, что тут когда-то была электролиния.

7 ноября 1929 года в городе Свердловске от железнодорожного вокзала отошел первый трамвай и направился к площади Горсовета (ныне здесь на ул. Фрунзе — Южное трамвайное депо). Вот как об этом вспоминал старейший уральский краевед Стефан Захаров: «...Через два дня в 6 часов утра началось нормальное трамвайное движение. И уже днем 9 ноября первый раз проехал по Свердловску в трамвае. Сел на остановке Ленина-Толмачева и сошел на конечной площади Горсовета. Многие прохожие останавливались и восхищенно смотрели вслед отчаянно звонившему вагону. Уж очень старался его вожатый!..»

8 октября 1943 года в Свердловске начал курсировать от Уктуса до ул. Фрунзе первый троллейбус.

27 апреля 1991 года состоялось торжественное открытие Свердловского метро.

Любовь СТАСЮК

* * *

Росчерку пера, крыла и облака
Сладко подчиняться иногда...
У души ни контура, ни облика,
Ни твоей прозрачности, вода...
Правит – невесома и незрима –
Мной, как это ей необходимо...

* * *

Сухую из щели горошину
не вызволить...
А, может быть, друга хорошего
мне вызвонить?

Мы всё еще в лучшее прошлое
влюбленные.
Когда-то была и горошина
зеленую...

* * *

Кофе смолот, ну а с ним
Дни и ночи.
Посидим, поговорим,
Если хочешь.
Перемелем, что да как,
С чувством, с толком,
Пока есть о чем, пока
Кофемолка,
Да не та, что на столе,
Ясно слово,
Зёрна лучших наших лет
Не смолола.

* * *

И опять ностальгия
В моих светлых глазах.
«Умирают другие», –
Кто, не помню, сказал.
Еще свеж на картине
Луг, стряхнувший туман...
Умирают другие,
Но... уступят и нам...

* * *

Держит спину стена.
Спину держит.
Вот и я, как она,
Вся в надежде:
Пока прямо держу
Свою спину,
Я живу, я дышу,
Я не сгину...

* * *

Целый июнь – дожди.
Мокнет моя картошка.
На небесах, поди,
Тоже сыры дорожки.

* * *

Вот и сени выстыли.
В подпол уберу
Заготовки. Выстелю
Дом свой, как нору.
Ничего, что маленький,
Лишь бы без тоски.
Пригодились мамыны
Мне половики.

* * *

Никакого с дождями сада,
День ли, ночь – все одно – в слезах.
Золотая лепнина сада
Разрушается на глазах.

Ветер листьев не в силах свитки
Прочитать – так сыра их плоть.
Время, сшитое светлой ниткой,
Перекраивает Господь.

Не видать Ему передышки,
Вот пометил в календаре,
Где, когда моей жизни книжка
Дочитается на земле.

Любовь Стасюк – родилась и живет в Верхней Салде. Окончила филологический факультет НТГПИ, работала библиотекарем, учителем, корреспондентом и редактором городского телевидения. Седьмой год руководит студией «Молодые голоса» при Центре детского творчества.

Автор книг «Четыре времени любви» (1993), «Письмена мои дышат любовью» (2001), «У раскрытого окна» (2002), «Ангел у виска» (2006). Стихи публиковались в альманахах и коллективных сборниках, антологии поэзии (Екатеринбург), журнале «Урал», «Книжном обозрении». Член Союза писателей России.

* * *

Я проснулась. Почти светло.
Чуть занавеска дрожит.
Сколько времени натекло
В комнату – целая жизнь!

* * *

Все эти рюши на душе,
Жабо, оборки
Пообтрепались, и уже
Есть опыт горький...
И понимаешь, ни к чему
Воланы, складки...
Но говоришь опять ему,
Что всё в порядке,
Что относительно легко
Живешь на свете,
А то, что ангел над виском,
Он не заметит...

* * *

Бор брусничный, пустынный плес,
Ветер где-то под самой высью.
От берез, как от папирос,
Искры желтых летящих листьев.
На путях опять вразной
Поезда гудят по привычке...
Мы легко играли с судьбой,
Что еще нам осталось с тобой? –
Сесть на разные электрички.

* * *

Тише воды, ниже травы
Стать захотелось.
Из-под обстрела глаз и молвы
Вынести тело.

Душу спасти, не умереть
В уединенье.
В небо ночное долго смотреть
Стихотвореньем...

* * *

...Вещей в уютном старом крове
Не перечесать, во всем – запас...
Но пестик в ступке наготове
Всегда у времени для нас.

* * *

Я не буду держать осаду.
Реактивным, двадцатилетним
Уступлю. Им уже не в радость
Слово в тесном стиха корсете.

С разлинованной белой глади
Рвутся, не убоившись нетей,
За пределы строки, тетради,
За пределы тысячелетья...

* * *

Показалось, что время прошло...
А.Кушнер

Воскресное утро.
Разъехались дети.
И мне показалось:
одна я на свете
осеннем и полупустом.
Но белка прирученная
появилась,
и дача, как мир этот,
не покосилась,
и солнце легло животом
на мой подоконник,
и кухню согрело.
Нет, мне показалось,
что я постарела...

* * *

Вернусь к себе,
К любимой теме –
И буду только светом жить.
И мыть, и мыть к нему ступени,
И если надо – этажи.
И подниматься, подниматься...
Уже теплее, горячо...
И свет стихами будет зваться,
А как иначе, как еще?

Звездная карта

Кассиопея, Андромеда...
Теперь и у меня есть небо
Перед глазами над столом:
Дракон, Орел, и Орион,
И две Медведицы, Алголь –
Пьянящих звуков алкоголь...

* * *

Скрипит калитка по ночам,
Когда уже потух очаг,
Вода остыла в котелке,
И ты спишь крепко на руке.
И только мой опять висок
Уперся мыслью в потолок...

* * *

Слышнее ночью поезда.
Как хорошо, что никуда
Я в них не еду.

Как хорошо лежать в тепле
На легком вымысла крыле,
Укрывшись пледом.

А можно встать и выйти в сад,
Где звезды, не устав мерцать,
Глядят нестрога.

Но предосенний запах трав
Напоминает, что пора
И мне в дорогу...

* * *

Расщепляется жизнь на любовь и разлуку:
Безрассудное «да», непреклонное «нет»,
На земное с небесным... Так дай же мне руку,
Пока нас не засыпало время, как снег,
Пока глина в земле на два метра плотна,
Пока жизнь стороною нам светлой видна.

* * *

Холодно. Дождь да размытая глина.
Ветер сквозной.
Но никогда не была так любима
Родина мной.

Но никогда не писала так много,
Где тут уснуть!
Я и из осени вижу дорогу
Прямо в весну!

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для библиографического словаря)

В

ВЕСЕЛОВСКАЯ Мария Васильевна (1877 — 1937), критик, переводчица.

Жена критика и поэта Ю.А.Веселовского. Невестка историка лит. А.Н.Веселовского. Сotr. «Рус. вед.», «Вестн. Европы». Под ее ред. издан сб. «Молодая Бельгия» Т.1. Поэты». М., 1907. (Рец. в «Рус. Мысли», 1907. № 4. С.66). Авт. «Бельгия до войны». М., 1915. В пер. В. и с ее предисл. вышли «Рассказы бельгийских писателей». М., 1917. Скорее всего, она пер. кн. Жоржа Роденбаха «Искусство в изгнании» М., 1908 (Рец. в журн. «Образование», 1909. № 1., С.77). Пер. с франц. ром. Ж.Экоута «Защитник бездомных (Новый Карфаген)» Т.111. М., 1911. Пер. «Из «Мужских писем» Поля Андре; «Годен к военной службе» Ж.Экоута («Вест. Евр.», 1910, № 4, 7.; «Тайна Фредерика Марсинеля» Ж.Детре (там же, № 8); «Невинный младенец» (там же, № 9). Пер. «В защиту животных» Эмиля Марриота (изд. «Посредника»). О ней: Писатели современной эпохи. М., 1928. Венгеров, Источ.; в ЦГАЛИ. Ф.80. Ед.хр.423; 1836-1920 гг. — архив В. и ее семьи. Личн. арх. фонды Голубева.

ВЕСЕЛОВСКАЯ Надежда Б.

Сост. науч.-попул. кн. «Буряты». М., 1901; «Мысли по поводу открытия женских гимназий» \ \ Рус. речь. 1861. № 41-42.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВЕСНИНА А.

(См. Иванова А.П.).

ВЕСИНЧУКОВА С.С. (или Россинчукова), издательница в Тифлисе начала XX в.

ВЕСТФАЛЬ Лариса

Авт. кн. стихов «В стране чужой». Прага. «Наша речь», 1922.

Алексеев А.Д.

ВЕТВЕНИЦКАЯ Н.А., авт. воспоминаний.

Член совета Общества вспоможения окончившим высшие женские курсы. «Памяти Ольги Константиновны Нечаевой». — В кн. «Ольга Константиновна Нечаева». Л., 1928, С.118-120; воспоминания в сб. «Памяти Варвары Павловны Тарновской». СПб., 1914, с.56-66.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. №№ 1780, 1793.

ВЕТЦЕЛЬ Наталия Михайловна, провинц. писательница (Екатеринослав, 1908).

Венгеров, Источ.

ВЕЧОРКА Т.

(См. Толстая Татьяна Владимировна)

ВИЗЕНТАЛЬ Е. Павловна, авт. «семейной хроники».

Внучка книгопродавца и издателя М.П.Ольхина, дочь переводчика и популяризатора науки П.М.Ольхина. Авт. «семейной хроники» (неопубл.), кот. хранится в фондах Илангородского (Ленингр. обл.) ист.-архит. и худож. музея. «Книга», 68.

ВИККЕР-КАВЕНОК Ольга Борисовна (1877 — ?), авт. воспоминаний; учительница.

Член РСДРП. «Побеги романцев». — «Каторга и Ссылка», 1929. № 3. с.74-85.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 4681.

(Продолжение на стр. 47)

Волчиха или Волочья?

Жители Свердловской области, родившиеся после 1940 года, в большинстве своем считают, что гора получила название от Волчихинского водохранилища, плотина которого расположена у подножья горы. Но до постройки водохранилища гора называлась Волчья, водоем получил название от нее, а с конца 1940-х годов название водоема перешло на гору.

Гора стала называться Волчья со второй половины XVIII века. Существует несколько версий появления этого названия, но все они очень сомнительны.

Еще в конце XIX – в начале XX веков среди аборигенов-старожилков Билимбаевского завода бывало: «Гору-то кликали Волошья» (Волочья), будто были через гору волоки. Но когда, откуда и куда? Исходя из рельефа, ни Ревдинскому, ни Билимбаевскому заводам не было надобности устраивать волоки через гору.

Как подтверждение названия горы – Волошья (Волочья) можно принять во внимание, возникшие в конце XVII – начале XVIII веков две деревни Подволошные (в один и три двора) на речке Четевская Шайтанка (левый приток реки Чусовой, примерно в 30 км ниже по ее течению от горы).

О Чусовой имеется много информации, но она в основном относится к участку от Ревды до реки Камы. О верховьях Чусовой (от истоков до Ревды) историческая информация очень скудная. Этот участок в большинстве случаев упоминается в связи с открытием полезных ископаемых и строительством заводов. В научной литературе почти не упоминается о главной достопримечательности рек Чусовой и Исети – древнейшей Прямой Сибирской дороге. Именно в верховьях этих рек, по Каслинско-Сысертскому увалу, представлявшему плоскогорье

покрытое болотами и озерами, проходили волоки и гужевые дороги через Уральские горы. Надобность в этих путях отпала только в конце XIX века с развитием железнодорожной сети, а позже – автодорог.

Описание некоторых волоков и гужевых дорог есть в документах ГАСО. Один из волоков существовал около горы Волчихи (Волчьей, Волочьей), начинался по речке Топкой (правому притоку реки Чусовой). Сейчас устье притока затоплено, а у подножья горы – плотина. Следовал по Топкой до заболоченного перешейка, отделяющего пойму речки Решетки – правого притока реки Исети. Примерно в этом месте сейчас проложен водоканал «Чусовая – Исеть», снабжающий Чусовской водой город Екатеринбург. Гора служила хорошим ориентиром для обнаружения устья речки Топкой – начала волока. Поэтому гора могла называться Волошьей (Волочьей).

В ГАСО (1.59. Оп. 15. Д. 5) сохранилась карта без даты издания, но по указанным на ней объектам (заводам) она, вероятно, относится к середине XVIII века. На ней

река Чусовая подписана Чусопая, а гора Волчиха – Полячья... Не трудно догадаться, что «П» – «В», а вот значение знака «Я» оказалось под вопросом.

Из Букваря древнеславянской письменности «Глаголица или Юсовое Письмо» М., 1999 следует, что буква «Я» близко созвучна букве «О». Следовательно, на карте название горы Полячья читается, с некоторой долей погрешности в звучании, Волочья. На Урале звук «ч» часто произносили как «ш» (пишем «что», произносим «што»). Поэтому в простонародье название горы звучало Волошья, от слова «волочить». Не без основания и деревня названа Подволошная, ибо она находится в одном дневном переходе (гужевым транспортом) от волока (примерно 30 верст).

Автор данной статьи не ставит вопроса о переименовании горы Волчиха в гору Волочья (Волошья). В современном названии горы воплощена целая историческая эпоха – это своего рода топонимический памятник, а памятники – любые – уничтожают (переименовывают) только варвары. А вот знать историю эволюции названия не помешает.

Снаряжение экспедиции предоставлено
экипировочным центром

ЗВЕРОБОЙ

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ЗВЕРОБОЙ — непромокаемая, надёжная, удобная и незаменимая одежда для настоящих путешественников, охотников и рыбаков, туристов-профессионалов и любителей.

Елена ДУРЕКО

Знакомство с обитателями «Маевки»

«Уральский следопыт» побывал в гостях в Алапаевском охотничьем хозяйстве. Возле деревни Устьянчики база «Маевка», названная по имени села, которого сейчас уже не существует. Там охотники могут отдохнуть и переночевать. Рассказал нам об этом месте, проводил туда и познакомил с работниками базы охотовед Андрей Ясашин из областного отделения Союза охотников и рыбаков.

Через Нейву на «Ниве»

Путь занял около двух часов. Была одна небольшая заминка — перед самым пунктом назначения дорога оборвалась. Перед нами — перекарт Нейвы, вода неглубокая, но течение довольно сильное. Местами из воды торчат серо-зе-

леные камни. Аккуратненько провели машины по краю перекарта. Было страшновато, когда «Нива», на время ставшая амфибией, подсакивала или ныряла в неглубокие ямы на дне.

Из воды выехали благополучно. Впереди дорога, которая по полечу

Инициатор нашей поездки
Андрей Ясашин

явно не всякому автомобилю и не всякому водителю. Видимо, ее прогребли недавно. Пару раз пробуксовали и успешно миновали несколько предательски торчащих пеньков.

А вообще, скоро через Алапаевск будет хорошая трасса на Серов и путь к таким жемчужинам большого Урала, как Нижняя Синячиха и Верхотурье, заметно сократится.

Косолапый Яков и клыкастый Иван

На базе — небольшой двухэтажный деревянный домик, рядом пруд.

— Пруд мы делали, — пояснил председатель Алапаевского охотобщества Александр Реутов, — вода тут проточная, и рыба сама пришла. Пойдемте на Яшу посмотрим.

Нам рассказали историю обитателей «Маевки»

Пока хозяина не было дома — команда «УС» в берлоге Якова

Яша — молодой бурый медведь. Один из постоянных обитателей «Маевки». Его купили в Тюменской области.

— Медведицу, видимо, убили, — рассказывает Яшину историю наш проводник, — остался медвежонок. Одному человеку подарили его на день рожденья, он проснулся после шумного веселья и с огромным удивлением обнаружил в своей машине дикого зверя. Через неделю жизни в одном доме с косялым убежали кошка и собака, еще через неделю ушла жена.

Сейчас Яше три с половиной года. Он сидит на прочной цепи. Вечером его отводят в вольер — вдвоем берут за один конец цепи — получается этакий длинный и крепкий поводок.

Длинная густая коричневая шерсть отливает на солнце, кажется золотистой. Завидев своего хозяина, который вырастил и выкормил, он привстал на задние лапы.

Зимой Яша ложится в спячку в специально сделанную берлогу, похожую на большую, добротную сколоченную собачью будку, внутри — сено.

Еще один обитатель «Маевки» — кабан Ваня. Его тоже купили маленьким. Теперь Иван — настоящий броненосец на колесах — клыки сантиметров 15 и рост под полметра. Плюс буйный нрав — кормушку с овсом пытается раз-

воротить ежедневно, правда, на людей, в отличие от своих лесных собратьев, не нападает. Скорость развивает просто бешеную — в этом мы убедились, когда вошли в его просторный, в четыре гектара, загон. За несколько минут он дал три круга вдоль ограждений и снова залег в зарослях кустарника.

— Он еще маленький, подрастет, — улыбается Александр Реутов. — Как-то мы снимали его с близкого расстояния на камеру. Шерсть постепенно поднимается, глаза сужаются, — видно, как злость нарастает.

Все-таки один из самых опасных для человека лесных хищников.

Природа опередила

Выше по течению от базы пруд, на котором бобры строят плотину. Раньше это место называлось «Каменный бродок». Здесь проходила дорога в сторону села Маевка.

— Мы хотели сами запрудить здесь речку, чтобы на образовавшийся водоем садилась пролетная северная утка. Бобры начали вперед нас. И вот, опередили, — рассказывает Александр Николаевич.

Действительно, лежат аккуратно сложенные длинные бревна, а рядом, буквально на метр выше по течению, — нелепое на первый взгляд, довольно высокое сооружение из осинových веток. Через эту преграду вода пробиться не может.

— Они постоянно скоблят и валят и валят осины — ведь чем больше корма, тем зимой веселее, — говорит наш гид. — Здесь, видимо, целая семья, — бобров шесть, наверное. Увидеть их трудно, они выходят только в сумерках. За одним мы наблюдали. Большой такой. Чурбачок осиновый притащит и грызет. С каждым годом плотина все выше и выше.

Спрашиваем у нашего проводника:

— А как бобры-то приплыли?

— А как Ермак плыл? — смеется. — Весной, по половодью. От бобров нынче деваться некуда. Практически на каждой речке. Весь осинник вываливают.

Здесь бобры и обосновались

Медведь Яков и лайка Тавета — репетиция притравки

Забот у обитателей «Маевки» сейчас полон рот. До декабря кабаниху нужно выловить, которую к Ивану привозили. Она долго выдержать его общество не смогла, — на третий день совместной жизни сиганула через забор и ушла в лес. Яшу скоро в спячку укладывать. Берлога уже почти готова...

Экипировочный центр

ЗВЕРОБОЙ

г. Екатеринбург,
ул. Попова, 6, СТЦ «Аркада»
тел. +7 912-24-16-550

представляет

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить. Введите в память прибора координаты предлагаемых путевых точек и постройте маршрут, чтобы разгадать

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ РИСУНКОВ

№	Точка маршрута	широта	долгота
1	г. Екатеринбург, УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, редакция	N56°50'144"	E60°35'382"
2	г. Березовский, выезд на Режевской тракт	N56°53'724"	E60°45'642"
3	Режевской тракт, перекресток на г. Алапаевск – г. Реж	N57°20'703"	E61°23'188"
4	оздоровительно-санаторный комплекс «Изумрудный берег»	N57°21'644"	E61°20'316"
5	г. Алапаевск, въезд из г. Екатеринбург	N57°50'295"	E61°43'748"
6	Выезд из г. Алапаевск на Зыряновский	N57°49'741"	E61°40'367"
7	Съезд на дорогу с грунтовым покрытием к писанице «Двуглазый камень»	N57°47'901"	E61°40'271"
8	Прекресток дорог с грунтовым покрытием, поворот налево	N57°48'071"	E61°38'826"
9	Прекресток дорог с грунтовым покрытием, поворот направо	N57°47'272"	E61°38'752"
10	п\л здесь можно оставить автомобиль	N57°47'297"	E61°37'124"
11	Писаница «Двуглазый камень»	N57°47'229"	E61°37'493"
12	Съезд на грунтовую дорогу на базу «Маевка»	N57°45'003"	E61°36'536"
13	Брод через р. Нейва	N57°44'384"	E61°35'434"
14	База «Маевка»	N57°43'668"	E61°33'967"

По пути вы заедете в оздоровительно-санаторный комплекс «Изумрудный берег» и посетите базу Алапаевского охотничьего хозяйства «Маевка».

Команда «Уральского следопыта» продолжила путешествия по красивейшим местам Урала. На этот раз мы расскажем читателям о поездке к писанице «Двуглазый камень». Он находится примерно километрах в четырех от поселка Зырянского, в Алапаевском районе, на правом берегу реки Нейвы.

Считается, что на этом уникальном природном памятнике изображены рисунки древнего человека.

Мы без труда нашли выступ с неясными орнаментами. Краски до сих пор не утратили яркости. Можно различить фигуры копытных животных, фигуры людей. За зигзагообразными, местами волнистыми и прерывающимися линиями одни из членов команды угадывали рисунки деревьев или силуэты скал. Иной раз кто-то возражал:

– Да это вообще деревня нарисована. Вон, видите, ряд домиков – и указывал на орнамент, похожий на соты. И правда, напоминает домики. – А там идол, наверно, какой-то. Вот постамент, маска, и рога к нему приделаны.

Стоять и без конца всматриваться в линии и зигзаги писаницы можно до скончания века. Смотришь под одним углом – кажется, что наши далекие предки изобразили сцену из мирной жизни. Потом на скальнике проступают незамысловатый пейзаж или сцена охоты. Даже ученые не могут сойтись в одном мнении: один и тот же участок Чернецовым был скопирован как сотовая сетка, а Эдингом – как множество мелких пятен.

Ждем Ваших писем и звонков с версиями – что же хотели изобразить древние люди? Те, чьи версии будут наиболее интересными, получат специальные призы от редакции журнала «Уральский следопыт».

Виктор БАЙДУКОВ

Рубрику
представляет

ОЗДОРОВИТЕЛЬНО-САНАТОРНЫЙ КОМПЛЕКС

Изумрудное взморье

Жил в урочище «Споринский фожок» крестьянин Петр Русин. Пахал он однажды свое поле, да и сверкнула вдруг под лемехом красная искорка. Достал Петр Родионович камешек — красивый, кристаллической формы. «Занятная штука», — подумал он и спрятал камешек в карман. Вечером показал находку соседям. Долго вертели мужики в руках красивый камень. Кто-то определил, что это — малиновая шерла.

- А куда он годится?

- Как - куда? На серьги, на кольца, на броши. Деньги, братцы, за шерлу платили большие.

Хлынули в «Споринский фожок» искатели. Стал красивый шурмалит, иногда называемый сиберином, известен во всем мире. Не могли с ним сравниться по красоте заморские шурмалиты...

Так начиналась слава уральской самоцветной полосы, что сегодня протянулась переливчатой радугой вдоль всего Каменного Пояса от речки Нейвы на севере до Ильменских гор на юге — в Челябинской области. Географическая столица самоцветов — город Реж. Имеет он и другое название — «Центр камня». В разное время добывали режевляне розовые топазы, изумруды, рубин, сапфир, горный хрусталь, яшму...

Реж — город легенд. До сих пор, например, существует поверье о подземных ходах, связывающих многие сооружения в городе;

о кладе, запрятанном в тайном подземелье у дома управителя. Но самое большое сокровище режевской земли — Природа.

Далеко несет свои воды Реж-река. Рассекая толщу пород, обнажает по склонам самоцветную яшму. Окружают город девственные леса. Чего здесь только нет: и старожилы-сосны, и юные березки... А еще кедр, ель, пихта, черемуха, рябина, калина, липа, ольха... Такое лесное богатство вряд ли где еще встретишь. Достопримечательность города — пруд. В стародавние времена сложилось даже предание

о режевском «взморье». Раз в несколько лет пруд осушался для очистки плотины. В оставшихся лужах плескалось очень много рыбы. Ловили, кто как мог. Запасались на многие месяцы — солили целыми бочками. Не раз из-за рыбы стенка на стенку шли кочневские и заводские.

Сегодня берег Режевского пруда не простой, а «изумрудный». Потому что именно здесь — на живописном «взморье», под зеленой шапкой леса расположился оздоровительно-санаторный комплекс «Изумрудный берег».

Лечит сама природа — родная, уральская. Не без помощи людей, конечно. В «Изумрудном берегу» работают профессиональные врачи. В санатории есть возможность пройти полный курс профилактики и лечения заболеваний:

- сердечно-сосудистой системы;
- органов дыхания;
- костно-мышечной системы;
- нервной системы;
- органов чувств;
- гинекологические;
- кожи.

Вдыхать насыщенный кислородом лесной воздух, любоваться лунной дорожкой на зеркальной глади пруда... и увидеть сотни звезд, которые над мегаполисом показываются так редко. Да еще и процедуры лечебные пройти. В «Изумрудном берегу» выбор их огромен. Это и галокамера — соляная комната с эффектом морского воздуха — в комплексе с лечебными ваннами. Грязелечение, аппаратная физиотерапия, ручной и электромассаж, гирудотерапия, кислородолечение и фиточаи. Организуются поездки в областную больницу «Липовка». Находится она совсем рядом и называется «Храм здоровья». Основной лечебный фактор здесь — радоновые источники. Пациенты говорят, что одного курса лечения (10 радоновых ванн) достаточно, чтобы в течение года не вспоминать о болях в спине и суставах.

И это далеко не полный список того, что предлагает «Изумрудный берег». К слову, гордость санатория — два бассейна длиной 10 и 25 метров и банный комплекс.

Здесь созданы все условия для оздоровления детей. Можно получить значительную скидку при покупке путевки «Мать и дитя». Это отдых и лечение для двух человек: взрослого и ребёнка. Причём воспользоваться ей могут не только мамы и папы, но и бабушки, и дедушки, то есть любой взрослый, кому родители доверяют своего ребёнка.

В «Изумрудном берегу» круглый год работает детский санаторно-оздоровительный лагерь. Без отрыва от учебы ребенок сможет полноценно отдохнуть. Ведь рядом с ним будут педагоги, воспитатели и вожатые. А путевку можно приобрести как самостоятельно, так и за счет средств Фонда социального страхования. Как это сделать, подскажут специалисты «Изумрудного берега».

Специальное предложение для очень занятых людей — тур выходного дня. Его формула — отдых + лечение. Восстановиться можно всего за пару дней. Оптимальный курс лечения для каждого индивидуально подберут врачи «Изумрудного берега».

И все это — недалеко от мегаполиса. К тому же, Режевская земля расположена в самом центре «Серебряного кольца Урала». Она и поныне хранит самоцветные уральские богатства, старинные храмы и славные памятники нашей истории. В ближайшее время «Изумрудный берег» будет одним из связующих звеньев «Серебряного кольца». **УС**

Анна АСТАШКИНА

ООО «Триумф» г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 8
Тел/факс: (343) 371-98-12, 359-84-79, 8-912-262- 53-10
e-mail: izumrud_bereg@mail66.ru; www.izumrud - bereg@mail.ru
Свердловская обл., г. Реж, ул. Ленина, 118, тел. (34364) 2-24-34
Лицензия №66-01-000024 от 02.12.2004
Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и социального развития

Пишите письма!

6.

Пришёл день, и Айболит закрыл мой «бюллетень».

Толя Рыбкин, сдавая вахту, объявил нам: «Заморозка и посол двумя бортами. Рыбёхи много, но нас, парни, не взять на испуг!» Весело объявил. В последние дни насиделись без рыбы, а я ещё и належался.

В раздевалке дышать нечем от несусветной жары. А я ещё и в отчаянии. Сапоги не хотят залезать на ноги, штаны и телогрейка — броня, только что не гремят, сверкая блеском стали, но, похоже, стали вдвое короче. Шапка вообще не лезет на голову, а телогрейка не сходится на животе. Сто потов пролил, прежде чем удалось облачиться.

Алёхин осмотрел меня и, прищурившись по примеру художников, оценивающих своё произведение, дал наконец оценку:

— Законченный оборванец! Хотя сейчас на паперть. Шнель-шнель, геноссе Заякин! Арбайте цум шайзен унд гресе пферд!

Последнее — для Бурака, которого перекосило при виде меня:

— Явился не запылится, ур-род безногий!

Злобен мужик и злопамятен, а мы ведь с ним не крестили детей. И непонятна мне причина злобы. Неужели на самом деле такова его подлая натура?

— Я, может, и урод, а ты, бугор, такое дерьмо на палочке, каких свет не видывал, а я ещё не встречал! — вспыхнул я — искры оказались достаточно.

Пока бригадира корчило, я был уже в трюме. За время моего отсутствия его освободили. Весь груз солёной забрал какой-то транспорюга. «Ничего, — успокаивал я себя, нашаривая ногами скобы трапа, — в трюме я остыну, но сказать этому подонку своё мнение было просто необходимо». Трюм снова пуст. Прохлада. Пять градусов — не мороз, а приятность после недавней парилки. И, главное, я снова один.

Стафеев, трюмный первой бригады, подждал меня.

— Успели принять полста бочек. Перебондарь помеченные мелом — текут. Те, что в самом углу, залей и можешь шкантировать.

Дал ЦУ и дунул наверх. Я успел справиться до того, как на меня обрушилась лавина кадушек. Посыпались красавицы — успевай поворачиваться!

Четыре часа пролетели, как в тяжком сне. Передо мной стояла рожа Бурака, и я рвался к финишу, пёр на рекорд, даже Бычкова ни разу не вспомнил и помощи не просил, а надо бы. На это, видимо, и рассчитывал бугор. Наказать хотел за «дерьмо на палочке». К концу смены я был в мыле и пене. Телогрейку сбросил и парил, как потёкший котёл. Сто семьдесят бочек! Раскатать не успел, о шкантах и тузулке и говорить нечего. Когда Сурен со своим бригадиром спустились ко мне, оправдываться не стал, но Горлов, Тишайший Федя, схватился за голову и бросился к трапу, чтобы прекратить посол и все силы бросить на заморозку.

Под его крики и причитания Сурен покотил первую стодвадцатку, я взялся за другую. Час мы трудились бок о бок, подбадривая друг друга газетными штампами и призывами.

— Но пасаран! — кричал армянин, кидаясь на кадушку.

— Выстояв, они победили смерть... — хрипел я, надсаживаясь рядом.

— Гвардия умирает, но не сдаётся, — тут же откликнулся Сурен.

— За Волгой земли нет, — отвечал я на это.

— Мир трюму твоему, — нашёлся Сурен, ковырнув память.

— Настроение бодрое — идём ко дну, — уныло констатировал я.

— Партия ведёт нас к победе коммунистического труда! — заявил Сурен, когда все бочки были выстроены и расшкантированы. — Топай наверх, дяденька, тузулку я залью, а ты с трапа не свалишься?

— Постараюсь... — ответил ему, хватаясь за скобы.

— Скажи Тишайшему Феде, что через час могут начинать посол. Я вышел на тропу войны, томагавк мой наточен, — донеслось до меня, когда я сделал передышку в лазе твиндека: страшно болела нога и сил в руках совсем не осталось. — И скажи ему, что я вернусь, когда сниму скальп с Бурака. И ещё скажи, что поёт мне в землянке гармонь про улыбку его и глаза.

Передал слово в слово, надеясь вызвать эту улыбку, но Горлов смотрел хмуро и только кивнул в ответ. В сушилку я не пошёл, робу сбросил в каюте и, забравшись в койку, мигом провалился в сон.

Я спал, не ведая, что Горлов, сдавая в четыре утра смену Толе Рыбкину, будто ненароком помянул Бурака, который доложил ему о полном порядке «в танковых войсках», а порядок пришлось восстанавливать трюм-

(Продолжение. Начало в №10)

ным двух бригад, что Заякин не ушёл, пока тот порядок не был восстановлен. Рыбкин, не стесняясь в выражениях, излил свои чувства в присутствии главного технолога, имевшего привычку часто бодрствовать по ночам, полагая, что в дневные часы по цеху и без того шатается куча всяких надзирателей. Получив информацию, главтех воспылал праведным гневом и, решив покарать краснбая в самый сладкий утренний час, выволок Бурака из тёплой постели для внушения с пристрастием.

Бугор, наверное, принял дозу с устатку и плохо соображал, но вывод сделал правильный: отчитывают его за бочки, а где бочки, там и Заякин, видимо, капнувший на него высокому начальству. И вот бугор, привыкший действовать быстро, споро и без оглядки, помчался, как был в одних плавках, на палубу Г, к Заякину, но спросонья угодил на палубу Д в однотипную каюту, в которой обитала единственная семейная пара — Петя и Дуська, оба дородные, оба работяги из работяг, оба почитатели бригадира и оба, особенно Дуська, такие же матершинники, как Бурак.

Шкафообразный Петя дрыхнул на нижней койке, его тонтон-макутша на верхней. Туда и ринулся бугор, мигом нашарив вместо Заякина дебелие Дуськины титьки. Дуська, само собой, заорала благим матом и съездила рабочим кулаком бригадиру по харе. Её шкафообразный добавил ещё и ещё, и если не вышиб дух из бригадира своей кувалдой, то нанёс физиономии

последнего существенные изменения в рельефе и топографии в целом. Можно представить, в каком состоянии он наконец добрался до меня, ниже которого в служебной иерархии были только кадушки.

Наша Г-34 тоже была взбудоражена непонятным нашествием в предрассветной сини. Мы тоже не поняли, кого и зачем занесло к нам в каюту, а потому Хижняк бульдожьей хваткой тотчас вцепился в голую ногу агрессора, а Пчеловод перехватил его правую руку. Я сгоряча хватил Бурака по незрелому фингалу и включил ночник, после чего, узрев лицо «личного врага фюрера», произнес фразу, мною же созданную в начале рейса и уже ставшую крылатой среди низших чинов: «А где мой шкантодёр?!» Парни его отпустили, а бугор наконец понял, что зашёл слишком далеко, и, пообещав разобраться «на другом уровне», исчез.

А происхождение «моего шкантодёра» случилось в трюме, когда, при Пчеловоде, кстати, он не только наорал на меня, но занёс кулак. Давно на меня не орали так бесцеремонно, а поднятый кулак вообще был нестерпим. Я поискал глазами железяку: «А где мой шкантодёр?» и, выхватив её из корзины, так врезал ею по стальному пиллерсу, что Пчеловод, успевший прыгнуть на трап, чуть с него не сорвался. С тех пор и пошло. То в цехе слышишь, то на палубе: «А где мой шкантодёр?»

Не успели утихнуть страсти по Бураку, как я обзавёлся новым недругом. Сцепился с Котьюкой в трюме, когда сдавали на «Муссон» груз мороженой сардины.

Меня подвели руки. Вернее, пальцы, замороженные в том же Беринговом море, где перевернулись, обледенев, три эсэртэшки. У нас тоже намечалось нечто подобное, но, к счастью, без сильного шторма. А мороз был. Скалывали лёд, вот и ознобил. С тех пор пальчики мои не выносили холода, немели, не сгибались и всё такое. А на перегрузе холода не избежать. Короба ледяные, в каждом весе тридцать два килограмма. Когда укладываешь на поддон нижние ряды, терпимо, но когда закидываешь на куб скользкие да заиндевшие брусы, то и случаются накладки. Несколько раз они

просто-напросто вываливались из рук моих, что и дало повод Котьке съязвить:

— Когда матросу за тридцать, он уже не находка для флота, а сорокату вообще место на свалке, — и добавил ещё кое-что из будяжьего репертуара.

Нервы были натянуты как струны, а услышать такое в свой адрес от сопляка?! Обернулся и — в лоб. Он сел на жопу и некоторое время пребывал в задумчивости томной. От неожиданности, что ли. Потом вскочил — и ко мне. Но тут Алёхин, как рефери на ринге, втиснулся между нами: «Брэк!» И парни Котьку схватили под локотки: накидаем пачек, если ещё будешь приставать к дяде Вите. Не любили Котьку. Больно уж он своим родичем, Бугром с большой буквы, всем в ноздри лез.

Бурак всё это усёк и стал посылать на подмогу в трюм не Бычкова, а Котьку, возможно, снабдив этого раздолбая соответствующими инструкциями. Толку от него было мало, а вони много. Вольнил он напропалую, часто вообще, не предупредив, уходил в рыбцех. Жалоб от меня бугор не дождался, а он, думаю, на них и рассчитывал. Однако помнил Бурак и об отповеди главтехы по поводу тех ста семидесяти бочек, поэтому смирился и вернул мне Бычкова, только что пережившего роман с кастеляншей Розой, получивший на «Кавказе» шумную огласку. В романе не было чего-то необычного. Все знали, что Генка не был бы Генкой, если бы не умел проникнуть в любую женскую каюту, пользуясь, так сказать, персональной отмычкой. Да и Роза, грудастая и тоже любвеобильная особа, обла-

давшая даже неким шармом, не слыла недоступной для настойчивых ловеласов. Наверное, дело было в том, что роман их слишком затянулся, а жаждают улад не только боги, но и смертные, тем более забывшие очередь к сердцу доступной Розиты.

Эту историю я, конечно, знал, а подробности услышал в трюме из первых уст. Генка не делал из них секрета, да и акции Розы после неё шибко подскочили в цене.

Генка поведал мне, что в ночь очередного взятия им Розиных бастионов, его засекли два шустрых электрика, Гади и Крыня. Бывшие ростовчане были любителями всевозможных шкод, вот и решили подшутить над более удачливым специалистом амурных дел. Их расчёты строились на том, что любовные утехы на судне имеют свой предел

во времени и пространстве: пришёл, увидел, одолел и поскорее рви когти. Что мы имеем, рассуждал, допустим, Гади, замкнутое пространство каюты и минимум времени, оставшееся до завтрака. А Крыня добавил, что, покинув ложе любви, они не должны выбраться из мышеловки и предстать перед обществом в образе нарушителей советской нравственности и морали.

Блюстители нравов добыли в машине кусок трубы, изрядно попыхтев, притащили на ней гирю-монстра и, только подперев ею дверь, вспомнили, что они на судне открываются внутрь. В ход пошёл провод. Примотав им гирю к дверной ручке, заговорщики притаились поблизости в ожидании часа икс. И он наступил в положенное время. Заскреблась изнутри Розита. Ага, попались птички, решили Гади и Крыня. И коридор ожил. Появились любопытствующие и зеваки. Кастеляншу выпустили на волю, но Генки в каюте не оказалось. Иллюминатор задраен, броняшка и та опущена и прижата барашком. Где он?! А тот, на кого ставилась западня, подошёл сзади и опустил руки на плечи электриков. «А что вы тут делаете?» — спросил Бычков голосом пионера из фильма «Посторонним лицам вход воспрещён». Последовала немая сцена с разинутыми ртами и некоторым оцепенением Гади и Крыни.

Что до гири, то «кто принёс, тот и унёс», сказал им Генка. И шутники снова поволокли её на сцену, обливаясь потом. Генка вышел сухим из воды, но безвестный поэт всё же пустил по судну стишок, который пользовался большой популярностью:

*Спит Розита и не чует,
Что на ней Бычков ночует.
Вот пробудится Розита
И прогонит паразита.*

— Вообще-то за подобные штучки бьют морду, но я их пожалел, — добродушно усмехнулся Генка.

— Но как ты исчез из каюты? — спросил я.

— А иллюминатор для чего? Если в него пролезли голова и плечо, считай, что ты уже снаружи, а снаружи — швартов от концевого кранца. Я по нему — на корму, а Розка задраила «запасной выход». Всё тип-топ и оки-доки.

Генка мне нравился своим жизнелюбием и азартом во всём. Что в любви, что на работе. Если на киноэкрane возникала сцена с поцелуями, орал из будки: «Соси, соси — засасывай, засасывай, соси!» Этот возглас стал обиходным лозунгом, который стихийно выкрикивали при швартовке, в рыбцехе, когда требовалось подна-лечь, даже в столовой. А как он расправлялся с бочками, тут и говорить нечего. При этом успевал и шуточку отпустить, и просто поговорить, и что-то рассказать. С аппетитом работал Бычков, со вкусом. Однако я не мог не спросить его, как он оказался библиотекарем при его-то характере.

— Во-первых, я закончил курсы киномехаников, а во-вторых, больше всего не люблю однообразия. В трюме шевелишься, двигаешься туда-сюда, а стоять истуканом четыре часа за рыбододелом не по мне. Возьми Дуську с Петькой. Им хоть бы хны! А ведь они здесь старожилы из старожиллов. Можно сказать, родились на «Кавказе». И так из рейса в рейс, из рейса в рейс. Всё ради сберкнижки. И в отпуск почти не ходят. Говорят, что потом отдохнут, — доложил Генка.

— У них что, нет детей?

— Сын имеется. С бабкой живёт.

— Серьёзные люди...

— А ты думал! Был у них в каюте? Нет? Загляни при случае. Цветы в кашпо и горшках, салфеточки, коврики. Как дома устроились, по-хозяйски. Дуська и у кепа в салоне устроила ботанический сад и оранжерею.

Бычков вздёрнул на стакан последнюю бочку и удалился, а я, волоча шлаг и заливая тузулук во все разоткнутые дырки, ещё не знал, что уже нынешним вечером буду лицезреть «райские кущи», возвращённые Дуськой, и самого Саваофа, ибо вознесусь за облака по его высочайшему повелению.

7.

После смены меня окликнул Бурак.

— Порядок в трюме? — спросил бугор.

— Как в танковых войсках, — ответил без задней мысли, а его перекосило. Знать, вспомнил ту ночь, когда такой же его ответ привёл его в каюту Пети и Дуськи.

— Вот что, Заякин, требует тебя к семнадцати ноль-ноль капитан директор. Смотри, не опоздай на сви-

данку, — довёл Бурак до меня неожиданное распоряжение. — Не проспип!

— Просплю — разбудишь. Опыт имеется.

И снова его перекосило, теперь на другую щеку, всё еще отвечающую жёлтым и синим. Доже нос, что волдырь, был в красных узорах.

— Кстати, как у кепа фамилия? — спросил я.

— Н-не знаешь фамилию своего капитана?! — изумился он.

— А зачем мне знать её? — удивился я. — Достаточно тех, с кем ежедневно общаюсь. Бурака знаю, Калейника, Бычкова и этого... Котьку, курицына сына.

— Ну, ты даё-ёшь! Замараев его фамилия, Замараев! — выдохнул бугор.

— Лев Константиныч?

У него аж челюсть отвисла. Добил я его!

— Ты чо, знаком с ним? — глянул он на меня с каким-то непонятым подозрением.

Я улыбнулся и тоже непонятно: то ли саркастически, то ли таинственно. Дескать, мало ли с кем я знаком. Расстались мы. Я отправился в сушилку-раздевалку, а он, громыхая сапогами по стланям, отправился куда-то вдоль столов-рыбододелов, за которыми уже стояли парни Толи Рыбкина, принявшие у нас трудовую вахту.

Да, знал я когда-то Льва Константиныча Замараева, но когда это было? Это от него принёс мне третий помощник Валька Гвоздилин «дп» — стакан спирта, дабы не схватил насморк матрос второго класса Заякин, и без того растёртый этим напитком и, конечно же, успевший принять его внутрь до некоего окоченения мозгов. Теперь, когда старпом Замараев достиг вершин Олимпа и стал капитан-директором огромной плавбазы, он вряд ли угостит матроса Заякина стаканом вина, даже если узнает его, а он вряд ли узнает, как я не узнал его при двух или трёх случайных встречах на палубе. Да и вызывает он на капитанский ковёр не для распития вин, а для хорошей вздрючки. Но в чём я провинился?

Об этом и думал, влезая в парадный костюм со всеми парадными прибабасами — белой сорочкой с галстуком и японскими туфлями, купленными когда-то в Иокогаме. Валерка с интересом следил за моими приготовлениями. «Жених!» — сказал он, но думал, верно, о том же, что и я: не за наградой потребовали Заякина на вершину «кавказского хребта», а за поркой. И когда я направился к двери, даже Хижняк высунулся из-за шторы и посмотрел мне вслед. Один лишь пенсионер Холодилин воспринял происходящее как должное. Всего насмотрелся старик за долгие годы службы под началом разных капитанов. Впрочем, он спал.

Итак, с палубы Г на палубу В... Зачем я всё же понадобился ему? Была моя объяснительная по поводу тех ста семидесяти кадушек. Неужели из-за этой чепухи? Палуба Б... Была ещё моя нога, но она-то при чём? Палуба А. Последний шаг, и я на вершине. «Кавказ» подо мною. Один. В вышине. Пора отдышаться у края стремнины.

Дверь капитанских апартаментов распахнулась, и, прижав меня к переборке, в коридор вывалилась толпа заместников Саваофа. Весь ареопаг. Бурак в

арьергарде. Двинул жвалами при виде меня и прошёл мимо, не повернув головы кочан и чувств... А чувств у него, наверно, видимо-невидимо! Может, накачали его на производственной совещалке?

Когда умолк шум крыльев архангелов и олуха царя небесного Бурака, стукнул я в дверь костяшками пальцев и вошёл в салон-кабинет, под сень Дуськиных куш.

— Матрос второго класса Заякин прибыл по вашему требованию.

Первый помощник, сидевший на диване, дрыгнул ногой и кивнул. Капитан, что-то ковырявший в горшке с цветочками, вернулся к столу и сел в кресло.

— Во-первых, не требовал, а просил пригласить ко мне матроса Заякина, а во вторых, с какой стати матрос второго класса вырядился, как жених?

— Мне было велено не опаздывать на «свиданку», а на свидание нужно являться при параде, так я подумал и решил.

— Кем велено?

— Бригадиром.

— Ясненько... — сказал Саваоф, приглядываясь ко мне. — Нам раньше не приходилось вместе работать? — спросил он.

— Было дело под Полтавой, товарищ капитан-директор, — кивнул я. — Однажды третий помощник Валька Гвоздилин даже принес мне стакан спирта, якобы от ваших щедрот.

Помпа дрыгнул теперь обеими ногами и вперился в меня.

— Это какой же Гвоздилин?

— Валентин Федосеич, зам начальника по кадрам, — ответил за меня Саваоф. — Да, Заякин, теперь и я что-то начинаю припоминать. Ну ладно, не будем предаваться воспоминаниям когдатошней давности. Итак, приступим. Заякин... Виктор, кажется?

— Так точно. Михайлович. Виктор — значит, победитель.

— Ну, это ещё посмотрим. На всякого Виктора найдётся свой Лев.

— Особенно, если Лев — капитан-директор, а Победитель — матрос второго класса.

— Тоже верно, — признал Саваоф. — Впрочем, ближе к делу. Кто начнёт? — обратился он к помпе. — Я или вы, Борис Анатольевич?

— Какая разница... — вяло отреагировал тот, в то время как я разглядывал лианы, опутавшие кабинет, и думал, что если б сюда запустить Гратис, уж она бы на славу порезвилась среди этой зелени и горшков.

— Тогда приступим...

Он перебрал стопку бумаг и отложил три. В верхней я узнал свою объяснительную.

— Вопрос первый. Что произошло в трюме между вами и рыбмастером Бураком?

— Да у нас каждый день что-нибудь происходит и в трюме, и в цехе. Может, уточните, товарищ капитан. Может, не с Бураком, а с бочками? — решился на вопрос и я.

— О бочках особый разговор. А с бригадиром? — спросил он.

— По-моему, ничего, что требовало бы вмешательства высших сил. Всё нормально.

— Что за тон, Заякин?! — вмешался помпа.

Я промолчал.

— Ни трений, ни конфликтов? — перехватил инициативу помпа.

— Ну, как же без них? Но это же бытовуха, мелочи жизни.

— А вот Бурак так не считает!

— Ему виднее, — развёл я руками.

Саваоф выдернул из-под объяснительной другой листок.

— Вот он пишет в докладной на моё имя, что будучи при исполнении в нетрезвом виде... так... ну да, вот: вы угрожали ему в трюме ломиком, и если бы он не вернулся, то вы бы нанесли ему увечье. Было, Заякин?

— Было, — признался я. — Занёс ломик в качестве контраргумента против его матерщины, которой он довёл меня до белого каления. Пришлось пригрозить шакантодёрмом.

— Ах, шкантодёрмом!

— Но не ломиком. И врезал им по стояку, чтобы показать, как это могло бы выглядеть в натуре, — счёл нужным я сделать такое разъяснение.

— А ведь это серьёзно, Заякин! — вмешался помпа. — А если бы ударили?

— Если бы да кабы... Отскочила бы железяка от его лобешника, как от пиллерса. Он непробиваем. Вам, товарищ первый помощник, с верхотуры не видно, что делается в самых низах. А вы бы инкогнито, как Гарун-ар-Рашид, заглянули б разочек в трюм, тогда у Бурака и поводов не было писать клязусы.

— А как быть тогда с вашим... этим диким афоризмом? Уже и в кают-компании слышишь иной раз: «А где мой шкантодёр?»

— Польщён и горжусь.

— Выходит всё-таки, что угроза имеет реальную подоплеку, что получила такую популярность на судне!

— Вот и разберитесь с подоплёкой, — парировал я. — Это ваша прямая обязанность.

Саваоф уже скучал, а помпа только входил во вкус дознания.

— Вот и Курицын пишет, что вы ударили его во время перегруза.

— Сильно сказано! Кто он и кто я? Было, ткнул его в лобешник, а он поскользнулся на снежном крошеве и бух на задницу. А вот ребята, те — да, чуть ему бока не намяли.

— Да ты садись, Заякин, садись в кресло, — усмехнулся Саваоф Замараев. — В ногах правды нет.

— Её и в заднице не сыщешь, — буркнул я, однако в кресло всё же опустился.

— Её и у Бога нет, — кивнул Саваоф. — А ты, значит, не забыл «Стрижа»?

— Какое это теперь имеет значение, — ответил я, чувствуя, что уже устал от этого разговора, ненужного ни ему, ни мне. Наверное, помпа вынудил Саваофа

провести этот допрос. Сказал, что кляузам надо дать ход. Одну написал бригадир, другую избитый племянник уважаемого человека, САМОГО начальника управления. Дескать, что если тот даст ход делу против них и лично против него, первого помощника, которому вверен надзор за нашими душами, то неприятностей не оберёшься. — Почти забыл. Столько лет прошло, а половину из них я провёл на Камчатке.

— А кем трудился, если не секрет?

— Боцманом, старшим тралом.

— Солидно!

— Из трюма не видно.

— Пстой, пстой, кто-то мне рассказывал что-то такое про Камчатку, — не унимался Саваоф. — Значит, о тебе. Ну, конечно, Александр Фадеич Хатунцев, сосед по лестничной площадке!

— А, Сашка! — оживился я. — Он когда-то меня в моря сагитировал, а Валька... пардон, Валентин Федосеевич помог нынче попасть на «Кавказ».

Помпа слушал, разинув рот, а Саваоф благодуетствовал и даже, кажется, веселился.

— Да, Заякин, на ту площадку выходят наши три квартиры. Соседствуем уже четыре года, а видимся редко. Один на берегу, другой в море, а то наоборот.

— Пишите письма, — посоветовал я.

— Жене написать некогда, — посетовал он. — А ты женат?

— Да. Но семья пока там, в стране вулканов. Жена сейчас занимается обменом квартиры.

— Ну, что ж, остаётся пожелать вам успеха, — кивнул он мне и, обратившись к помощнику, подвёл итог: — Борис Анатольевич, Бурака мы знаем как облупленного. Он, конечно, собаку съел в своём деле, но хам и вздорный мужик. Курицын — это зелёный сопляк. По-моему, и о нём никто не скажет доброго слова. Я наводил справки. Поэтому я не верю ни одному слову того и другого, когда они в один голос пишут, что Заякин был пьян и в тот раз, когда уронил бочку на ногу. Не был, Заякин? — обернулся он ко мне.

— Ни в одном глазу. А с бочкой... обстоятельства. Их слишком много, а я один.

— Когда много, трюмному необходим помощник.

— Бычкова даёт бригадир. Он, как-никак, болеет за бригаду, хотя порой своеобразно. Век бы работал с ним, с Геннадием.

— Ну ладно, всё! — резюмировал Саваоф и вылез из-за стола. — Всё ясно и без песен. Сколько вас в каюте? Четверо?

Он достал из холодильника четыре великолепных апельсина.

— Держи на всех. Знакомец недавно доставил гостинец с Канар. А скоро будет подарок для всего судна. И яблок поедим, и молочка гишпанского попьём. А у тебя, Борис Анатольич, будет напутствие матросу Заякину?

— Поменьше бы ссор, побольше бы дела.

— Я присоединяюсь, — сказал Саваоф. — Можешь быть свободен, Виктор...

— Михайлович.

От апельсинов я не отказался и, поблагодарив, вышел вон.

Я спускался к себе, считая палубы в обратном порядке: А, Б, В и моя Г. Ниже — Д и верхняя палуба с пустыми каютами по левому борту. По правому, возможно, тоже пустуют, но я туда не заглядывал. Сейчас на базе 233 человека, а скольких сократили? Впрочем, теперь это не имеет значения. Экономика должна быть экономной. И я был доволен собой. Я не сплеховал. Не унижался перед ними и не оправдывался. Ну, было, было чуть-чуть, а чуть-чуть не считается. И Саваоф оказался неплохим мужиком — ишь какие апельсины вместо раздолбона! И он тоже помнил «Стрижа», на котором был старпомом в те давние времена. Теперь он капитан огромного судна и, кажется, не завидует Гвоздилину, ставшему большим начальником, но оставшимся прежним Валькой, что большая редкость в наше время. Ну и я остался прежним. Только стал больше понимать в нашем рыбацком деле, что тоже не имеет значения. Теперь я трюмный второго класса, и все мои прежние знания никому не нужны. Пока. Дальше будет видно. И я не завидовал им, не завидовал даже Сашке и Мишке Сулимчику. Старпомы? Прекрасно. Значит, это было им нужно. У меня есть то же море, есть руки, есть семья и книги, которые для меня то же, что пчёлы для Валерки. Каждый на своём месте должен делать то, на что способен и что может. Хорошо делать. Вот и вся философия.

— Ну как, дядя Витя, вломили по первое число? — спросил Валерка, а бондарь высунул глаз из-за шторы.

— Оправдан и обласкан. Держи, дармоед, гостинец с барского стола!

Я кинул ему золотой шар, а два других сунул Хижняку и Холодилову.

— Но помпе, мужики, я вроде не понравился.

— Он такой! — сказал Холодиллов, сдирая шкуру с апельсина. — Я с ним на «Пассате» ходил. Начпрод у нас проворовался, так он его защищал с пеной у глаз.

— Может, у рта? — поправил Валерка.

— Везде с пеной, — ответил пенсионер. — И с передом, и с задом.

8.

— Довели рыбу до стресса! — воскликнул технолог. Довели. Тралы выскоблили каждый метр грунта, кошельковые неводы процедили верхние горизонты, и поведение сардины стало, можно сказать, непредсказуемым. Ушла кормиться в другое место, но в какое, куда? И капитаны дунули в разные стороны искать беглянок, а наш «Кавказ», до сих пор торчавший на одном месте, выбрал якоря и торопился туда, откуда слышался радиовопль самого удачливого: «Нашо-ол! Поймал!» В тот же квадрат спешили кучей и неудачливые. Начиналась свалка. Иногда мяли друг друга борта, а однажды чуть не утопили литовца: какой-то торопыга пропорол ему форштевнем обшивку в районе машинного отделения, тот уже начал пускать пузыри, но

прибалты успели завести пластырь, а потом подоспел спасатель и уволок его в Касабланку.

Мы на какое-то время познали, что означает «это сладкое слово свобода». Что-то делали, чем-то занимались, но, в основном, били баклуши.

Бурак, после моего визита в заоблачные выси, слегка поутих. Приказа с карами в отношении Заякина не появилось, и он как-то странно поглядывал на меня, очевидно припомнил мой возглас «Лев Константиныч?» и делал выводы. Я же был непроницаем для его взглядов. Держался, как обычно, и, как обычно, старался не давать поводов для придинок. Сокаютников своих попросил не болтать даже об апельсинах, но слушок о них всё же просочился, и факт сей тоже заставил бригадира слегка поутихнуть, а лексикон приблизить к нормам языка кухни и коридора обычной коммуналки. Впрочем, натура брала своё. Особенно теперь, при безрыбье, когда светлое будущее начало видеться в чёрном свете. Тогда Бурак становился прежним Бураком. Однако, как сказал поэт, «есть божий суд, наперсники разврата, есть грозный судия, он ждёт». И он дождался.

На вахту наша бригада заступила с нуля часов.

Предстояло заняться «самоедством». Технолог распорядился заготовить банки для пресервов, чтобы пустить на них малосольную из последних стодвадцаток, занимавших половину твиндека второго трюма.

От Бурака попахивало фуфыгой. Наверное, ему не терпелось присоединиться к Дистрофику для продолжения возлияния. Так думалось мне, когда он, прежде чем исчезнуть, дал бригаде упрощенную программу действий:

— Закончите с банками, сидите по углам и не вякайте. И не разбредайтесь, чтобы потом мне не искать каждого.

Мы навалились дружно и, покончив с заданным уроком, забрались в самый тёмный угол рыбцеха за столами глазировщиков, где Колька Алёхин предложил свою «программу»:

— Дорогие товарищи, коллеги и друзья, бугор далеко, завтрак ещё дальше, а потому я, как самый умный и самый из вас инициативный, предлагаю ударить хором по картошечке в мундире, да с лучком, да с черняшкой и малосольной пресервой. Ась, не слышу мнений? Тогда есть мнение прения не проводить, а сказку сделать былью.

Коллеги и друзья, когда доходит до жратвы, всегда действуют расторопно. Кто-то притащил с камбуза ведро картошки, кто-то спроворил лук и хлеб, кто-то извлёк из трюма коробку только-только дозревших пресервов, которые имели первозданную нежность, аромат и вкус — качества немислимые, когда эта же сардина доберётся до прилавка.

Картошку высыпали в бочку-пятидесятку, сунули в неё резиновый шланг от паромогастрали, сверху закутали брезентом и открыли вентиль. Бочка вздрогнула под ударом нескольких атмосфер пара, зафукала и запарила, вздувая брезент. Мы, в предвкушении обедаловки, снова забрались в тёмный угол и, располо-

жившись на кипах картона, которые уже утром превратятся в коробки, занялись Большим Морским Трёпом, с недавних пор получившим стараниями того же Алёхина название «Вечера на хуторе близ Марокко».

Для таких вечеров у Алёхина были изблюбленные жертвы для заклания — Котька Курицын и Петя с Дуськой. «Завести» супружескую пару было Колькиной заветной мечтой, но, увы, неосуществимой. От этой твердыни отскакивало любое его красноречие и остроумие, поэтому нынче он принялся за Котьку, который, не дожидаясь картошки, успел всухомятку умять полбанки сардины.

— Хлопцы, обратите внимание на коллегу Курицына, — приступил Алёхин к атаке на моего «кровника». — Сегодня утром, когда один доброхот отдал мне свою порцию колбасы, коллега возник по этому поводу: почему мне, а не ему? А что мы видим сейчас? Мы видим, как он пожирает благородную сардину, которая не есть колбаса. Вы спросите, с чего бы такая жадность? Проголодался ребёнок? Вовсе нет. В этой рыбе много фосфору, столь необходимого для возбуждения умственного процесса. Чем меньше мозгов, тем больше им нужно фосфора, чтобы нарастить умную массу извилин. У Котьки, вы это видите в природе, велика мышечная, костно-мясная, масса, а с серым веществом не всё благополучно.

Котька метнул на Алёхина злобно-подозрительный взгляд, утёр губы рукавом и, немного помедлив, всё-таки достал из банки ещё одну рыбёху.

— Я не скажу, что Котька форменный... ну, вы понимаете, о чём я говорю? Ну, а он лопаёт её по совету своего дяди товарища Курицына, нашего глубокоуважаемого начальника конторы. Я с ним по-корешам, он и сказал мне, что специально отправил племяша, эту стоеросовую дубину, в море, чтобы тот ежедневно употреблял этот морской продукт и набирался ума-разума.

Котька отбросил обгрызенный хвост и уставился на Кольку.

— Ты по корешам с дя-яде-ей?! Ври-ври, да не завирайся! — не поверил он.

Мне было смешно. Этот парень не обратил внимания на обидные слова, но факт знакомства Алёхина с САМИМ управляющим счёл абсолютно невозможным.

— Именно по корешам, — подтвердил Алёхин. — Придём на берег, спроси у него. А скорешились мы так. Еду я как-то в трамвае. Час поздний, в вагоне пусто, а у зоопарка лезет ко мне на площадку Пал Фокич с проверяющим из министерства, с тем что, помните, был на отходе. Оба в дребодан, но москвич совсем лыка не вяжет и всё вспоминает какую-то жопастую официантку, которую он хотел бы сейчас приголубить, и, значит, порывается вернуться в кабак. Товарищ Курицын хохочет и говорит, что у вокзала жопастых хоть пруд пруди за четвертную. А тут из будки, это уже на площади, выходит водила и требует предъявить билеты, а у них нет талончиков. Не проббили.

— Дядя не пьёт и в трамвае не ездит, — не поверил Котька. — У него личный шофер.

— С тобой не пьёт. С тобой лакать какой интерес? А с московским жлобом приходится. По долгу службы обязан ублажать. И не перебивай, коли ничего не знаешь. Так вот, билетов у них нет, роются в карманах, а в них ни копейки — всё просадили в кабаке. И, главное, начали залупаться: да ты знаешь, мол, кто мы такие?! Да мы... А мужик им и говорит, вот спущу вас сейчас рылом на асфальт, будете знать, кто вы такие. Вижу, дело пахнет керосином. Купил им талончики, пробил. Коллега Курицын даже прослезился. «Какие, — говорит, — есть чуткие люди в советской стране! Кто вы, молодой человек?» — «Ваш матрос, — отвечаю Пал Фокичу. — Работаю в вашей конторе. Скоро в рейс ухожу на «Кавказе». Уже и аванец отходной получил». — «А не дашь ли сотняги до завтра?» — спрашивает он. — Мы выпили, а теперь решили ударить по бабам». — «О чем речь, — говорю. — Берите две!» И вручаю ему пару бумаг. Он снова прослезился от больших чувств. «Как твоя фамилия, матрос?» — спрашивает меня и жмёт руку. «Алехин, — говорю, — Николай». — «Коля, друг мой любезный, ты свой в доску, потому и взял у тебя. У другого бы — ни в жисть. Ты завтра, прямо утречком, загляни ко мне в кабинет. По-корешовски загляни, без всяких там фанаберий, я и рассчитаюсь с тобой», — говорит он мне.

Колька сходил к бочке, принялся и, поправив шланг, вернулся в угол.

— Прихожу утром в контору, — продолжил Колька, — идти к Пал Фокичу, конечно, не собираюсь: коли выручил его по-корешовски, так зачем с него деньги брать, верно, Котька? А он мне навстречу катит по коридору. И ведь на бровях был накануне, а меня запомнил! Ну, думаю, башка, ну, физиономист! Жмёт мне руку прилюдно и эдак, с намёком, мигает: «Принес заявление на материальную помощь? Нет еще?! Так успевай, пока я в конторе и кассирша в банк не отчалила. Идём, прямо у меня и напишешь». Пошли. Я пишу на сотню, а он исправляет на тысячу. «Получишь, ко мне зайдёшь», — говорит он мне. Получил деньги и — к нему. Он мне вернул мои две сотни, остальные в карман сунул. «Соображать нужно, Коля, — подмигивает мне с юмором, — коли у меня служишь». Тяпнули мы с ним коньяку. Он и говорит при прощанье: «У вас на «Кавказе» племяш мой находится. Возьми над ним шефство. Смотри, чтоб он ел как можно больше сардины, фосфору для мозгов набирался. Он у нас малость с придурью, так чтобы вернулся с головой как у министра». Я ему пообещал, а он...

Колька умолк — появился Бурак, как подкрался!

— Опять за старое?! — заорал, увидев парившую бочку. — На всех докладную накаю, чтоб вычли со всех за пресервы! Ишь, повадились жрать по ночам! Ещё неделя хозработ, тудыт вашу мать, и все пресервы слопаете!

Он подскочил к бочонку и саданул его в бок сапогом. Тот опрокинулся набок, брезент слетел, а шланг, распираемый давлением в несколько атмосфер, подскочил, изогнулся дугой и воткнулся в промежность бригадиру, окутав его до головы парами раскаленного конденсата.

В первый миг мы остолбенели, в то время как бугор катался по палубе, пытаюсь ногой отбросить шланг, который как прилип — не хотел расставаться с жертвой. И всё-таки первым очнулся я.

— Колька, перекрой пар! — крикнул и, подскочив к Бураку, за плечи и за волосы выволок его на сухое место. — Парни, снимайте с него сапоги и штаны! Трусы тоже снимайте! — командовал я. — Валерка, Котька, дуйте в лазарет за носилками и Айболита предупредите. Да прихватите простынку, что ли, надо прикрыть срам!

И парни забегали, зашевелились.

Бурака раздели. Штаны и трусы прикипели к телу. Он орал, как будто его резали, но нам было не до сантиментов: ковали, пока горячо. Содрали тряпки, а там — голое мясо, а между ног, — что варёная свекла. Накрыли белой тряпкой и — в лазарет, на попечение доктора и Лидочки, которая, узрев такое, чуть не хлопнулась в обморок. Утром бригада появилась на доске приказов: всем вкатили строгача, а пар в цех стали давать только по разрешению технолога.

9.

«Отряд не заметил потери бойца», но не остался без командира. Два часа за нами приглядывал Толя Рыбкин, два часа — химичка Ангелина. Технологу тоже не оставлял без внимания проштрафившуюся команду. Однако безрыбье и «самоедство» разбаловали нас. И отоспаться успели, и до тошноты насмотреться старых фильмов. Я, правда, сеансов не посещал, я гулял с Гратис. Наша дружба окрепла, а поводок делал её еще крепче и теснее. Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Мартышка с таким вожделием поглядывала на грузовые колонны и стрелы, опутанные, точно лианами, множеством снастей, что я не решался отпустить её на свободу даже на миг в этих стальных джунглях.

Однажды мы забрели на корму, где боцманята швартовали тралец, которому повезло где-то наскрести аж сорок тонн сардины. Здесь командовал Дистрофик. Он был трезвый и злой. На днях старпом и доктор совершили внезапную и дерзкую вылазку, результат которой их ошеломил. Они обнаружили брагу в трёх огнетушителях ОХП-10, ёмкостью девять литров каждый, а в каюте старшего матроса нашли шлюпочный анкерок с чистейшим самогоном. С этого дня Дистрофику перестали отпускать в судовой лавочке не только парфюмерию, но и соки. О сахаре и говорить нечего, но я думаю, что его вместе с дрожжами он добывал у своего приятеля начпрода, который как раз в эти дни отбывал наказание за решёткой изолятора нашего лазарета, где, маясь тяжелейшим похмельем, подписывал кокам бумажки на продукты и выдавал ключи от кладовок, взывая к совести пищеблока: «Лишнего не брать!»

Мы с Гратис наблюдали за происходящим из-за бочки с квасом.

Кроме Дистрофика и боцманят здесь был и Колька Алехин. Тоже в роли наблюдателя. Что поделаешь, каж-

дый развлекался как мог, а швартовка, да ещё с участием трезвого старшего матроса, это же целое представление.

Мерно гудел мощный кормовой шпиль, наматывая на барабан кольца стального троса. Дистрофик заорал. Ему придавило пальцы, но боцманята не растерялись, успели вырубить шпиль и спасти кисть алкаша. Пока раззява разминал да растирал руку, Алёхин меланхолично поучал матросов-практикантов:

— А вот на «Уральских горах», помню, мотали вот так же верёвку со шпиля и замотали на вьюшку старшего матроса. Наш-то чуть на шпиль не угодил! Вот был бы форшмак!

— Да не может быть, чтобы старшего матроса намотало! — усомнился Дистрофик, дуя на посиневшие пальцы, в то время как парни крепили швартов на кнехт.

— Точно говорю! — настаивал «очевидец». — Стоял он примерно там же, где и ты, а гаша крутанулась и — ему на шею. Затянула, прижала и пошла наматывать. Её потом зубилом рубили прямо у него на шее.

Боцманята прыснули.

— Короче, а что с тем матросом? — допытывался Дистрофик.

— А ничего... боцманом ходит на тех же «Горах».

Наконец Дистрофик допёр, что его «купили», и набросился на Кольку. Тот пустился наутёк. Боцманята тоже отправились по своим делам. Я выпил квасу. Для Гратис нашлась конфетка. Мартышка вскочила на планширь и принялась разворачивать фантик, а я, навалившись на фальшборт, обратил взгляд свой на трапец, что тёрся серым бортом о чёрные туши кранцев, взлетал и опускался рядом со мной. Выгоревшая доска с номером и названием судна иной раз оказывалась на уровне моих глаз. «СРТ-Р 8069 ОСИНОВЕЦ» прочёл я и вспомнил, что Колька Алёхин как-то говорил о знаменитых некогда громадных барках, так называемых виндджаммеров — «выжимателей ветра». Их строили в Германии, а их названия начинались на П, отчего вся серия этих парусных судов стала называться «летающими П». Заметьте, сказал Колька, что возле нас отираются одни «летающие О»: «Омск», «Орехово», «Очемчире», «Осинники», «Обдорск», «Обухово», «Огонь», «Ока»,

«Ориандра», «Омар», «Остров», «Омуль», «Ожогино» и так далее. И вот теперь, думал я, разглядывая рубку траулера, ещё и «Осиновец» откуда-то взялся. Раньше его не было среди поставщиков сардины, это я помнил точно. А этот не пустой. Рядом с бортом «кошель», в котором, на беглый взгляд, тонн пятьдесят сардины. Но первый стамп, поднятый на нашу палубу, был загружен какими-то железными загогулинами, явно предназначенными для наших ремонтников.

Наконец пошла и рыба. Я загляделся и не заметил, как на крыло тральца вышел из рубки коренастый мужичок. Обернулся к нему, когда он начал по-хозяйски наставлять своих механиков, собравшихся у сетки, чтобы перебраться в ней на «Кавказ».

«Старпом... — подумал я, разглядывая чубчик с седым вихорком, и вдруг оцепенел, узнав в мужичке своего друга: — Сашка! Ну, конечно, Сашка!!!»

— Эй, на барже, нет ли старого матроса на мясо? — окликнул я его нашим старым паролем.

Он аж дёрнулся, задрал голову и расплылся:

— Отвали, жлоб, сами мачту грызём! — и, выдав «отзыв», возопил: — Витя, ты ли это?! Ведь знал, что ты где-то здесь, но про «Кавказ» даже не подумал!

Гратис вскочила мне на плечо и уставилась на него.

— Сашка, лезь к нам, пока ваши с рыбой кантуются! — возопил я. — Хоть часок поболтаем. Ведь тыщу лет не виделись!

— Да не могу, пойми-и! Мой хозяин до вашего подался, а я за всё в ответе. На вахте я!

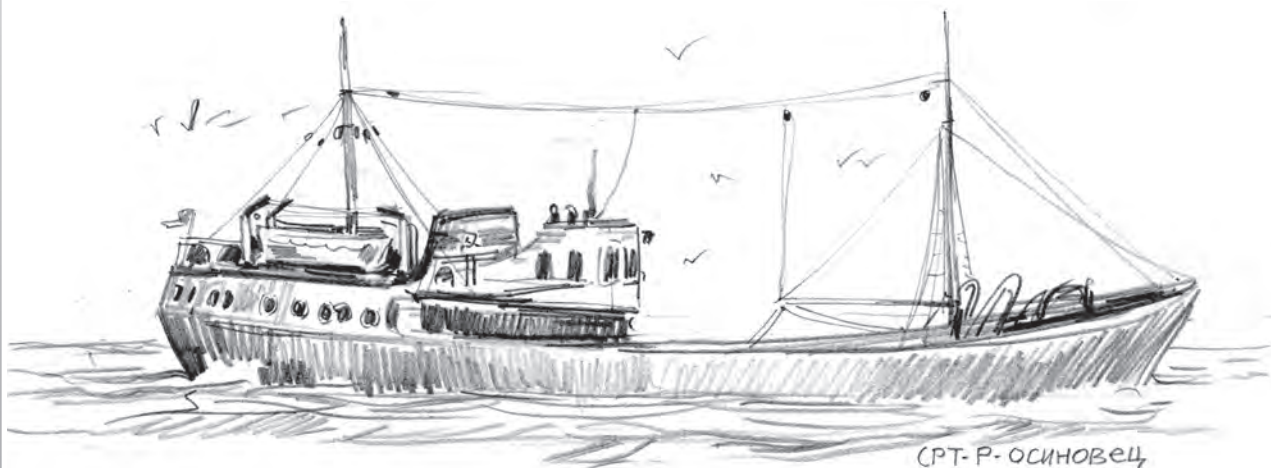
— Ч-чёрт, вот незадача!..

— Погодь, Витя, я сей минут!

Он крутанулся на пятках и скрылся в рубке. Я видел его сандалеты, видел щиколотки, я знал расположение всего, что находится там внутри, и понял, что Сашка топчется у радиотелефона. С кем он говорит? Со своим кепом или с нашим Саваофом? Наконец Сашка выскочил на крыло.

— Витя, друг! — Он сиял. — Спихни кому-нибудь свою макаку и дуй до стампа. А не хочешь путешествовать в этой бадье, сетку попроси — не откажут!

Просить не пришлось.

С высот Олимпа спорхнул чистенький херувим — штатный рулевой, «мини-штурман», как мы называли этих лоботрясов. Доложив, что прибыл с высочайшим указом, касательно меня, сам распорядился насчёт сетки. Я сунул ему цепочку, попросил тотчас доставить Гратис лично Айболиту, вцепился в стальные ячеи сетки, взлетел над фальшбортом и опустился прямым в Сашкины объятия.

10.

Неожиданная встреча? Нет, она была predetermined. На то и океан, на то и люди, что бороздят его воды. Когда-нибудь и где-нибудь такое обязательно случается. Ты знаешь об этом, но неожиданность тем и хороша, что она всюду и везде неожиданность. Особенно если неожиданность приятная.

Пока «осиновцы» сдавали улов, я не путался под ногами у старпома и на палубу носа не высовывал, чтобы какой-нибудь «коллега Курицын» не начал причитать, почему на траулере оказался я, а не он. Сидел в Сашкиной каюте и глазел в иллюминатор. Даже шторку не отдёргивал. Её шевелил ветерок, а мне хватало щели, мимо которой мелькали люди, а у верхнего среза проплывало ржавое днище полного или пустого стампа. Правда, и теперь, когда тралец бежал океаном, Сашка снова исчез. Достал из-за дивана связку «Литературки», сказал, что Манюня подбросила ему читива, а у него руки не доходят даже поковырять «у носы». Через час вернусь, добавил он, тогда и посидим по-человечески. Газеты были старыми. Я зашвырнул связку в угол между торцами койки и дивана, на который плюхнулся лицом к лобовому иллюминатору, и, глядя на сдвинувшуюся занавеску, за которой взлетал полубак в белой пене пышных усов, подумал о качке, от которой совсем отвык на «Кавказе».

Он забегал ещё несколько раз. Увидел, что газеты я даже не развязал, сунул мне альбом со своими рисунками, что успел «накарябать в Луанде». Я не великий знаток, но, разглядывая портреты моряков, фигурки чернолицых ангольцев, пальмы, корабли и несколько простеньких пейзажей, что начертала фломастером Сашкина рука, всё же оценил его труды на этом поприще как вполне успешные и достойные внимания.

В какой-то книжке мне попала фраза «насколько же многослойны человеческие мысли». Верно. Но не всегда. Для этого нужны особые условия, вроде нынешних. Теперь я думал разом о Сашке как о матросе, о старпومه, а теперь ещё и как о художнике. Пусть любителе, но что из того, если видеть друга в этой роли было мне всё-таки непривычно. В часы досуга многие моряки предаются чему-то подобному. Кто выпиливает лобзиком всякие фигуры, кто ладит коробки, украшая их мелкими ракушками. Словом, кто во что горазд. Меня занимало другое. Нас свёл случай, и он же повязал с морем, как и тех, кто, сделав рейс или два, расставался с ним навсегда. Почему же застрял я? Неужели из-за «солёной купели» (книжку с таким названием я когда-то читал) и морского, выходит, кре-

щения? И ведь я, салага зелёная, не думал тогда, что не окажись рядом Сашки с кругом и «Стрижа», я мог бы уже околоть через несколько минут. Судьба? А что она такое, если не брать во внимание это слово, затёртое в быту до того, что оно уже ничего почти и не значит. И вообще «судьба» и «случай» — это одно и то же или же есть между ними какая-то разница? Мог бы Сашка стать художником, не доведись ему по прихоти судьбы стать моряком?

Додуматься до чего-то не удалось. Динамик откашлялся и произнёс:

— «Осиновец» шлёт музыкальный привет гостю с «Кавказа».

Зашуршала магнитная лента — раздалась красивая и чёткая музыкальная фраза, вслед за которой подал голос певец. Он почти не пел, а скорее выговаривал слова не слишком громко, но как-то меланхолично и отрешённо:

*В Кейптаунском порту, с какао на борту,
«Жаннетта» поправляла такелаж.
Но прежде чем уйти в далёкие пути,
На берег был отпущен экипаж.*

Да, голос был каким-то бесстрастным и отстранённым. Кому он принадлежал? Эмигранту старой формации? Или сыну того эмигранта? Но в акценте и манере исполнения и заключалась вся прелесть.

*Идут сутулятся, врываясь в улицы,
И клёши новые ласкает бри-иззз!
Они идут туда, где можно без труда
Найти себе и женщин и вина,*

*Где всё повенчано вином и женщиной,
Где глазки нежные волнуют кро-ооо-овь!*

Певец словно бы разговаривал со мной о том же, о чём мы пели в детстве. Да, мы горланили то же самое, но чуть иначе. Я начал задрёмывать, но продолжал слушать, стараясь не пропустить разницу и мысленно комментируя услышанное. Певец сделал паузу. Я поторопил его: «Ну-ну, валяй дальше...» И он тут же продолжил. «А вскоре, чуть рассвет, вошли в таверну Кэт четырнадцать французских морячков», где они, как и англичане, надеялись найти всё, о чём мечтали, однако нарвались на крупные неприятности. События разворачивались в духе жанра: саксы повздорили с галлами, и заварилась каша под названием «наших бьют». Сначала «один моряк француз, по имени Пенруз, хотел уж было склянки отбивать», то есть думал затеять обычный мордобой, но коль «спор в Кейптауне решает браунинг, то с шумом грохнулся гигант-француз-ууу-уз!» И понеслись души в рай! О чём певец сообщил всё так же меланхолично: «И кортики достав, забыв морской устав (при чём, интересно, морской устав, когда «наших бьют?»), они дрались, как тысяча чертей», а чего добились? «Все ленты сорваны, тельняшки порваны, и клёши новые залила кро-ооо-овь!» А в результате гора

трупов и «не вернулись в порт, и не взошли на борт четырнадцать французских моряков». То-то: против лома нет приёма, тем более против «пушки». В общем, за что боролись, на то и напоролись.

*Уж больше не взойдут на каменный редут
Четырнадцать французских морячков.
Уйдут суда без них, безмолвных и чужих,
Уж лучше бы дошло до кулако-ооо-ов!*

Я не совсем понял, при чём здесь «каменный редут». Видимо, что-то пропустил сквозь дрему, но, убаюканный бегом судна, успел подумать, что «кулаки» — всё-таки более предпочтительный вариант, а теперь «не быть им в плавани, не видеть гавани» и...

И провалился в препоганейший сон.

А снилось, что Бурак спускается ко мне в трюм, зажав в зубах преогромнейший маузер, и лицо у бригадира самое зверское. У меня же только корзина со шкантами. Я хватаю пригоршнями эти деревяшки и швыряю их в Бурака, соображая, что они ему что слону дробина, а мне... А мне «не быть в плавани, не видеть гавани». Главное, под рукой ни ломика нет, ни «хохотальника» — гиблое дело! «Уж лучше бы дошло до кулако-ооо-в». И вот тут-то подоспел Сашка — разбудил.

— Ты чего такой встрепанный? — спросил он, вываливая на стол пакеты с помидорами и апельсинами.

— Да, понимаешь, гнида одна приснилась с подачи вашего маркони: «В Кейптаунском порту, с какао на борту», — ответил, разглядывая две бутылки алжирского вина и кое-какую снедь, уже приготовленную Сашкой для предстоящего застолья.

— Моя записка! — заметил Сашка, складывая помидоры в раковину и пуская воду. — В Лас-Пальмасе сделал. Осчастливил себя покупкой магнитофона и сразу опробовал. Как наши суда обосновались на Канарах, так испанцы и начали совать эмигрантов во все передачи.

Его конопатый нос был облуплен, майка-сетка туго обтягивала коричневые плечи, а великоватые шорты спускались ниже колен, так как постоянно соскальзывали с живота. Я с удовольствием разглядывал Сашку. Он не изменился. Почти. Ну... в допустимых пределах. Двигался по-прежнему шустро. Говорил что-то и резал лук, откупорил бутылки, раскромсал помидоры, вынул из тумбочки банки с рыбой «собственного приготовления», достал стаканы, протёр полотенцем нож и вилки. «Собственное приготовление» в виде кусков выглядело весьма аппетитно.

— Что это за животное? — спросил я.

— Меч-рыба, — пояснил Сашка, скovyривая с банки пластмассовую крышку. — Попалась, глупая, в наши сети. Сдавать не стали великаншу, а поделили между собой и камбузом.

Шторка вздувалась пузырьём. Ветер обдавал нас запахами, которые издаёт лишь палуба промыслового судна — букет! Описывать его нет смысла, да и невозможно, пожалуй. Его можно только обонять посреди бирюзово-индиговых волн, среди густо-смоляных

тросов и груд дели невода на выщербленной дощатой палубе, поблескивающей солью и чешуей, струй воды, время от времени плещущих водопадом с полубака.

— К столу, Виктор Михалыч, к столу! — пригласил Сашка. — Всё культурненько, всё пристойненько, и закусочка на бугорке. Давай, Витя, — он поднял стакан, — за нашу встречу, за наших женщин и за наших деток!

Мы проглотили африканскую кислятину, и Сашка потребовал отчёта о моей жизни на Камчатке. Я сказал, что о самых важных событиях он знает из моих писем, а всё остальное не отличается от его времяпровождения. Рейсы той же продолжительности, рыба другая, разве что переходы до промысла и обратно до порта намного короче.

— Так зачем же вернулся в Кениг? — спросил Сашка.

— Захотелось сюда, на материк.

— На материк! Здесь самый ближний — Атлантида! — засмеялся Сашка.

— Ладно тебе!.. — отмахнулся я. — На тебя, старпома, посмотреть захотелось. Как ты, справляешься? Поди, «работаешь с секстаном и будешь капитаном»?

— Секстан, Витя, это баловство для мальчишек из мореходки, а нам здесь забавляться игрушками некогда. Пользуемся радионавигационной системой «Лоран». Передающих станций вокруг Атлантики столько понатыкано нынче, что... Берёшь радиопеленги — и вся любовь. И в капитаны я, Витя, не мечу. Мне и старпомом хорошо. Кого-нибудь встречал в городе, когда вернулся? — спросил он, резко меняя тему.

— Помнишь Вальку Сеня?

— А как же! Почётный бомж города Кенига, — ухмыльнулся Сашка. — Иногда угощаю пивом, а то и водочкой случается.

— Я его — тоже и пивом, и водочкой, а в результате — пью с тобой алжирскую кислятину.

— Неужто помог?!

— Вот именно. Посоветовал обратиться к твоему соседу, Вальке Гвоздилину, а тот меня трудоустроил на «Кавказ», к твоему другому соседу — Льву Константинычу Замараеву. Ты не с ним сегодня балакал обо мне по телефону?

Сашка совсем развеселился.

— Круговая порука! Старая дружба не ржавеет, хотя и превращается со временем в полезное знакомство. А о тебе я балакал с вашим старпомом. Я с ним тоже покорешам. Льва вижу редко. Мы с ним не очень чтоб... Валька в конторе сидит, а Лев, как и я, из морей не вылазит. Последний раз встречались на День рыбака и славно чебурахнули, — доложил Сашка.

— Хреновый ты старпом, Саша. У тебя что, кроме этой кислятины, ничего нет?

— Ладненько... На ночь хотел оставить, но давай сейчас разговеемся, — ответил он и достал из тумбочку початую чуть-чуть бутылку «Белой лошади».

— Постой, постой, ты хочешь меня до ночи катать? — насторожился я. — Меня же хватятся, на меня же столько телег накачают!

— Не бзди — пробьёмся, — заверил Сашка. — Я вашего деда попросил как можно быстрее исправить

наши железки, а сейчас бежим в дальний квадрат за отрядным навигатором. Локатор скис, а своими силами справиться не можем. Заберём мудреца и доставим тебя на «Кавказ». Ты со Львом в каких отношениях?

— Да ни в каких. Я и не знал, что он наш кеп, пока на ковёр к нему не вызвали. Назвали фамилию — вспомнил.

— А он тебя?

— Вроде бы тоже, но не сразу.

— И всё же вспомнил! А потому что не забыл, как сам матросил. Они, кепы, тем и отличаются друг от друга. Одни, как навешают соплей на рукава, сразу забывают, с чего начинали, а другим их прошлое на палубе дорого. Лев Константиныч в тот раз, когда мы с ним кирнули как следует, вспомнил, как его однажды будили на вахту. Ему спать вусмерть хочется, а его с койки тащат: «Вставай, Замараев, вставай!» А он отбрыкивается, тянет на себя одеяло и бормочет: «Это не я, не Замараев!»

«Лошадью» мы не злоупотребляли. Пригубливали.

Сашка спросил, кто и по какой причине накатал на меня «телегу». Пришлось рассказать о Бураке и Курицыне, о своих трюмных делах и о том как появилась крылатая фраза «А где мой шкантодёр?!», что добралась даже до кают-компания.

— И на меня была «телега», — вздохнул Сашка. — Чуть со старпомов не помели. Ладно, что визу не захлопнули. На Канарах и погорел из-за одного хлыща. Слушать будешь?

— Ещё бы! Писем от тебя не дождёшься, а когда встретимся в следующий раз?

— Ну, так внимай тележному скрипу, — сказал Сашка, заваливаясь на диван со стаканом алжирского в руке. — Возвращались мы домой с Луанды и завернули в Санта-Крус, чтобы отovarить песеты, а там уж дуть напрямик.

— А в Гибралтар теперь не заходите? — спросил я.

— Давно, — кивнул Сашка. — Как на Канарах Совиспан организовали — ремонтную базу и перевалочную для команд, так нам дорогу на Скалу прикрыли, да и торгаши тамошние все перебрались на острова. Добро получили на трое суток, а нас уже через двое чуть не силком выпихивают. Как быть? У людей валюта на руках, и у меня ещё двести псов в кармане. Хозяин даёт команду: «Дуйте в город, и чтобы к отходу — ни одного песо!» Сам дунул первым, оставив на параходе меня, третьего механика и матроса. Этот сам напросился поскучать у трапа. Жара стоит несусветная, а я, значит, соображаю, что тут же в порту, у Антонио, свежий холодный бир. Соблазн! А идти два шага, ну и почапал до его гадюшника. Пару кружек уговорил, возвращаюсь, Витя, а на параходе шмон. В чем дело, спрашиваю?

Сашка проглотил кислятину, поморщился и посмотрел на меня.

— Ну и в чём дело? — спросил я.

— А дело в этой суке-матросике. Пока я отсутствовал, он уговорил механца продать испанцам кусок баббита весом восемнадцать кагэ. Уговорил, а сам подался к капитану подменной команды, Герою Соц-

труда, между прочим. Тот ошивался на ремонте, а по совместительству блудил за интересы родины. Матрос вернулся на пароход, а капитан, значит, с биноклем и фотоаппаратом залёг в засаде. Испанцы — к борту, а он запечатлел куплю-продажу и взял механика за жопу в аккурат к моему приходу. Ну, а дальше, как в кине. Приходим домой, маслопупа — к ногтю и под зад мешалкой, хозяину выговор вlepили, мне — два. Второй — строгач по партийной линии. «За утерю бдительности в загранпорту» влyndили. Да ещё на три рейса лишили захода в загранпорты.

— А как с тем матросом обошлись?

— С провокатором? Сухим из воды выплыл. Таки — как с гуся вода. На механика я не в обиде. Дома я матросика его всё-таки ущучил, хотя на первых порах забыл о существовании этой гниды. Сам знаешь, каково старпому. Рыбу сдай, барахло спиши, за рейс отчитайся. Десять дней крутишься как белка в колесе. Малость спихнул дела и спохватился, а где же ты, друг наш бдительный, почему не видно? А он в загуле. Восьмой день носа не кажет на пароход. Раздумывать я не стал. Накатал рапорт и — к начальнику базы. Тот сразу и подмахнул: «Уволить за злостный прогул». Через неделю встречаю молодца на причале, а он мне кукиш кажет: «Уволить меня захотел? Я сам тебя уволю!» И показывает мне, Витя, направление на белый пароход: под фрахт уходит, на поставки в Гвинею. Вот тут-то и не вынесла душа поэта позора мелочных обид. Вмазал ему от души, за что, собственно, и лишился трёх заходов, ну и строгача получил с той самой формулочкой.

— Ладно, визу не задробили...

— Видно, совесть заговорила. Я же не молчал на собрании. Всё расписал как на духу. Морщились, но приняли к сведению. У них же у всех рыло в пуху. Надо товарищу тяпнуть кус пожирнее, выбивает командировку хоть в Луанду, хоть на те же Канары. И сидит там, сосёт валюту. Ладно, не спорю — бдительность нужна. В Санта-Кресе держит магазин китаец по имени Миша Цундер, а у него кто только не толчётся. Я как-то эсэса встретил. Ему в Белоруссии руку отстрелили. Ненавидит нас люто. Но этот хоть открыто, а ведь и мелкие пакостники тоже есть. Правда, гадят, в основном, свои среди своих.

— Ну, это как везде, — вздохнул я. — Хоть на море, хоть на берегу. По законам социалистического общезжития.

Сашка ответить не успел. Ожила трансляция. Старпома просили подняться в ходовую рубку. Он сунул бутылки в тумбочку, попросил навести марафет на столе и ушёл, кинув мне портативный магнитофон: «Развлекайся!»

Я закрыл банки, накрыл газетой и полотенцем остатки пиршества, потом залёг на диван и нажал кнопку мага. Тот же меланхолик снова запел «Жаннетту», потом обязательные «Очи чёрные, очи страстные». Затем певца сменила женщина. Голосок, как у Эдит Утёсовой. Во всяком случае, очень похож. Такой же простецкий, без выкрутас и рулад, как, впрочем, и сама песенка с

её щемящей тоскливой мелодией и немудрыми словами того же пошиба.

*Это было в Москве, в зелёном парке.
Мы сидели с тобой на тесовой скамье.
Целовал ты меня, говорил мне, что любишь,
А кругом для нас весна цвела-а...*

Песенка сразу зацепила меня чем-то знакомым и давно забытым, точно крючком потянула из души и давнюю и нынешнюю нежность к той, что осталась на Камчатке, к девчонкам, что там же, возле неё, тоску по той весне, что свела нас, и по многим вёснам, что мы провели в разлуке, далеко друг от друга. Да, расстояния!.. Каждая миля, что любимая «гирька» Бычкова, а миль тех до Сероглазки и моих любимых сероглазых столько же на ост, сколько и на вост. Я, как кухтыль, болтаюсь где-то посерединке, а со мной... со мною только тоска по ушедшему. Она отчего-то в море достаёт больше всего.

*Но вот и опять лист бумаги белеет.
Я не в силах прочесть роковые слова,
И лежит тот конверт, только скажет едва ли,
А в душе всё звучат лишь слова письма:
«Забудь обо мне. Мы стали чужими.
Меня не ищи, — я в чужой стороне.
Забудь обо мне, забудь моё имя,
Прощай навсегда! И меня не ищи».*

Кто-то из команды заглянул в дверь, но, увидев на диване вместо старпома чужую рожу, кивнул и молча исчез.

*Я хочу, чтоб опять пути наши сошлись,
Я хочу, чтобы был, был ты рядом со мной,
Я хочу, чтоб опять ты сказал мне, что любишь,
А кругом чтоб для нас весна цвела-а.*

Я выключил магнитофон и поднялся. Бездельничать! Захотелось скорее вернуться на «Кавказ», в бригаду, послушать Валеркину травлю о пчёлах, брюзжание старичка Холодилова, взглянуть на Хижняка с его авоськами, да просто пройтись с мартышкой по палубе. А больше всего хотелось получить письмо. Не такое, как в песне, нет, но... И вдруг накатило желание оказаться в трюме, вдали от всех, во глубине сибирских руд и... и да — «Где мой шкантодёр?»

Я ушёл на корму и залёг в невод. Положил голову на стяжной трос и уставился в небо, в котором раскачивалась куца мачта. Роль праздного туриста раздражала. Здешние мариманы тоже отдыхали. Крутили фильмы, взяты на «Кавказе». Бычков дал их с условием вернуть вместе с пассажиром, то есть со мной. Сашка был занят своими делами. Несколько раз он появлялся на корме. В шестнадцать часов он заступил на вахту и пригласил меня в ходовую рубку, но я отказался. Взял у него несколько кассет с записями, да и музицировал в том же неводе. Ужинал у него в каюте, а после двадцати, когда он сдал вахту третьему помощнику, мы взяли подушки

и одеяла и теперь уже вдвоём устроились в том же неводе, как он сказал, «под звёздами балканскими».

— «Кавказ» тобой интересовался, — сказал Сашка, устраиваясь рядом. — Когда, мол, вернётся путешественник? Сказал им, как только, так сразу. На моей вахте заберём дядю навигатора и побежим обратно.

— Скорей бы уж, — ответил я. — Чувствую себя не в своей тарелке.

— Потерпи. На подходе «Балтийская слава». Ты помнишь Славку Русланова?

— Конечно!

— Он сейчас на ней капитан-директором. Почта есть тебе и мне. Я специально поинтересовался. Я как сказал ему, что умыкнул тебя, разлучив с макакой, а с ним путешествует почти такая же человекообразная, правда, чуть покрупнее, сразу подобрел и пошёл-таки к помпе узнать насчёт писем. Я ему не сказал, что макака не твоя, а доктора.

— Письма — это хорошо! — обрадовался я.

— У нас тоже новость. Если ваши умельцы приведут в норму все наши железяки, то забросим два-три раза авоську (поймаем не поймаем — другой вопрос) и потопаем в Лас-Пальмас за продуктами. Ваш Замараев попросил привезти овощей-фруктов, а начальник промысла — своего зама Толина, который что-то загорелся на Канарах.

— Как они там живут, канарцы-канарейки атлантические?

— Как живут? — Сашка зевнул. — Откуда я знаю, как они живут. Сам знаешь, что видит рыбак. Получишь свои несчастные крохи и в мыле по лавкам, потому как отпущено тебе на всё про всё несколько часов. Я вот думаю, как буду жить на пенсию, если доживу до неё.

— Авось доживём!

— Я тоже надеюсь... — Он поворочался, переложил подушку и сказал, глядя, как и я, в звёздное небо: — Встречали мы на Канарах пенсионеров из Штатов. Бодрые старички, старушки в буклях и шортах да с ватой в бюстгальтерах, увешаны фотоаппаратами. Круизы у них, м-мать их! Бабье лето у них, у буржуев, а у нас — сплошная осень, слякоть и сопли...

— Знаешь, мне понравились твои рисунки. Значит, бросать не думаешь?

— А выйду на пенсию, чем заниматься? Ты, к примеру, чем будешь?

— Дворником буду. Люблю по осени листья сгребать.

— Брось! Не солидно. Ты, Витя, книгоечей — займись рассказами по методу Станюковича.

— Ты бы привёз мне Максимку из Анголы, того, что на рисунке, может быть, и занялся.

Имелся у него рисунок негрятёнка. И подпись внизу: МАКСИМКА.

— Этот Максимка не из Анголы, — ответил Сашка, — из Гвинеи мальчишка. История с ним получилась. Желание слушать имеешь?

— Спрашиваешь! Я всё равно не усну.

(Окончание в следующем номере)

«Золотые» истории

Речка Шуралка

На Среднем Урале довольно много месторождений драгоценного желтого металла. Город Кировград, выросший из рабочего поселка Калата, не является исключением.

Основным поставщиком золота в районе Кировграда была небольшая речка Шуралка, берущая начало на горных склонах Уральского хребта. Неся с собой золотоносную породу, ее воды отделяли золотой песок и небольшие самородки, которые оседали на дне русла, остальная порода по речке попадала в село Шурала и дальше в Невьянск. Интенсивно стали мыть золото старательские артели во времена Демидова. На окраине Кировграда можно встретить небольшие шурфы, оставшиеся с того времени, а в пригородных лесах — маленькие шахты-копушки с еще крепкими лиственничными срубам. Говорят, даже во время войны 1941—45 годов старатели-одиночки добывали там золотой песок, сдавая его в Торгсин за продукты и одежду.

Главный процент золота давали медные шахты города, вернее, руда из которой, помимо меди, добывалось золото. На медеплавильном комбинате руду обогащали и выплавляли черновую медь, из которой золото выделяли при рафинировании уже в Верхней Пышме. Сегодня даже трудно сказать, что давало больше прибыли медь или золото. Тем более, что Кировградский медеплавильный комбинат был единственным предприятием

Демидовская золотоносная шахта-копушка в окрестностях Кировграда

в Советском Союзе перерабатывающим вторичное медьсодержащее сырье, в котором тоже был большой процент золота.

На предприятии существовал золоторудный цех, куда приходили посылки с чистым золотом в столовых наборах, ювелирные изделия

в виде сережек, колец, перстней, часов и т. д. Цех строго охранялся, хотя забора вокруг комбината не было. В вагонах, контейнерах поступали столовые сервизы, каких в магазинах никто и никогда не видел, на посуде были золотые ободки. Поступали часы ручные,

настенные, напольные, военная аппаратура, радиотехнические изделия и прочее. Взять что-то из посуды или радиодеталей и унести не считалось криминалом. За радиодетальями приезжали не только радиолюбители из городов Свердловской области, но и Челябинской, Пермской, Курганской. На открытых площадках вторсырья можно было найти совершенно целые телевизоры, приемники, радиостанции — включай в розетку и пользуйся.

С наступлением рыночной системы все в корне изменилось, предприимчивые молодые люди научились извлекать золото с помощью «царской водки» из радиодеталей и прочего. На этом делались большие деньги, которые многим послужили основой для частного бизнеса. Молодые люди с фээзушным образованием становились владельцами магазинов. Золото было в цене.

Вспоминается страничка из истории калатинского золота. На Кировградском медеплавильном комбинате, как и на любом другом, существует обогатительная фабрика. Она напоминает собой огромный старательский лоток. Здесь руда измельчается, промывается, и на различных участках этой цепочки остается золотой песок, попадают и мелкие самородки-тараканы.

В середине семидесятых годов группа рабочих стала тайно собирать этот песок и даже плавить. Соорудили нехитрое устройство из сварочного аппарата, и дело пошло. Жены рабочих заинтересовались откуда у их мужей большие деньги, когда те стали покупать дорогие вещи, пить не менее дорогие коньяки, шампанские вина. Шила в мешке не утаишь, слухи поползли и дошли до правоохранительных органов. Рабочих осудили на большие сроки заключения.

А речушка Шуралка течет, только обмелела, совсем стала похожа на ручеек, старожилы говорят, раньше была намного полноводней и шире. Может и есть еще золотишко в верховьях, кто знает, но только, видимо не хватает уже

сил у золотоносной речки, не моет она золото и не отправляет вниз по течению. Правда, рыбаки да мальчишки иногда находят в песке золотистые блески.

Пропавший груз

Поскольку уж зашла речь о благородном металле, расскажу одну историю почти сорокалетней давности.

Где-то в шестидесятых годах прошлого века в прессе Дальнего Востока промелькнула небольшая заметка, что недалеко от поселка Высокогорный Совгаванского района в таежном урочище в склон сопки Большой Туман врезался транспортный самолет. Поиск экипажа результатов не дал. Почему-то не сообщался даже тип самолета и характер груза, который он перевозил.

Не могу сейчас сказать, что послужило причиной, но об этом факте вспомнили в начале семидесятых годов, и редакция газеты «Тихоокеанская звезда» направила меня в командировку в этот забытый Богом поселок, чтобы выяснить, что же случилось десять лет назад в дальневосточной тайге.

И, вот я уже сижу в поезде Хабаровск — Советская гавань с командировочным удостоверением в кармане меховой куртки. Надо сказать, что на это направление железнодорожный билет просто так было не купить, в паспорте обязательно должен стоять огромный лилового цвета штамп: «Житель города Советская гавань», поскольку этот район являлся погранзоной, а сам город был закрыт для свободного посещения по причине нахождения в нем военно-морской базы. Сейчас любой может поехать туда, как и во Владивосток, а вот раньше приходилось идти на разные уловки, чтобы взять билет.

Железнодорожные пути на этом направлении проложены очень давно, ни разу не ремонтировались и по этой причине нередки были сходы целых составов в пропасти. Водят поезда только многоопытные машинисты, но и они не

ощущают спокойствия. Местные жители кормятся продуктами из разбитых вагонов, больше никто не решается спускаться на дно пропасти, места глухие, медведи пошаливают. Надо заметить, что в то время еще не был построен мост через Амур, и летом железнодорожные составы переправляли на пароме, а зимой шпалы с рельсами вмораживали в лед реки.

Поселок Высокогорный колоритен и вполне оправдывает свое название. Красота необычайная. Вот где-то среди этой красоты и разбился о склон сопки неизвестный никому самолет. Жители поселка люди особенные, в основном оставшиеся в этом медвежьем углу после отсидки в магаданских лагерях, много криминального элемента, но есть и бывшие военные преступники из числа украинских бандеровцев, которым на родину возвращаться не резон. Неизвестно, из каких источников, но местный народ знал о самолете намного больше, чем в краевом центре. Правда, пришлось взять бутылку питьевого спирта, чтобы разговорить — бутылка здесь равна четверти по цене 36 рублей 30 копеек, меньшая емкость не считается серьезной.

Выпили по половине стакана спирта, местные пьют неразбавленный, закусили ароматным копченым хариусом, и мои знакомцы рассказали, что знали и как мне кажется без вранья. Самолет действительно был и действительно разбился. Даже тип аэроплана назвали. Это был старенький двухмоторный американский самолет, полученный еще в последний год войны по ленд-лизу. Экипаж состоял из пилота, штурмана и экспедитора, перевозили из Магадана золотые самородки в Хабаровск, причем в большом количестве.

— Было это поздней осенью, в это время у нас всегда туманы большие стоят, — рассказывал мой знакомец с украинским акцентом, явно из бывших бандеровцев. — Хотя и был туман, но недалеко ведь упал самолет, всего верст пятьдесят, по нашим меркам рядом. Дым многие видели, у охотников глаз

зоркий. Конечно, многие в тайгу пошли, но ничего так и не нашли, потом войска нагнали, гэбэшников, стало быть. Вроде они, как вернулись из тайги, грузили в поезд какие-то мешки, говорят, пилотов нашли, а экспедитора и золотишко нет. Кто его знает, может за кордон ушел, может лихие людишки на него наткнулись или гниет где, места-то у нас гиблые. А золотишко завсегда по воздуху возят, я это еще с Колымы знаю, безопаснее так для них. Можно, конечно и по железке, но это надо с перекладными, поскольку прямой дороги нет, да и далеко до Бичграда. Большой Невер мы так называем, станция такая на прямой железной дороге, что на Москву идет.

Места же здесь, действительно красивые — глаз не оторвешь, реки с прозрачной водой, да такой холодной летом, что зубы ломит. В речушках хариус, горбуша, кета, руками ловить можно. Глухари, рябчики в тайге, подойдешь на десять шагов, не улетают. Климат, правда мерзкий, зимой морозы до сорока пяти градусов, хорошо, что ветров нет, сопки не пропускают с океана. А в Советской гавани сыро и ветер обжигает, раньше гавань императорской называли. Рядом километров в пятнадцать знаменитый Ванинский порт, про который политические заключенные песню сложили. Поселок маленький, убогий, в семидесятые годы по дорогам еще полуторки бегали довоенного выпуска. Приедешь в Ванино и чувствуешь себя словно на каторге, тоска берет.

А настоящее золото этих мест не желтое, зеленое оно. Правда, больше это понимают корейцы и японцы, которые здесь капитально обосновались, рубят лес и на родину отправляют. Да так рубят, что после них даже хвои не остается, прессуют и тоже домой везут. А вот наши отпиливают вершины и комли, в кучи их — и сжигают, где уж тут богато жить.

После крушения самолета долго еще ходили люди на место гибели рассчитывая золотишко пропавшее найти, но никто не нашел, а вот два охотника из местных не вернулись больше домой никогда.

...После возвращения из командировки редактор похвалил меня за репортаж, даже целую газетную полосу отдал под него, однако так и не опубликовали эту историю, время было другое.

ВИКТОРОВА М.А.

Дочь московского священника. Знаток и популяризатор церковных знаний. Ее услугами пользовался духовный писатель, издатель популярной «Религиозно-философской библиотеки» М.А.Новоселов. Так называемая «розовая библиотека» издавалась с 1902 по 1917 г. Помогала в составлении популярных книг. В годы сталинских репрессий попала в лагеря и там приняла тайный постриг. О ней вспоминает в своем «Невидимом граде» Валерия Пришвина (М., 2003. С. 194).

ВИКТОРОВА Мария Александровна (урожд. Макулова; 1844 — 1863), переводчица, историк.

Воспитанница Мариинского Ермоловского училища в Москве. Жена палеографа А.Е.Викторова. «Патерик (Киево-Печерский) по древним рукописям», перелож. на соврем. рус. яз. Киев, 1870; «Составители Киево-Печерского Патерика и позднейшая его судьба». Воронеж, 1871 — рец. Рус. старина. 1872. № 9. В рукописи остались (?): стихотворения; Записки; «О Пушкине и его сочинениях»; «Взгляд на древнерусскую литературу»; «Записки о собственном детстве»; «О правилах русского светского приличия XVII века»; Повесть (без заглавия). О ней: см. Геннади. Словарь. 1. С.152.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВИКТОРОВА Елена Викторовна, авт. воспоминаний, писательница.

«Горький на Капри\ \ О Горьков — современники». М., 1928, С.165-181. ИДРДВ, т.5, ч.1, № 1214.

ВИКТОРОВА Н.

(См. Моллер Н.С.)

ВИКТОРОВА О.

Авт. «Учебника двойной бухгалтерии» (1916); пер. с нем. СПб., 1908. Венгеров. Источ.

ВИКТОРОВА О.И.

(См. Волькенштейн, О.А.)

ВИКТОРОВА-ВАЛЬТЕР Софья Александровна (1854 по др. источ. 1860 — ?), авт. воспоминаний.

Литератор; участница рев. движения. «Автобиография» (1860-1933) — РГБ ОР, ф.369, 379.5; «Из жизни революционной молодежи 2-й пол. 1870-х годов» — «Кат. и Ссылка», 1924, кн.4(11), с.57-78.

ВД. Указ. рук. (ук. им.); ИДРДВ, т.3, ч.1, № 1169.

ВИКУЛИНА Наталья, переводчица.

Пер. с франц. «Рекрутский набор». М., 1834.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВИЛЕНКИНА Людмила Николаевна

(См. Вилькина, Л.Н.)

ВИЛИНСКАЯ Валерия Александровна (псевд. О Коннор-Вилинская), драматург и популяризатор.

Авт. «Рассказы о доисторическом быте человечества. 1. Древнейший каменный век». Харьков, 1897. — О Коннор.

Масанов.

ВИЛИНСКАЯ-МАРКОВИЧ Мария Александровна

(См. Вовчок Марко, М.А.)

ВИЛКОВА Е.

Авт. кн. «Аравия и Магомет. Ист. очерк». М., 1901; «Несчастный жених. Ист. рассказ из времен царств. Бориса Годунова». М., 1899; «Первая фабрика на Руси. Ист. рассказ из времен царя Иоанна Грозного», М., 1901 (Рец. в «Нар. Обр.», 1902, т.1, с.437)

ВИЛЛАМОВА Мария Александровна (псевд. Дедина, М.), журналистка 1910-х гг.

Масанов.

ВИЛЛАМОВА-ЛАНСКАЯ Е.

(См. Ланская, Е.И.)

(Продолжение на стр. 51)

Собака из Первого Мира

Лазоревые бабочки с сиреневыми разводами на крыльях вспорхнули и яркой стаей унеслись ввысь. Цветочная поляна на мгновение опустела. Но кусты дрогнули, и из них выбежал небольшой зверек, похожий на маленькую антилопу. Его гнутые рожки отсвечивали золотом, а влажные карие глаза смотрели ласково и доверчиво. Он высунул розовый язычок и потянулся к ярко-красному бутону.

Из недр цветка вылетело гибкое прозрачнокрылое насекомое и принялось виться над головой зверька, потом появился еще один такой защитник, еще... Вскоре несчастную антилопу окружала уже туча насекомых. Громко всхлипывая и мотая головой, зверек понесся обратно в прохладную зелень леса.

— Нет! — пискнула Ждана, сбрасывая шлем. — Ничего он не понимает! Они его поцеловать хотели, а он испугался.

Высокая женщина с коротко стриженными темными волосами обняла девочку.

— Их слишком много. Ты бы тоже испугалась. — Глаза ее искрились смехом. — И папа, спорим, тоже.

— Для первого раза неплохо, — отозвался мужчина, бережно сворачивая шлем-маску. — Это действительно не так просто.

— А у меня в первый раз были такие большие птицы, — Рада мечтательно раскинула руки. — Они летали высоко-высоко. Но внезапно началась гроза... — Тут ее голос смущенно затих. — В общем, девочка, главное — не останавливаться.

Женщина подошла к стене и выключила экран. Потом она провела по нему рукой, надеясь почувствовать рожденное чужой мыслью. Эта привычка появилась, когда Рада повзрослела — перестала создавать только свои миры и переключилась на общие. Слов нет, они были гораздо лучше приспособлены для жизни, но какие-то однообразные. А с рождением ребенка и эта возможность творчества исчезла. Теперь женщина могла только

со стороны наблюдать и пытаться советовать. «Впрочем, без советов живется гораздо легче», — подумала она.

Потом они пошли в каюту отмечать первый созданный Жданой мир. Был высокий торт с одной свечкой и чай с ароматом неведомых цветов — папа сказал, что это еще из старых запасов.

— Ходят слухи, — сказала мама, — что все первые миры носят довольно странные названия: Ах, Ой, Уйди и даже Какой Кошмар.

Ждана обиженно засопела.

Папа погладил ее по голове, поправил вылезшую из косички прядь волос.

— Это приходит со временем. Ты сама почувствуешь, какое слово произнести. Сначала надо уметь его услышать.

В этот вечер Ждана засыпала долго, ворочаясь и пытаясь вспомнить, как же это должно быть... Как оно получается у старших — четкие, ясные, правильные миры, с хорошей сетью дорог, гостиницами и больницами. Запрет есть только на создание человека, а все остальное можно без ограничений. Увы, вспомнила девочка сегодняшний конфуз и поморщилась, все-таки есть правила, которые просто так не нарушишь.

Придется учиться, вздохнула она. Ведь когда люди становятся папами и мамами, они уже не могут летать по новым мирам. По своим старым — сколько угодно. Ждане очень нравился мамин мир Эстерганда, там есть высоченные сосны с медно-рыжими стволами, а на закате лес пламенеет... Солнце там такое, что свет отдает едва заметной краснотой. Мама любит осень.

Папа предпочитает зелень и тишину, но его миры Ждане не очень пришлись по душе. Там слишком сумрачно и сыро, животные ленивы, бывает даже так, что в их шерсти растет мох. Хотя девочка полюбила водяные орехи, которые растут только там, они по вкусу и по виду напоминают засахаренную сливу.

Юлия Александровна Гридина родилась в 1979 году. Окончила Новосибирскую академию экономики и управления.

Второй, третий и четвертый Жданкины миры были не так занимательны, она понемногу училась выстраивать цепочки образов, с которых все начинается. Ее не привлекали стандартные общие решения, которых было полным-полно во Вселенной. Девочка искала нечто — только оно никак не находилось.

Однажды мама сказала, что у ее старой подруги есть сын, у которого сразу получился первый мир. Ждана поморщилась. Она не верила, что с первого раза может получиться что-то путное.

— А давай съездим к ним, — предложила мама.

Потом были долгие попытки связаться — через знакомых, через письма, и, наконец, Ждана с родителями полетела на корабле в первый мир незнакомого мальчика. Она раньше ни разу не была в чьих-то первых мирах — это самое дорогое, что есть у человека, хотя они и получают из рук вон плохо.

Главное — они дарят желание творить дальше.

— Саша у нас стеснительный, он не любит играть с другими детьми, он все больше книги читает, — упоенно рассказывала тетя Надя. После вкусного обеда ее тягучий голос с непонятым выговором навевал сон. Тот самый мальчик появился, когда накрыли на стол, схватил тарелку и убежал. Папа с мамой слушали и, наверно, делали пометки, как вырастить гениального ребенка.

— Но он такой ранимый, не может видеть ни птиц, ни зверей в клетках, сразу говорит: уйдем отсюда, им плохо и мне плохо.

— Наденька, как ты его обучала? — спросила мама.

Тетя Надя объяснила, всячески упирая на природные способности мальчика, и разговор опять потек в неинтересном Ждане направлении.

Она уже съела все, что было в тарелке, сложила нож с вилкой пятью способами, сделала три кораблика из салфеток, как прозвучало разрешение покинуть гостиную:

— Тебе тут скучно, Жданочка, со взрослыми? Пойди, поищи Сашу.

Девочка, стараясь скрыть ликование, поднялась со стула и, прихватив с собой корзинку с вишнями, направилась к двери. Когда порог остался позади и Ждана собралась развить первую космическую скорость, тетя Надя закричала вслед:

— Посмотри, пожалуйста, чтобы он съел свой обед!

Дикий мальчик отыскался на чердаке. Он подозрительно посмотрел на нее, одновременно поправляя разорванную на коленке штанину.

— Ты чего? — спросил он.

Девочка огляделась. После полутемной лестницы здесь было пронзительно светло: кое-как залатанная крыша не сдерживала напора буйного майского солнца. На чердаке было пыльно, однако детский угол отличался чистотой, говорящей о частом посещении. На ветхом трехногом столике лежала стопка журналов «Почему-ка».

— Да не бойся ты, не съем, — сказала Ждана. — Тощий какой, совсем невкусный. Просто там родители устроились общаться, вот я и ушла. Все равно скучно с ними.

— Ну и иди. На улицу. Там клумбы есть, — при слове «клумбы» мальчик страдальчески скривился.

Ждана подумала — странно, это же его мир.

— Ты не любишь цветы? — спросила она.

Мальчик сжал руки в кулачки.

— Ну чего пристала? Понаехали тут, все смотрят...

Ждана представила, что было бы, если бы в ее первый мир приехали взрослые и стали бы охать-ахать. Да уж.

Она протянула мальчику вишни и торопливо заговорила:

— Саша... Тебя же Саша зовут? Ты не обижайся, мои мама с папой хорошие, они в твоём мире ничего менять не будут, только посмотрят. Ведь это редко бывает, чтобы первый раз — и так удачно, даже жить можно... — Она остановилась и перевела дыхание. — У меня ведь не получилось, и у всех, кого я знаю, тоже. Хочешь, расскажу?

Мальчик недоверчиво взглянул на нее, но ягоду взял.

— Валяй.

Чувствовалось, что ему неудобно, но как повежливее выставить гостью, он не знает. А может, в конце концов, стало любопытно?

Ждана вздохнула и принялась рассказывать.

Они разговаривали почти до темноты. Когда солнце скрылось за горизонтом и в прорехи крыши показались крупные, как горох, звезды, Сашка решил:

— А у меня собака есть, — прошептал он.

Девочка не поверила:

— Врешь! На кораблях нельзя держать животных.

— Правда есть! Только она не на корабле, она здесь живет.

— А кто ее кормит, когда ты улетаешь? Собака ведь домашняя, ей кашу нужно варить или корм специальный сыпать, — Ждана отчаянно позавидовала мальчику.

У нее не было собаки. Когда вставал такой вопрос, взрослые очень ловко его обходили: по правилам нельзя держать домашних животных на корабле, к тому же у мамы аллергия на шерсть...

Сашка кинулся к окну:

— Пойдем, покажу!

И прыгнул.

Ждана подошла и поглядела на улицу — было темно, только едва-едва белели ссохшиеся деревянные ступени приставной лестницы. Девочка зажмурила глаза и начала спуск.

Земля встретила ее колючей соломенной подушкой, упруго подавшейся под ногами. Тут же рядом вспыхнул светлячок, и костлявые мальшичьи пальцы вцепились в ее руку.

Сашка помаячил фонариком:

— Туда.

Там оказался маленький деревянный домик, тщательно спрятанный в зарослях. Перед ним стояла красивая пластиковая чашка.

– Моя любимая, – с гордостью указал мальчик. – А родителям сказал, что сломал.

Шурша в темноте, он вывалил в емкость содержимое небольшого пакета. Ждана нагнулась – ей в нос ударил густой чесночный аромат. Котлеты, которые так хорошо готовит Сашкина мама.

– Собака, иди есть!

Откуда-то из травы выбежала черная псина с длинными висячими ушами и кудрявой шерстью, лаково блестящей при свете фонарика. За ней, потешно семеня, бежали два маленьких щенка. Собака сунулась носом в ладони мальчика, мотнула головой в сторону Жданы и подтолкнула щенков к миске.

– А как ты ее назвал? – Девочка смотрела, не отрываясь. – А можно ее погладить?

– Гладь, она добрая. Пока еще никак, она ко мне недавно пришла. Позавчера.

– Как это – пришла? Разве ты ее не создавал?

– Не знаю. Это же мой первый мир. Я его даже не называл никак, просто – Первый Мир. Может, они тут живут. А может, они, – его голос стал глубоким и напевным, – тоже путешествуют между мирами и создают нас...

Девочка хихикнула.

Щенки быстро наелись и теперь лезли к детям на руки, довольно повизгивая. Ждана опустила на землю возле двух угольно-черных комочков и с восторгом наблюдала, как они, играя, грызут ее пальцы.

– Ой, какие хорошенькие! Как игрушечные, только лучше. – Она пошарила в кармашке и достала завалывшийся леденец. – А сладкое им можно?

– Немножко можно, – с видом авторитета заявил мальчик.

Ждана с треском разгрызла конфету и протянула крошки щенкам.

Дымное темное небо, и в нем – белые росчерки чаек. В воздухе остро пахнет морской солью и влажным песком. Много, много воды, земля – маленькими островками, высоких деревьев почти нет...

Зато есть божественно густая трава, сочно-зеленая щетина, покрывающая сушу и отделенная от моря полосами песка и гальки.

Девочка закрыла глаза. Образы и звуки нового мира подсказывали... шумели... кричали...

– Аскера, – произнесла она.

Новый мир был сотворен.

Десятый по счету.

В каюте ее ждал пирог с десятью свечками.

– Mam, а когда мы снова пойдем в гости к тете Наде? Сашка уж, поди, меня перерос. – Ждана вопросительно посмотрела через плечо. Она уже два года не видела друга и скучала без Собаки. – Давай поедем к ним в гости через месяц? На ту самую первую Сашкину планету?

Рада переглянулась с отцом, присела на колени и обняла дочь.

– Мы не хотели говорить тебе, девочка...

Вмешался папа.

– Ты не сможешь сейчас попасть туда. Сашки нет больше. Он с родителями попал в аварию. А когда их нашли – было уже поздно.

Ждана вырвалась из объятий матери, распрямившись, точно пружина.

– Почему?

— Почему не сказали? — Папа задумался. — Ну... ты же все равно скоро повзрослеешь и не сможешь путешествовать по чужим мирам.

Девочка опрометью кинулась в лес, туда, где по ее представлениям проходила кратчайшая тропинка до космодрома.

Собака! Как же теперь Собака! Щенки же тоже должны вырасти, и тогда они не смогут уйти из Сашкиного мира в общий!

Ждана бежала, как будто за ней гнались по пятам голодные тигры из ее третьего мира.

Внезапно гладкую дорожку перегородил тонкий ствол молодого деревца. Девочка запнулась, упала и покатила по траве. Сил двигаться уже не осталось, и Ждана, перевернувшись на спину, стала просто смотреть в небо. Лохматые облака сложились в огромную межзвездную собаку. Махая кудрявыми ушами, она летела вслед за своими щенятами.

Когда беглянку нашли родители, она заявила:

— Я никогда не заведу собаку. Если я умру, ее некому будет кормить.

Ждана сидела в глубоком кресле. Шлем привычно облегал голову. В голове царил пустота, хотелось побыстрее скрыться от всех, и от самых близких — особенно.

— Ты точно сможешь? — услышала она полувопрос-полуободрение от папы.

— Да, — просто ответила она.

И вновь — знакомое ощущение полета-поиска, перебор всего узанного, всех снов и желаний.

Почему-то ей вдруг стало тоскливо и одиноко. Представилась дорога. Рельсы, уходящие за горизонт.

Экран перечеркнули рельсы — слева направо.

— Жданка! — закричала мама. — Давай, попробуй еще!

Экран побелел, словно его задержали полупрозрачной кисеей, а потом в светлом мареве проступили те же рельсы, только справа налево.

— Взрослеет, — вздохнул папа.

ВИЛЬГАЛЬМ В.

Сост. «Сборника арифметич. задач» (Спб., 1885).
Венгеров, Источ.

ВИЛЬДЕ-ЛОТ Ирен, переводчица.

Жена писателя Б.В.Вильде; дочь историка Ф.Лота и М.И.Лот-Бородиной (см). Пер. на франц. яз. произведения философа Н.А.Бердяева.
Бердяева Л., с.230.

ВИЛЬКИНА Людмила (до принятия православия в 1891 — Изабелла) Николаевна; (по гимн. докум Вилькен; в замуж. Виленкина; 1873 — 1920), поэтесса, прозаик, переводчица.

Племянница З.А.Венгеровой и С.А.Венгерова. С 1890 г. жена поэта Н.М.Минского (Виленкина). В 1900-е годы квартира В. и ее мужа на Английской наб., 62 в Петербурге была известным лит. салоном. В разные годы В. общалась с различ. предст. «нового искусства» Бальмонтом, Брюсовым, Мережковским, Бакстом, В.В.Розановым и др. Творчество В. ограничено в основном рамками «декадентских» тем и стиливых приемов. Значительна ее переводческая работа. Ей принадл. переводы О.Мирбо, Гауптмана, А.Савиньона, К.Ларронта и др. Наибольшее значение имеет перевод В. пьес и философ. произведений М.Метерлинка. В осн. из переводов В. составл. три собр. соч. Метерлинка. Вместе с В.Бинштоком пер. также пьесу Метерлинка «Мария Магдалина». Переводы В. из Метерлинка переизд. и в наше время.

Русские писатели (портр); . Венгеров, Источ.; Диаспора.2.

ВИЛЬКИНА-ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР Евгения Николаевна (псевд. Вилларская, Е.Н.; 1872 — 1902), переводчица и дет. писательница.

Пер. с нем кн. Л.Гейгера «Немецкий гуманизм». Спб., 1899 (Рец. в «Жизни». 1900, № 1).

Масанов.

ВИЛЬКОВИСКАЯ Вера Эммануиловна (1890 — 1944), авт воспоминаний; живописец и график.

Автобиографич. заметка в книге о ней: «В.Э.Вильковисккая». Казань, 1925, с.8-14.

ИДРДВ, т.4. ч.3, № 6594.

ВИЛЬКОРЕЙСКАЯ Тамара Альбертовна (псевд. Носкова, Тэвиль), член Моск. об-ва драматич. писателей.

Масанов.

ВИЛЬМС Зинаида Гавриловна, дочь врача Петропавловской крепости Г.И.Вильмса.

Издан сб. ее стихотв. и популяр-

ная брошюра к 100-летию Кирилла и Мефодия. О ней мимоходом пишет в своих воспоминаниях В.В.Вересаев (т.4, с.231-132).

ВИЛЬЯМ-ВИЛЬМОНТ Наталья Семеновна (псевд. Ман, Наталия), переводчица.

Участв. в сб. № 1 «Современник». М., 1922.

Масанов.

ВИЛЬЯНСКАЯ Е.М.

(См. Орешникова, Елена Мих.)

ВИНАВЕР М.

В «Вестнике Европы» (1898, № 5) напечатан ее очерк «Адвокатская школа накануне ее реформы». М.б. это жена юриста А.Винавера?

ВИНАВЕР Роза Георгиевна (урожд. Хишина; 1872 — 1952), авт. воспоминаний.

Жена юриста, публициста и общ. деятеля М.М.Винавера. Ее воспоминания «Вожди кадетской партии» напеч. в «Новом журнале» (Нью-Йорк) (1945. № 10. С. 250-262).

РРЭВД. 1.

ВИНДИНГ, Виндинг-Муратова Елизавета Павловна (псевд. Владимирирова, Е; 1860е гг. — после 1915), драматург, новеллист, дет. писательница.

В юности — провинциальная актриса, но сцену оставила. В ее рассказах — автобиогр. мотивы. После смерти второго мужа адвоката В.Л.Муратова кормила большую семью лит. заработком, сотрудничая в журналах. Писала пьесы: «И светит и греет» (1899); «Без семьи» (1903); «Жизнь не ждет» (1903); «Женское счастье» (1910) и др. Две из них «Мими» и «Бесправная» были поставлены в Петербурге. Последняя имела особенный успех, и критика отмечала превосходное знание автором актерской и адвокатской Среды. В основу сюжета комедии «Мими» (поставлена под назв. «Хризантемы») положено изв. в середине 1890-х годов судебное дело, в кот. участвовал как защитник муж В. Серьезно отнесся к пьесе В.В.Розанов, увидев в ней повод для размышления о совр. семье. Брак стал прозаичен, любовь — романтична. Она содержательна, разнообразна, душиста, тогда как семья и брак наполнились формальными «хризантемами». Детские рассказы печатала в журналах (напр. «Маленькие» в журн. «Совр. Мир», 1916, № 2-3); пер. с датск. «Три сказки» Андерсена — «Юная Россия», 1906 (она ли?).

Русские писатели; Масанов; Венгеров, Источ.

(Продолжение на стр. 65)

Владимир ТРУСОВ,
фото В.Г. ЧЕСНОКОВА

Мраморские обелиски

Команда «Уральского следопыта» во время поездки по столбам Европа–Азия уже побывала возле одного знака, который находится при въезде в село Мраморское. Мы обещали, что продолжим тему истории и нынешнего состояния знаков «Европа–Азия». В этом номере журнала один из постоянных авторов «УС» Владимир Трусов расскажет об истории создания двух обелисков возле села Мраморское и представит уникальные фотографии мраморного памятника (в первоизданном виде) и железного пограничного столба.

Принято считать, что граница Европы и Азии проходит по водоразделу Уральского хребта. Речки, стекающие с гор Урала на восток — азиатские, а на запад — европейские. На географической карте водораздел показан «змейкой» с севера на юг.

Каждый год происходят «знаковые» изменения на евроазиатской «границе». В одних местах указатели исчезают, а в других появляются новые.

У села Мраморское уже в XXI веке появились два знака-столба. Летом 2002 года возле железнодорожной станции Мраморская изготовлен и установлен знак из металла. Автор — В. Г. Чесноков, помощники — В.П. Виллисов и С.Д. Бушмакин. И на автовъезде в село Мраморское у переезда через железнодорожную линию 20 октября 2005 года сложен из трех мраморных блоков еще один указатель границы Европы и Азии (автор — В. Г. Чесноков, помощники — В.П. Виллисов и О.В. Шелагин). Высота знака — 2 м, диаметр — 0,7 м, материал — мрамор местного происхождения.

Автор и исполнитель географических столбов на линии границы Европы и Азии В.Г.Чесноков окончил Горный институт с дипломом «Разведка полезных ископаемых» и до пенсии работал по своей специальности геологом. Исходил с геологоразведочными экспедициями Северный и Южный Урал. С 1970 по 1980 годы занимался поиском поделочных камней, в частности серпентина (талько-хлорит), в районе села Мраморское. С тех пор и «прикипел» к этим местам. Считает, что более красивого и доброго места найти трудно. Вместе с женой (географом) построил своими руками в Мраморском домик, развел сад. Увлекается Владимир Георгиевич и фотографией. Любимые сюжеты: лес, озеро, природа, замечательные каждый по своему соседи-уральцы. Дважды устраивал выставки в Полевском краеведческом музее, посвященные селу Мраморское (о пребывании Бажова и Эрзы, о камнерезах и камнерезном деле). Его мечта — помочь мраморцам и всем полевчанам заново увидеть и нежно беречь свою малую Родину.

Мраморный столб

Железный столб Европа — Азия

Ирина КУЗНЕЦОВА,
фото Виктора БАЙДУКОВА

На Чистоп

На территории Ивдельского района издавна проживают Ивдельские манси — маленькая, но совершенно самостоятельная народность. Манси, или вогулы, входят в этническую общность приобских угров. Сегодня численность всего этого народа не превышает 7 тысяч человек, число же ивдельских манси едва достигает 130-ти.

В настоящее время на территории МО Ивдель действует общественная организация «Общество по выживанию и социально-экономическому развитию народа манси», основной целью которого является поддержка представителей этой маленькой народности, ведущих (или пытающихся вести) исконный лесной образ жизни, занимаясь традиционными промыслами: охотой, рыболовством, собирательством ягод, ореха и т.д. Летом этого года для обеспечения транспортной связи с отдаленными поселениями манси получили удивительную технику — снегоболотоход-амфибию под не менее удивительным названием «Лопасня».

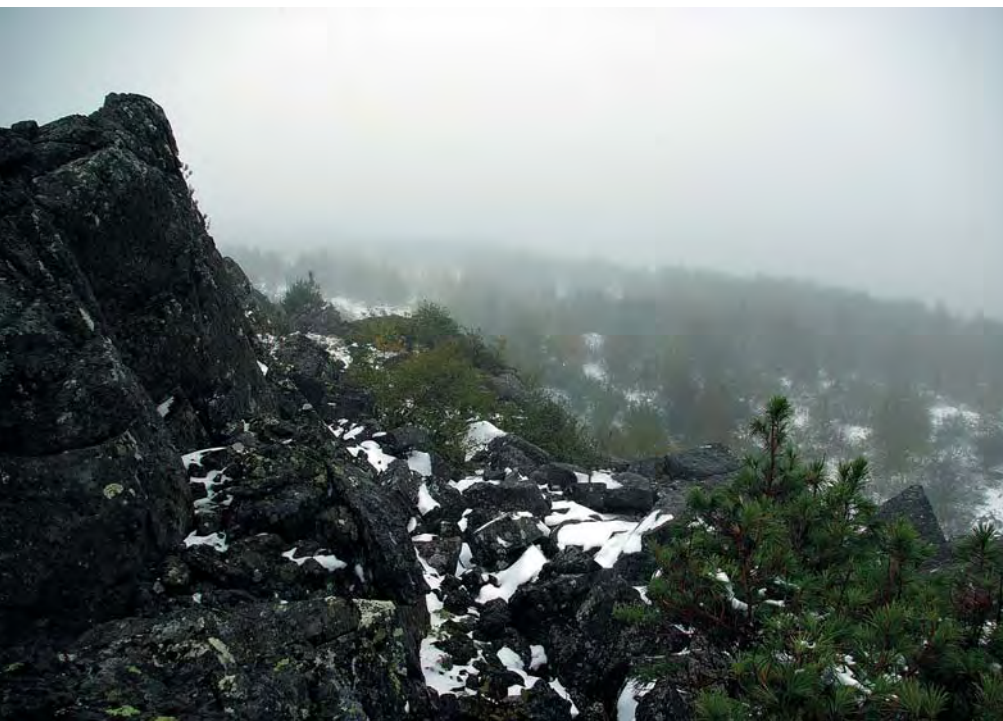
Так получилось, что нам посчастливилось принять участие в одном из самых первых испытаний этой техники в условиях гор Северного Урала: до того были опробованы ее возможности на дорогах и заболоченных участках северной тайги, мы же отправились «покорять» Чистоп, хребет с максимальной высотой 1 292 м над уровнем моря, расположенный восточнее основ-

ного водораздела между правыми притоками реки Лозьвы — Ушмой и северной Тошемкой.

По лесной дороге, через реку Ушма и речушки Тосемья и Витимья, по довольно-таки крутому склону через криволесье, по каменистым россыпям — курумникам и горной тундре добрались мы до отметки 917 метров — почти легко! При этом — следом за нами

пусть и не в абсолютной, но все же сохранности оставался почвенный и растительный покров, что так немаловажно в столь уязвимых условиях горных территорий. А возвращаясь, мы 10 километров спускались по руслу р. Ушмы и сколько-то из них, пусть и совсем немного, проплыли, загребая колесами, не касаясь при этом дна! Кстати сказать, «Лопасня» имеет приспособление и для крепления мотора — вездеход-амфибия, по полной программе!

... Единственно, что в этом приключении подвело — так это погода: забраться на Чистоп и не увидеть ни Молебного Камня, ни Поясового, ни начала Западно-Сибирской низменности... Дождь, туман, первый осенний снег в горах... Но, может быть, и это не зря? Будет повод возвратиться сюда еще раз. Да и то, что все же открылось нам, разве не сказка: призрачные великаны-останцы, яркие краски осени под ногами, журчание воды и дорога, уходящая в никуда....

Евгений САВЕНКО

Лики гор и лесов

Птицы и таинственные человеческие фигуры выступают из лесной чащи. Деревья в предгорных лесах частенько принимают диковинную форму. Кое-что из этого почти сказочного, таинственного великолепия мы срезали и унесли с собой. Коллекционирование этих изваяний было особенно популярно в прошлом веке. Теперь такие фигурки встречаются в школьных музеях, сувенирных магазинах – какой гость Урала не захочет взять собой «статуэтку» из дремучего леса, сотворенную самой природой.

*(Продолжение.
Начало в №3, 5, 2007)*

Ошибки и штампы в фантастике

[Выпуск 4]

Тема вторая. Через тернии к звездам, или Трудно быть астропилотом

«Звездные войны» Лукаса породили целую отрасль астропаностики (литература, кино, компьютерные игры), специализирующейся на космических боях. Могучие эскадры гигантских многокилометровых кораблей сходятся в смертельных битвах, юркие истребители шмыгают в полях астероидов, орбитальные бомбардировки стирают с лица планет целые цивилизации, а те, в свою очередь, сшибают атакующих из мощных антикосмических орудий. Да, Лукас начал свою речь на премьере первого (по счету) фильма серии с фразы «Разумеется, нам известно, что в космосе выстрелы не слышны...». Однако это его заявление мало что дало. «Если нечто круто выглядит, то так и должно быть» — эта заповедь скверной фантастики служит основной причиной игнорирования элементарных законов физики. Я не слишком увлекаюсь кино, так что не могу сказать на его счет ничего определенного, но известных мне писателей, руководствовавшихся при написании книг хотя бы классической механикой Ньютона, можно пересчитать по пальцам. Вебер, Аллен, Дивов, Азимов, Ефремов, Лем и Хайнлайн... ну, разве что еще кого-то пропустил.

Взглянем поближе на типичные ляпы, допускаемые в текстах и фильмах этого направления.

Считается, что у космического корабля имеется максимальная скорость. Этот бред является следствием прямого переноса морских сражений в космос. Земной корабль (водный или воздушный) действительно имеет максимальную скорость — ему при движении приходится преодолевать сопротивление среды. Но вот в космосе, представляющем собой почти чистый вакуум, сопротивление отсутствует (точнее, им можно пренебречь). И единственная константа, с которой связаны теоретические барьеры скорости вещественного тела, это

скорость света. Кроме того, скорость (кроме, опять же, световой) всегда относительна. На Земле она отсчитывается от земной поверхности, а в космосе? От Солнца? От Альфы Центавра? От центра масс туманности Андромеды?

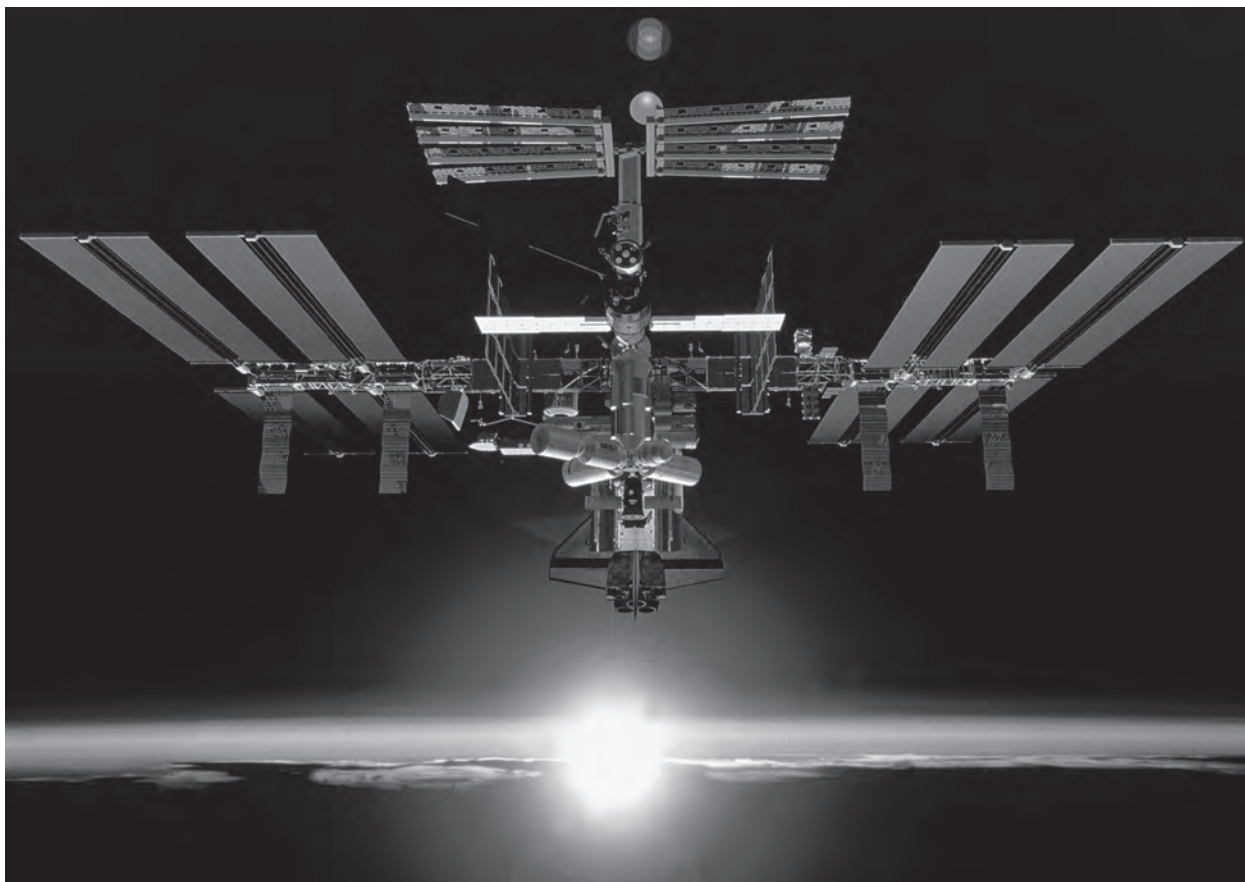
Оперировать в безвоздушном пространстве можно исключительно ускорением. Максимальное же ускорение зависит, помимо двигателя, от двух факторов: выносливости экипажа и прочности несущих конструкций корабля («гравикомпенсаторы» мы в этой ситуации не учитываем, поскольку не знаем, что это такое). От них также зависит минимальный радиус разворота. Декларировать же, что данный корабль может достичь конкретной максимальной скорости, в общем случае некорректно.

Оружие. Здесь доминируют следующие разновидности: энергетические (лазеры и плазма) и реактивные (ракеты). Изредка также попадаются кинетические виды (пули и снаряды, таинственный «mass driver» и т.д.), но это скорее исключение. Оставим в стороне оружие, основанное на плазме, антивеществе и масс-драйверах, поскольку о его параметрах можно только гадать, и рассмотрим то, что нам известно.

Если принять во внимание, что «остановиться» в космосе невозможно (можно лишь уравнивать векторы скоростей относительно друг друга), то можно легко сообразить, что на встречных курсах корабли будут пролетать мимо друг друга за настолько малые промежутки времени, что прицелиться толком будет невозможно — просто в силу инерционности орудийных стволов. В лучшем случае корабли умудрятся уравнивать скорости и повиснуть на некотором расстоянии друг от друга, обмениваясь залпами — но такая тактика может быть принята лишь самоубийцами. Космический бой — маневренный, и именно поэтому стрельба всегда будет вестись на огромных расстояниях (сотни тысяч километров — это почти вплотную...). Следовательно, даже перемещающиеся со скоростью света лазерные лучи при минимальной маневренности противника

Евгений Лотош в 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании «Quorus» ACS», профессия — системная интеграция. Бессменный ведущий рассылки «Читаем с нами». Литературное обозрение» на Subscribe.ru. Критик, литератор.

будут запаздывать настолько, что прямое попадание окажется чисто случайным событием. Про медленные плазменные сгустки и кинетические снаряды в этой ситуации можно забыть. Более того, они могут оказаться опасными для самого стрелка — если тот, выстрелив в противника, двинется в его сторону и ненароком обгонит собственные выстрелы (которые ускоряться не умеют).

Единственным приемлемым оружием в такой ситуации оказываются ракеты, умеющие наводиться на цель и корректировать свой курс. Однако в силу (относительно) низких скоростей передвижения и яркого выхлопа они будут засечены противником вскоре после запуска и, скорее всего, сбиты контрракетами. Поэтому при равных технологиях космическая схватка сведется к банальному соревнованию «у кого запас ракет больше». Это, в свою очередь, означает, что у малого судна не будет никаких шансов справиться с большим.

При этом посылать в атаку TIE Bomber'ы и вообще любые управляемые человеком аппараты в данной ситуации не будет никакого смысла. Они окажутся заведомо менее маневренными и при этом куда более крупными целями, чем ракеты.

Еще, кстати, один аспект, который практически никто даже и не пытается учитывать. Вакуум — не атмосфера, и выпущенный во врага заряд (ракета, пуля...) никуда не упадет. Он продолжит свой путь в бесконечность, пока не столкнется с препятствием. Если в отдалении от планеты такое безобразия, скорее всего, сойдет с рук, то поблизости от нее (особенно с применением интеллектуального оружия типа ракет) запросто оставит

местных без половины орбитальной инфраструктуры. Спутнику связи, в отличие от многожды бронированного линкора, хватит одного попадания по касательной. Кстати, разогнавшись до огромных скоростей массивная противокорабельная ракета, врезавшись в атмосферу, даже при несрабатывании боевой части устроит аборигенам на поверхности веселую жизнь. Да и вообще не похоже, что возможность напороться, пусть и с исчезающе малой вероятностью, на пулю, выпущенную сотни и тысячи лет назад, будет греть душу космических путешественников.

Последнее в оружейной теме — это поражающие факторы оружия. В земных условиях это кинетическая энергия самого заряда (пуля или снаряд), ударной волны и энергии взрыва, а также электромагнитное, включая тепловое, световое и проникающую радиацию в случае атомного оружия, излучение.

Итак, примем для определенности, что боевой космический корабль — большой (сотни метров или даже километры в длину), так что попасть в него — не проблема. При этом корабль представляет собой тяжелобронированную грудку металла массой в десятки тысяч и даже миллионы тонн. Чем можно нанести ущерб такой машине? Пули и прочую кинетику отбрасываем сразу. Остаются лазер и боеголовки ракет.

Учтем, что сама по себе дырка в обшивке мало что значит: повреждение может быть, например, автоматически заклеено полужидким содержимым (наподобие густой смолы) внешней оболочки, а разгерметизированный отсек — банально заблокирован герметичными дверями. При этом разгерметизация даже не обязатель-

но означает гибель команды: достаточно сидеть на боевом посту в скафандре. Следовательно, чтобы нанести серьезный урон, необходимо зацепить действительно важный узел — двигательную установку, топливные контейнеры (при условии, что топливо чувствительно к поражающим факторам оружия), вычислительный узел, склад боеприпасов или центр системы жизнеобеспечения. Металл — штука, как известно, тугоплавкая, так что прошить его лазером требует очень больших энергий. Учитывая, что критичные узлы будут бронированы многократно, а также тот факт, что до бесконечности шпарить лучом в одно и то же место возможности не будет, получаем, что необходимый лазерный импульс требует гигантских энергий. Оставим в стороне вопросы генерации такого луча и перегрева лазерного орудия. Но откуда возьмется сама по себе такая энергия? В нынешних условиях для этого потребуются взрыв атомной бомбы. Поэтому если уж вы горите желанием поставить лазерную пушку на свой корабль, в первую голову позаботьтесь об энергосистеме.

С ракетами проще. Они не требуют таких уж больших запасов энергии для перемещения. Начальное ускорение да некоторые маневры при подлете к цели — все, что ей нужно. Однако как они смогут воздействовать на саму цель? Прямым столкновением? Отпадает — несопоставимые массы. Взрыв? В вакууме ударная волна отсутствует, так что на долю цели придется лишь незначительная доля его энергии, и даже сила атомного взрыва (включая проникающую радиацию) по большому счету пропадет впустую. Разве что сенсоры врага ослепит. А как достать критические узлы? Пожалуй, здесь у ракеты шансов куда меньше, чем даже у лазера. Единственный эффективный метод — каким-то образом доставить боеголовку внутрь корабля противника, в результате чего корабль получит всю энергию взрыва. А если внутри есть атмосфера, то и взрывная волна получится. Но вот как это сделать — большой вопрос.

Кстати, лазерный луч в вакууме невидим, а перемещается со скоростью света. Это я вспоминаю о лазерных выстрелах, которые в киношной реализации сильно смахивают на очереди транслирующих пуль.

На сегодняшний день мне известна только одна более-менее реальная модель космического вооружения (не считая неопределенно-загадочного гравитационного оружия), описанная в серии романов Дэвида Вебера о Хонор Харрингтон. Писатель скрестил ракетное вооружение с рентгеновскими лазерами с атомной накачкой, которые планировалось использовать в программе рейгановских «звездных войн». В данном варианте энергия ядерного взрыва не распределяется равномерно по расширяющейся сфере, а распространяется в виде нескольких узких пучков излучения, что на пару порядков повышает эффективность оружия по сравнению с классической атомной бомбой.

Астероиды. Гигантские скопления здоровых камней, ужасно опасные для путешествий из-за опасности столкновений, непроницаемые для радаров, служащие убежищем для беглецов и пиратов и серьезным препятствием для внутрисистемного сообщения... Ну-ну.

Примем во внимание, что радиус поясов астероидов составляет сотни миллионов, зачастую — миллиарды километров. Так, внутренний пояс астероидов Солнечной системы расположен между орбитами Марса (ок. 230 млн км от Солнца) и Юпитера (ок. 800 млн км), причем ближе к Юпитеру, пояс Койпера простирается до 50 а.е. (ок. 7,5 млрд км), а внешние границы облака Оорта оцениваются примерно в 105 а.е. (ок. 16 млрд км). Если предположить хоть сколь-нибудь высокую плотность вещества в астероидных кольцах, окажется, что по массе они превосходят все прочие объекты в звездной системе, вместе взятые. Подобные скопления вещества просто не могут существовать в сформировавшейся системе. Они быстро втянут в себя все прочие тела (включая планеты) и разорвут на части звезду.

На деле плотность астероидов в поясах чрезвычайно мала. В Солнечной системе на конец 20 века было зарегистрировано около 50 тысяч малых тел. Даже если предположить, что все они расположены в районе орбиты Марса на идеальной окружности, получим, что в среднем один астероид приходится примерно на тридцать тысяч километров. При этом тело размером в пару километров считается крупным. На деле же «ширина» поясов астероидов сопоставима с расстояниями между орбитами планет. Конечно, существует масса неучтенных тел — некоторые слишком малы, некоторые слишком далеко, чтобы быть обнаруженными (вообще обнаружение тела, даже планеты, в пространстве — та еще задача). Но и пространства, на которых они рассеяны, тоже поражают воображение. Поэтому натолкнуться на астероид (равно как и получить метеоритом по башке на Земле) можно лишь по чистой случайности. Ну, или очень сильно этого захотев. Да и то в последнем случае точное попадание зависит от мастерства пилота.

Кстати, еще один момент, весьма любимый авторами космической фантастики. Почему-то нападения на внутренние планеты осуществляются методом прохождения флота через всю систему из-за орбиты самой внешней планеты. Например, если завтра зеленые человечки с Альфа Центавра захотят поработить Землю, у них не останется другого выхода, кроме как пролететь в плоскости эклиптики все расстояние между орбитами Плутона и Земли (про пояс Койпера и облако Оорта авторы космической НФ обычно ничего не знают). Мысль о том, что можно подойти к планете под углом к плоскости эклиптики, просто не укладывается в голове у большинства писателей, причем зачастую — вполне уважаемых, вроде Симмонса. И возникают в их воображении могучие оборонительные пояса — орудия и ракетные шахты на астероидах... Но даже если завоеватели решат прогуляться через всю систему, любящая ее достопримечательностями, вряд ли такая плотность оборонительных точек задержит их хоть ненадолго.

Завершение обсуждения космической темы — в следующем выпуске. Традиционное домашнее задание: почему против астероида бессмысленно использовать лазерные пушки?

(Продолжение следует)

Ярослав ВОЛЬПОВ, Ростов-на-Дону

Призывники

*Здравствуй, небо в облаках, здравствуй, юность в сапогах,
Пропади, моя тоска. Вот он, я — привет, войска...
«Конец фильма»*

Старая дверь подвала взвизгнула ржавыми петлями. Непроглядная тьма, которую лишь на мгновение прорезала полоска света, проглотила крадущуюся тень. Послышались осторожные шаги, скрип ступенек, затем глухой удар, грохот и сдавленное ругательство. Чиркнула спичка, выхватывая из темноты пальцы с обкусанными ногтями и нижнюю половину лица, украшенную жидкой бородёнкой. Казалось, что клочков рыжих волос ещё никогда не касалась бритва — и не коснётся до тех пор, пока их владелец, мечтающий казаться взрослым, немного не поумнеет.

Но когда огонёк спички спустился на свечу и из темноты выплыла ещё и верхняя половина лица, стало ясно, что в ближайшее время бородёнке ничто не грозит.

Загорелись ещё две свечи, позволяющие разглядеть скучное, но колоритное убранство подвала. В углу примостился кособокий ящик, в котором человек с воображением мог угадать самодельное подобие гроба. Напротив стояли щербатые на один зуб вилы и несколько запасных рукояток к ним; рядом валялся грязный топор. А со старого, безнадежно ободранного комода в темноту смотрел человеческий череп, пожелтевший и потрескавшийся, зато улыбающийся почти новой вставной челюстью.

Пустые глазницы черепа выглядели гораздо более осмысленными, чем воспалённые, помутневшие глаза хозяина подвала.

— Боря! — донёсся откуда-то сверху надтреснутый женский голос. — Ты покушал?

— Покушал, покушал, — злобно пробормотал Боря себе под нос. — Скоро черти твою душу скушают, карга вонючая.

Взяв свечу, он направился в тёмный угол подвала, где на полу белела пятиконечная звезда, очерченная кругом. Там он снял с плеча рюкзак, на котором от руки было написано «Аццкий Сотона», и выложил оттуда кусок мела, бумажный пакет и какой-то круглый и плос-

кий предмет. Дрожащими от нетерпения руками Боря достал из пакета пять собачьих черепов, от которых разлило падалью, и расположил их по углам звезды. На каждый он прилепил по огарку свечи, а рядом на полу нарисовал мелом странные символы. Наконец он с благоговением положил в центр пентаграммы плоский предмет, на котором металлом блеснуло нечто вроде головы осьминога.

— Ньима, вокев икев ов и онсирп и енын... — захрипел Боря, судорожно взмахивая руками. Череп на комоде с сочувствием смотрел на его манипуляции, грустно улыбаясь чужими зубами.

— Хасебен ан шу... мать твою... хасебен ан йищус шан ечто! — с трудом закончил Боря и перешёл на более понятный язык. — О, явись, дух зла и повелитель теней! О, приди, Ползучий Хаос, Посланец Азатота, Чёрный Человек, Дымящееся Зеркало, Человек без кожи!

Свечи пыхнули, будто газовые горелки, и налились багрово-чёрным. От них вверх повалил дым, закрутившийся десятком спиралей; те завибрировали в сухом воздухе и сплелись в мерцающий кокон. В глубине бурлящего месива начали проступать человеческие очертания...

Боря сорвался на визг:

— Твоим именем тебя заклинаю — явись, Ньярлатхотеп!

С утробным рычанием дымовая сфера содрогнулась и раскрылась, как огромная раковина. Внутри стояло создание, отдалённо напоминающее человека с головой козла и десятком женских грудей, помахивающее чешуйчатым хвостом.

— Зачем звал? — мрачным и усталым голосом буркнуло существо.

— О великий... — пролепетал Боря, из немойтой головы которого вылетели все заготовленные слова. — Забери с собой в ад мою бабу! Достала старая стерва!..

Ярослав Александрович Вольпов родился в 1985 году. Учится на шестом курсе филологического факультета Южного федерального университета. Выбрал профессию переводчика. На литературном поприще пробует себя с 14 лет. Имеет публикации в литературном альманахе «Литера» и сборнике «Ростовская лира». Член Клуба авторов журнала «Уральский следопыт».

В следующий миг его уши заложило от жуткого вопля, от которого, казалось, должен был рухнуть весь дом. Существо схватилось за рогатую голову, а на его морде отразилась боль всех грешников ада, вместе взятых.

– Бабку забирать призвал! – вопило оно. – Идиот! О, Древние, за что? Ктулху, почему ты так жесток? Уже ведь не призывник зелёный, третий цикл служу – и до сих пор являться за душами чьих-то бабок?! А-ах, чтоб вам всем!..

Собачьи головы качнулись на дрожащем полу; одна из них качнулась чуть сильнее остальных. Плохо закреплённый огарок свечи свалился, и лужица воска залила один из нарисованных на полу символов. В ту же секунду кокон раскалённого дыма взорвался, словно лопнувший воздушный шар. Из пентаграммы плеснуло огнём – прямо на старый комод. Сухое дерево мгновенно занялось, и целлулоидная улыбка черепа приобрела несколько натянутое выражение.

Демон шагнул из пентаграммы вперёд, к скорчившемуся на полу Боре. Когтистая лапа сжалась в кулак, а копыто на ноге царапнуло землю. Несколько мгновений тварь не шевелилась, застыв над своей жертвой, а затем повернулась и смачно плюнула на горящий комод. Едва ли не полведра гнусно пахнущей жижи плеснуло на огонь, и тот с униженным шипением потух. После этого существо двинулось обратно к звезде.

– О великий, – всхлипнул позади него неудавшийся демонолог, – ты... оставишь мне мою душу?

– Ох, не дразни меня, – не оборачиваясь, прорычал демон. – Меня и так всего подмывает сожрать тебя прямо здесь, чтобы ты моих сослуживцев больше не призывал... Да только оставив тебя в живых, я сотворю такое зло, что меня начальник сразу повысит.

Наклонившись над пентаграммой, демон поднял круглую пластину с головой осьминога, о чём-то подумал, затем обдал её ещё более вонючей слюной, чем в первый раз, и прыгнул в центр звезды. Земляной пол принял его, словно густая болотная грязь, и, сыто булькнув, сомкнулся над рогатой головой.

Опустившись на тёплые камни мостовой, Хот с ненавистью посмотрел вверх, как будто мог что-то увидеть сквозь покров чёрно-жёлтых туч. Затем он набрал воздуха в грудь, опасливо огляделся по сторонам и, никого не увидев, изрыгнул длинную фразу:

– Пх'нгуи три раза мглв'нафх козлом драного Ктулху в Р'льех через вгах'нагл фхтагн!

И только после того, как выразил таким образом свои чувства, Хот принялся за свой внешний вид. Первым делом он щёлкнул по рогам, и те с мелодичным звоном растаяли в воздухе. Потом он намотал на руку хвост, с болезненной гримасой выдернул его, скатал в клубок и вытер им лицо и грудь. Избавившись от козлиной морды и женских сосков, Хот принял внешность привлекательного молодого человека в чёрном форменном костюме. Напоследок он парой нервных движений сбросил с ног копыта и направился в призывную часть.

Во всём теле медленно утихала боль. Хот уже привык к ней: она возвращалась всякий раз, когда демон, способный разрушать миры, был вынужден вместо этого выполнять столь мелкие и глупые задания, как сегодня.

Проходя под аркой массивных ворот с потемневшими буквами «Ламед-Вав-Коф», Хот с неудовольствием посмотрел на корявую надпись, в очередной раз появившуюся на камнях. Какой-то умник считал своим долгом рисовать её снова и снова. «Lasciate ogne speranza...» Неужели кто-то мог предположить, что это смешно?

Настроение у Хота портилось с каждым шагом, и до боли знакомая картина, развернувшаяся внутри части, совершенно его не улучшила.

У стены друг к другу жались полупрозрачные бесцветные создания, на первый взгляд почти не имеющие отличий. Они дрожали, словно от едва ощутимого ветра – но на самом деле оттого, что на них наседали три гораздо более приметные твари.

– Значит, так, духи бесплотные, – клекотала огромная бесформенная масса, усеянная щупальцами, – крутитесь, как хотите, а завтра на обеде добудьте у Дагона двойные порции. У Йога завтра последний призыв, а потом – в инкарнатор. Так вот он закатывает гулянку. Не будет харчей – в следующий призыв отправитесь вертеть столы у спиритов!..

– Не отправятся, – хмуро сказал подошедший Хот. – Я вам сто раз говорил: моих духов не трогать. Двух циклов не прослужили, а уже копыта веером. А Йогу можете передать, чтоб не замахивался на чужое, а то до инкарнатора может и не добраться.

– Хот, что ты как... – проорчала другая тварь.

– Vade retro, – устало бросил тот. Чудовища переглянулись и с мрачным видом удалились. Их примеру последовали и духи, растворившись прямо в воздухе. Лишь один из них остался на месте, благодарно-заискивающе глядя на Хота.

– Когда ты уже сможешь сам постоять за себя, Ксиурн? – вздохнул темноглазый. – Я только что нажил себе неприятности с Йог-Сототом, а это сволочь ещё та. Моего цикла призыва, а уже в инкарнатор пробился. Мне до воплощения ещё служить и служить...

– Нас в части много, – попытался подбодрить приятеля Ксиурн. – И приывают нас по-разному... Вон в части «Тет-Ламед-Коф» всего два демона... и девять духов при них.

– И что? – огрызнулся Хот, упорно не желавший подбадриваться. – Тамошнего главного вообще ни разу не призывали; конечно, он же у нас «за Краем Мира»! И при этом он в части единственный воплотился, а остальные только на него и пашут!.. И всё равно у них легче. Нормальный мужик их создавал – этот, как его... Тл... Тлк... А у нас в «Ламед-Вав-Коф» пока цикл отработает, семь потов сойдёт. Целая орава уже служит, и это ещё не все комиссию прошли. Ох, встретил бы я его...

– Кого? – недоумённо переспросил призрак.

– Да эту заразу, – рыкнул Хот, – которая нас всех выродила. Лвк... Лв... Да ну его в Р'льех, не выговоришь.

– Что поделаешь, – грустно сказал Ксиурн. – Так заведено. Вон ты уже и не дух, здесь уже воплотился, ещё цикл – и на земле воплощение получишь. А я вот...

– Что, – усмехнулся Хот, – в призыв ещё не ходил?

– Какой там, – поёжился призрак, – я и от комиссии-то едва отошёл. До сих пор кабинет Абхота не могу забыть...

Призывник так дёрнулся, что едва не рассеялся в воздухе. Воспоминание было ещё слишком свежо.

Ксиурн робко материализовался по ту сторону двери, обитой чёрной, неизвестно чьей кожей. Его нерешительный взгляд пробежал по голым стенам и лишь потом наткнулся на огромную лужу серой, пульсирующей жижи на полу. Этой лужей и был Абхот.

– Заключение давай сюда, – прозвучал в голове у Ксиурна полуголос-полухрип, полный бессмысленной злобы. В тот же миг в середине лужи вспух большой пузырь и лопнул, выплюнув трёхголовую крысу. Тварь забарахталась в серой грязи, пытаясь выбраться, но была ухвачена цепкими щупальцами и утащена обратно в чрево Абхота. Послышался приглушённый писк, чавканье и сытая отрыжка.

Ксиурна передёрнуло, но он совладал с собой и бросил в лужу принесённый с собой лист пергамента с рассыпанными по нему мелкими значками.

– Ещё один, – сразу два пузыря извергли козлийный череп на тонких ножках и спутанный клубок кольчатых червей; Абхот явно был вне себя от ярости. – «Ламед-Вав-Коф» и так переполнена, а тут что ни день, то новое отродье!.. Кем тебя записали? Внешним Богом? Наверное, радость так и прёт, а? Думал, тебя сразу воплотят, отправят наверх, а там людишки тебе храмы воздвигать станут? Ну так из тебя эту дурь быстро выбьют. Отслужишь четыре полных цикла – в инкарнатор отправишься, на воплощение. В конце второго получишь временную шкуру. А до тех пор будешь духом бесплотным по части летать! И чтоб каждого, кто хоть два цикла отслужил, слушался, как Господа Сатану! А будешь ерепениться – экзорцирую!

Ксиурн открыл было рот, но громовой рык оборвал его:

– На комиссию! Пошёл!

Увидев, что вылезло из серой утробы на этот раз, Ксиурн счёл за благо исчезнуть ещё до того, как Абхот успел пожрать очередное своё детище.

Комиссию все призывники, вне зависимости от происхождения, проходили в Девяти Кругах. Именно туда и пришлось направиться Ксиурну.

Вытерпеть первые Круги было не так уж сложно. Проверки на жестокость, чёрствость и равнодушие не выдерживал разве что какой-нибудь совсем сопливый бесёнок; Ксиурн же только улыбался, глядя на грешников, крутящихся в вихре Дидоны или давящихся бурой

грязью. Несчастные наивно и самонадеянно полагали, что Девять Кругов созданы исключительно для того, чтобы покарать их мелкие проступки. Возможно, раньше так оно и было... когда-то давным-давно.

Единственным, что делало Круги пыткой не только для грешников, но и для самого Ксиурна, были надзиратели, следившие за его действиями. Призывник ещё мог простить собакоголового Цербера, который, повинувшись своей природе, не мог не облаивать каждого встречного; но хвостатый Минос и полуволок Плутос вели себя ещё более хамским образом. Надзирателей, конечно, можно было понять: они, как и Абхот, были вынуждены вечно служить в призывной комиссии, не имея даже призрачной надежды воплотиться на Земле. Это и было причиной вечно плохого настроения, которое они срывали на всех, кто проходил через их руки. Ксиурн немного сочувствовал им; однако когда Минос, ни за что ни про что, хлестнул бесплотного и безответного хвостом по лицу, было хоть и не больно, но очень обидно.

Настоящие неприятности начинались с пятого Круга, где в Стигийском болоте происходила проверка на брезгливость. Учитывая то, какие личности чаще всего призывали демонов, подобное испытание при всей своей омерзительности было жизненно необходимым. И всё же впоследствии Ксиурн предпочитал не вспоминать об этом. Впрочем, ему, как будущему служащему «Ламед-Вав-Коф», ещё повезло: внешность Абхота в какой-то мере подготовила его к прохождению Стигийского болота. Разница между этими двумя, в сущности, была не так велика.

В седьмом Кругу проверяли на огнеупорность. Купание в пылающем ручье Флегетон было обязательным для всех – даже для глубоководных демонов. Ксиурн никогда не считал себя особенно огнеупорным и втайне надеялся, что не пройдет испытание. Однако волны Флегетона, жестоко терзающие даже бесплотное тело, выбросили его на другой берег стонущим, почёсывающимся, но живым. С трудом приподнимаясь, дух бросил сердитый взгляд на другого призывника, корчащегося в пламени и кричащего «Горю! Горю!» В здоровенном чешуйчатом парне только слепой не признал бы огненного демона, и подобные выходки могли быть расценены как злостная симуляция.

Тяжелее всего пришлось в Злых Щелях восьмого Круга. Там на Ксиурна сначала наорали, затем сунули в руки вилы и приказали бегать вдоль рвов со смолой, следя за тем, чтобы ни один грешник не выбрался наружу. Из Щелей разило гарью и палёной плотью, жар был невыносимым, а Ксиурн, едва не растворяясь в раскалённом воздухе, метался взад и вперёд и втыкал вилы в карабкающиеся наверх тела. И каждый грешник, срываясь в смолу, считал своим долгом одарить духа взглядом, преисполненным невыразимого страдания. У Ксиурна же не было времени даже крикнуть, что по сравнению с его мучениями Злые Щели – просто тёплая ванна после ужина.

И наконец, перед призывником открылись последние врата, за которыми простиралось ледяное озе-

ро Коцит. Его дыхание стремилось заморозить даже эфирное тело Ксиурна, превратить того в полупрозрачную статую, какие в изобилии украшали поверхность Коцита. Двигаться вперёд становилось всё тяжелее, мёртвый блеск льда ел глаза всё сильнее... а момент решения судьбы Ксиурна был всё ближе. И когда дух достиг середины озера и, содрогаясь, взглянул в глаза огромного чудовища с шестью крыльями и тремя лицами, он понял, что перед ним — сам Люцифер.

Три пасти Люцифера медленно открылись и уронили одно-единственное слово:

— Годен!!!..

— Вот так я и оказался здесь, — уныло закончил Ксиурн. — А теперь не сегодня-завтра идти в призыв, и наверняка попадётся какой-нибудь придурок... В той же «Тет-Ламед-Коф», говорят, духи с более приличными людьми общаются... Баллады в свою честь слушают, о том, что Свет не есть добро... А нас кто ни вызовет, так обязательно какой-нибудь шизофреник... Хот, ну что это за жизнь? Мы с тобой — Внешние Боги, разрушители миров! Почему нас заставляют играть в бириульки?

Хот молчал. Его занимали совсем другие проблемы: та козлоногая тварь наверняка уже пожаловалась Йог-Сототу, и совсем скоро любитель гулянок за чужой счёт явится качать права. Не то, чтобы Хота это сильно пугало; вот только Йог-Сотот не сегодня-завтра уберётся в инкарнатор, а отвечать за беспорядки в части придётся тому, кто останется. Причём отвечать перед Ктулху.

Чем бы умаслить склочного Йога? Разве что самому пойти за него в последний призыв? Хот бросил сердитый взгляд на Ксиурна, втравившего его в эту передрагу. Проклятый дух, ни в одном призыве не бывал, а уже трясётся, как осиновый кол... то бишь лист... Сплавить бы его с глаз долой — только вот куда?...

И вдруг Хот чуть не задохнулся от пришедшей в голову мысли.

— Слушай меня внимательно, — проговорил он, погружая пальцы в бесплотное тело духа и притягивая того к себе...

Невидимый Ксиурн летал в темнеющем вечернем небе над крышей старого дома, с трудом удерживаясь, чтобы не запеть. Вместо этого он вновь и вновь благословлял Хоту, придумавшего план, равного которому не придумали бы все обитатели «Ламед-Вав-Коф», вместе взятые.

И не только придумавшего — почти исполнившего. вспомнить о малолетнем идиоте, встреченном в случайном призыве, через какие-то связи на Земле убедить его повторить опыт призыва, подбросить ему нужную книгу... И всё это за ничтожно короткий срок... Сложно было угадать, с кем из воплощённых Хот водил знакомство, но неведомый бес-искуситель всё выполнил с блеском. Ксиурн опомниться не успел, как его выбросило из родного мира и материализовало в центре пентаграммы, криво нарисованной на полу пыльного подвала.

Слишком криво нарисованной. Стоило лишь ощупать стенки круга, как обнаружилось слабое место.

Одна из линий проходила по древнему грязному пятну, которое никто не собирался вытирать в течение ближайших десятилетий. Даже не обладая силой Хоту, Ксиурн с лёгкостью разорвал кокон и освободился. Как ни велик был соблазн спалить растяпу в адском огне, дух удержался: сатанист был ему ещё нужен.

Ночь стремительно приближалась, а вместе с ней и последняя часть дерзкого плана Хоту. Теперь лишь от самого Ксиурна зависело, сумеет ли он первым в истории «Ламед-Вав-Коф»... да что там — в истории всех призывных частей... уклониться от службы самым невиданным способом из всех возможных.

Ксиурн собирался притвориться ангелом.

Одного взгляда на молодого сатаниста хватило, чтобы развеять все сомнения в гениальности Хоту. Если у этого жалкого человеческого существа по-прежнему оставался ангел-хранитель, он наверняка был столь же никчемным, как и его хозяин. Его легко было обмануть, запугать, прогнать — а самому занять освободившееся место. Судя по образу жизни мальчика, ни на Небесах, ни под землёй и не заметят подмены. Самое главное — став ангелом, Ксиурн больше не был обязан служить и мог спокойно дожидаться окончания призывного возраста.

В небе появилась тускло светящаяся точка, робко приближающаяся к дому. Значит, мальчик Боря всё-таки заснул, и его тёмные мысли, днём не дававшие ангелу-хранителю даже на километр подлететь к хозяину, наконец, растворились в смутных ночных видениях. Ксиурн завис над крышей в ожидании.

— Стой! — как можно более властно приказал он, когда старое, желтолицее существо с обвисшими крыльями достигло дома. — Ты ангел-хранитель Бориса Захарова?

— Я, — кашлянул тот. В его голосе звучала смертельная усталость; Ксиурн удивился про себя, как, а точнее — зачем, было доводить себя до такого состояния, надрываясь в борьбе с грехами и пороками. Неужели ангелам некуда сбежать со службы? Или за ними так же следят, как за призывниками?

— Душу твоего хозяина забирают в Ад, — тем же стальным голосом сообщил он, отогнав ненужные мысли. — Тебя требуют явиться с отчётом и предоставить сведения...

— Господи! — всплеснув крыльями, закричал ангел. — В Ад? Бореньку? Тут ошибка, тут точно ошибка! Рановато ему, он ещё исправится! Я сейчас полечу, всё расскажу... Не надо его в Ад! Я сейчас, сейчас!..

— Э, куда? — одёрнул Ксиурн ангела, уже изготовившегося лететь вниз. — Крылья сдай! С белыми крыльями в Ад — где это видано? Я их приму на сохранение; когда дело разрешится — верну в целости.

Наивное создание лишь покивало трясущейся головой и, отстегнув крылья, вручило их Ксиурну, после чего камнем рухнуло вниз и провалилось сквозь землю. Учитывая то, что его, согласно плану, уже поджидал Хот, возвращать крылья Ксиурн в ближайшее время не планировал.

Прицепив их к плечам, дух не смог сдержать вдоха облегчения. Свободен!.. Наконец-то!.. Единственный

из всех призывников его цикла, он мог наслаждаться жизнью на Земле, не боясь никого и ничего. Молодец, Хот, умница, Хот, вечной тебе жизни!..

«Господи... услышь меня, Господи, услышь меня, ангел-хранитель...»

Ксиурн чуть не подпрыгнул прямо в воздухе. Откуда этот голос?

«Светлый ангел, услышь рабу твою... Спаси и сохрани моего внука, наставь на путь истинный...»

Голос становился всё громче, зудя в мозгу Ксиурна ещё навязчивее, чем телепатическая речь Абхота, более неумолимо, чем приказы призывной комиссии. К нему прибавился ещё один: «Светлый ангел, вразуми моего сына, избавь от козней лукавого...»

Ксиурн пытался зажать уши, но это не помогло. Он уже не слышал ни шороха листьев, ни свиста ветра в ветвях. Всё заполнили голоса, не смолкающие ни на минуту. К ним вскоре прибавились и образы — сначала расплывчатые, затем всё более отчётливые: некрасивая женщина, рано постаревшая и поблекшая, шепчущая в подушку заветные слова... Древняя старуха, морщинистой рукой крестящая перед иконой высохшую грудь... И самая страшная, самая мучительная для взгляда Ксиурна картина — маленькая девочка, вокруг которой на пять перелётов совы нет места злу...

«Ангел-хранитель, помолись за душу моего братика... Пусть он выбросит свои нехорошие игрушки и перестанет сердиться...»

— Замолчите! — завопил Ксиурн. — Заткнитесь! — «Ангел, спаси и сохрани...» — При чём тут я? — «Да будет воля твоя...» — Зачем вам вообще сдалось это адское отродье? — «Ибо есть царствие твоё...» — Замолчите, я не могу вас больше слушать! Я же ничего не могу сделать! — «И сила и слава во веки веков...»

И не помня себя от боли, которую ангел-хранитель мальчика Бори обязан был разделить со всеми, кто молился за заблудшее дитя, Ксиурн прямо через крышу бросился в подвал. Он упал на колени и стал царапать бесплотными пальцами землю в центре почти стёршейся пентаграммы.

И ударом, распластавшим его по полу, сверху упало сокрушительное:

«Аминь...»

— Хот! Забери меня отсюда! — рыдал Ксиурн. — Заберите меня, кто угодно! Возьмите обратно в призыв! Я же не знал, что боль от невозможности совершить большое зло — ерунда рядом с болью от невозможности совершить маленькое добро! Я не знал, что быть ангелом на Земле настолько мучительнее, чем самым захудалым демоном в Аду! Хот, где ты!..

Но пентаграмма на полу равнодушно молчала.

ВИНЕРФЕЛЬД Иоанна Ивановна (псевд. Советина), член Московского об-ва драматических писателей.

Масанов.

ВИНИЦКАЯ Александра Александровна (наст. фамилия Будзианик; 1847 — 1914), прозаик, авт. мемуаров.

В 34 года удачно дебютировала в журн. «Отеч. Зап.» повесть «Перед рассветом» (1881, № 5) — о пробуждении рев. сознания в среде молодежи; пов. была одобрена и отредактирована Салтыковым-Щедринным. О его роли в своей судьбе В. писала в «Истории одного письма. (Из лит. воспом.)», напеч. в «Ист. Вестн.» 1890, № 4. В тех же «Отеч. Зап.» печатала рассказы. В моск. газете «Рус. Курьер» — рассказ «Та коронация» (Рец. в «Рус. Бог.», 1883, № 5-6, с. 640-642). В 1882 совершила поездку в Париж, где познакомилась с Тургеневым, П.Л.Лавровым и кружком русских эмигрантов. Позднее написала воспоминания («Воспоминания об И.С.Тургеневе», «Из приключений в Париже (Памяти П.Л.Лаврова)». Вып. кн. «Повести и рассказы», «Поленовы и ярославцы» (?). Выступала с повестями и рассказами в журналах. Для нее произв. характерны социально-критич. настроения. Написала также «Воспоминания о Н.Д.Хвощинской» («Ист.Вестн.», 1890, № 1).

Русские писатели, т.1 (портр); Венгеров, Источ.; Глинский Б.Б. Памяти А.А.Виницкой. — «Ист. Вестн.», 1914. № 5. С. 563-577 (портр); ИДРДВ. Т.3. Ч.4 (указ. им.).

ВИНИЦКАЯ М.

Авт. «Старые знакомые» («Рус. Бог.», 1885, № 1).

ВИНОГРАДОВА А.

Авт. рассказ об «Уральской смуте и Вл. Мономахе» (М., 1905).

Венгеров, Источ. Не Агриппина ли Осиповна, урожд. Татарина, жена фольклориста и этнографа Г.С.Виноградова.

ВИНОГРАДОВА А.Ф., авт. воспоминаний.

Надгробная речь 30 сент. 1895 г. на похоронах Н.В.Стасовой. — В сб. «Памяти Надежды Васильевны Стасовой». Спб., 1896, с. 37-39.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 1791.

ВИНОГРАДОВА Ан. Ив., докт. химии, лабор. Моск. высших женских курсов (1913).

Венгеров, Источ.

ВИНОГРАДОВА Анна, переводчица.

Пер. с франц.: «Два гверильяса, испан. пов.» \ \ Дамский журнал. 1829. Ч. 25. № 5; «Эдмон и Флоренсия» \ \ Там же. № 9.

Слов. рус. писательниц; Венгеров, Источ.

ВИНОГРАДОВА Е.М., авт. воспоминаний.

Жена арх. г. Калуги В.Д.Виноградова. «Записки о посещении Ясной Поляны» — «Яснополянский сб., 1980». Тула, 1981, с. 228-229.

ИДРДВ. Т.5 Ч.1. № 403.

ВИНОГРАДОВА Елена, поэтесса.

Авт. стихотв. «Звезда (Сон)» \ \ Дамский журнал. 1828. Кн. 3. Слов. рус. писательниц; Венгеров, Источ.

ВИНОГРАДОВА Елизавета Васильевна (псевд. Васильков, Ефим; Е.Градов; Одинокая; 1870 — после 1923), поэтесса.

Род. в Кургане. Одно время была в Шадринске пом. зав. публ. земской библиотеки. Сотр. в газ. «Пермский край» (1900-е гг.) — Васильков, Ефим, «Екатеринб. неделя», «Исеть» (1914), «Урал. жизнь» (1913-1916), «Уральск. хозяйство» (1918, 1919), «Лесное эхо» (1918), «Исетский край» (1916), «Пермские губ. ведомости» (1904), «Зауралье» (1915), «Сибирская торговая газета» (1913-1915). Многие ее лирич. стихи посв. криптониму П.И.Д. — по версии В.Голдина («Кому я эти песни посвящаю...» \ \ «Ур. след.» 2005. № 1), поэту и драматургу Н.Ф.Новикову (Черешневу). Ум. в Шадринске. О ней: Осинцев Л. «Поэтесса дореволюционного Шадринска» \ \ «Шадринский рабочий». 1968, 16 июня; он же «За что уволили поэтессу». \ \ «Урал. След.». 1980. № 9.

Масанов; Венгеров, Источ.; Шмаков; Голдин.

(Продолжение в следующем номере)

Белый раджа Саравака

(Рассказы филателиста)

Бритиш оккупэйшн

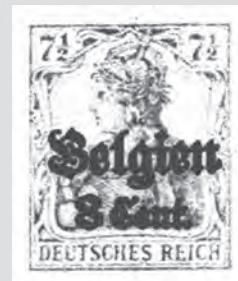
— Мой юный друг, сегодня вы пришли как нельзя вовремя!

В этот вечер у Олега Павловича было отличное настроение, о причине которого он не замедлил сообщить.

— Сегодня я получил от моего коллеги из ФРГ по манколисту кое-какие недостающие в моей коллекции марки германских колоний в Африке. На современной политической карте Черного континента найти чьи-либо колониальные владения почти невозможно. Но еще полвека тому назад почти весь африканский материк был поделен между Англией, Францией, Бельгией, Италией, Португалией и Испанией. А в начале XX века в списке владельцев Африки числилась и Германия.

Да, были времена, когда колонии Германской империи были рассеяны чуть ли не по всему миру. Конечно, до Англии или Франции немецким колонизаторам было далеко. Тем не менее стандартные германские марки с изображением императорской яхты «Гогенлоэ» и названием соответствующей территории имели хождение на землях нынешних Намибии и Бурунди, Того и Камеруна, кое-где в Китае и Океании... Одна из таких марок наклеена вот на этот конверт. Присмотритесь, пожалуйста, к нему повнимательнее.

В руках у меня оказался упакованный в целлофан старый конверт с наклеенной в углу стандартной маркой Германской Восточной Африки. Судя по адресу, написанному давно уже вышедшим из обиходного употребления угловатым готическим шрифтом, письмо было отправлено из населенного пункта Танга какому-то господину Вольфу в Берлин. Конверт как конверт, марка тоже не из самых редких. Впрочем, не совсем так. Сквозь слегка смазанный штемпель, «забывший» почти весь рисунок марки, с трудом можно было рассмотреть буквы какой-то надпечатки. Так, так... ага! «Бритиш оккупэйшн» — «Британская оккупация». Что ж, надпечатки такого рода появились в ходе Первой

мировой войны на некоторых марках Германской империи и ее союзников. Самый обычный способ делать трофейные марки годными к дальнейшему употреблению, хотя бы и временному. И больше, вроде бы, ничего примечательного.

Когда я высказал все эти соображения вслух, то Олег Павлович, прежде чем ответить, несколько секунд смотрел на меня так, как, наверное, сотрудник ГАИ смотрит на злостного нарушителя правил дорожного движения. Но когда он начал говорить, в его голосе не слышалось обычной в таких случаях иронии, разве только чуть-чуть.

— Все, что вы сказали, в общем-то верно. Но чем объяснить тот факт, что письмо, франкированное маркой с такой надпечаткой, благополучно дошло до адресата? Ведь об этом достаточно красноречиво свидетельствует вполне разборчивый берлинский штемпель. Кстати, даты на штемпелях относятся к 1914 году, а Германская Восточная Африка стала британской Танганьикой только через пару с лишним лет. Не гадайте, все равно не угадаете. Лучше слушайте.

Как известно, в начале Первой мировой войны успех, казалось, сопутствовал кайзеровской Германии и ее союзникам. В несколько дней разгромлена и почти полностью оккупирована нейтральная Бель-

гия. Французские войска отчаянно сопротивлялись, отступали, отступали и отступали к Парижу. Русские армии пытались наступать, но не очень успешно — об этом свидетельствовала гибель Второй армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии. Правда, английский флот действовал более или менее удачно, но всем было ясно, что удачи эти недорого стоят, так как исход войны будет решен в сражениях на суше. Именно там — в Мазурских болотах и на равнинах Фландрии и Шампани, в предгорьях Альп и Карпат, решается судьба не только всех крупнейших европейских держав, но и будущее Британской империи. Пожалуй, со времен Наполеона будущее это не подвергалось столь грозной опасности.

Такие и им подобные не слишком радостные мысли в последнее время часто приходили в голову майору Смиуту — командиру батальона английских колониальных войск, расквартированного на самом юге Британской Восточной Африки. Ведь совсем неподалеку от позиций его батальона находится небольшой портовый городишко Танга, над которым развевается германский флаг. Конечно, он мог бы без особых потерь захватить этот населенный пункт и поднять над ним «Юнион Джек» — так в обиходе англичане называют свой государственный флаг. Но удержать сей городок без подкреплений невозможно — у немцев резервов гораздо больше. А каких-либо подкреплений в обозримом будущем не предвидится.

Главная военная мощь Великобритании — ее военно-морской флот, крупнейший в мире. Сухопутная же армия издавна является всего лишь второстепенным и сравнительно небольшим видом вооруженных сил. Лучшая часть этой армии сражается сейчас в Северной Франции, и, судя по сообщениям с передовых позиций, «томми» приходится совсем несладко — военное счастье пока что на стороне гуннов¹. Газеты извещают, что Франция вынуждена срочно перебрасывать в метрополию сенегальских стрелков. Безусловно, судьбы африканских колоний тоже решаются там, в Европе. Здесь же все военные действия пока что ограничиваются редкими перестрелками патрулей. Хотя...

Два дня назад он получил приказ полковника: в самые ближайшие дни подготовить и провести разведку боем с целью проверки боевой готовности германских войск. Германские войска... В этих самых германских войсках немцев едва ли пятая часть, остальные негры. Впрочем, и в его батальоне

¹ «Томми» — прозвище английских пехотинцев. Гуннами во время Первой и Второй мировых войн англичане и скандинавы называли немецких солдат, а иногда и всех немцев.

² Гурки (иначе «гуркасы») — солдаты английских колониальных войск, которых набирали и набирают из уроженцев Непала и горцев Северной Индии. От прочих колониальных войск гурки отличались хорошей дисциплиной, отличной выучкой и большой жестокостью.

то же самое — полсотни белых офицеров и сержантов на четыре сотни чернокожих. К тому же кое-кто из его солдат, набранных среди местных уроженцев, имеет разной степени родственников среди солдат противника. Так что ожидать от них особого рвения в бою не приходится. Эх, если бы ему сейчас хоть роту гурков!² Но чего нет, того нет...

От этих невеселых мыслей майора отвлек слуга-индеец, с почтительным поклоном положивший перед сахибом поднос с газетами и парой писем. Вначале майор решил заняться письмами. Главные новости о положении на фронтах ему известны из телеграфных сообщений, все остальное сейчас не так уж и важно. А вот письма стали приходиться крайне нерегулярно, да к тому же и не все. Германские подводные лодки оказались более чем серьезной помехой для морских перевозок Англии и союзных с нею стран. Проклятые гунны. Эти субмарины — дьявольское изобретение. Недавно одна из них в течении часа потопила подряд три английских легких крейсера, стоящих на якоре в британской морской базе. И о чем только думают эти лорды из адмиралтейства?

Первое письмо — служебное, от начальника штаба полка. Что же в нем... Так... Подробная инструкция к приказу полковника. Если бы вместо этой инструкции прислали хоть одно полевое орудие! Но о подкреплениях — ни слова.

Второе письмо из Лондона, от двоюродного брата. Кузен сообщал последние семейные новости: кто из родственников пошел в гору, кто, наоборот, — разорился, кто ранен, кто убит... Обычный набор известий из страны, ведущей столь жестокую войну.

В конце письма брат извещал, что в самое ближайшее время собирается покинуть место клерка в Сити, которое он занимал до сих пор, и поступить в армию. По материнской линии он является потомком герцогов Девонширских и поэтому может надеяться на получение офицерского чина. Сейчас он спешит выслать родственнику последнюю филателистическую новинку — полученную из нейтральной Голландии серию германских марок с надпечаткой «Бельгия» и нового номинала во франках.

Смит, как и его кузен, был заядлым филателистом. Однако новинки его не слишком обрадовали. Конечно, они пополнят его коллекцию, но в то же время эти знаки почтовой оплаты дополнительно свидетельствуют о несомненных военных удачах гуннов. Нет больше суверенного государства Бельгии — есть провинция Германской империи под тем же названием. И красноречивым доказательством тому служат вот эти бумажные разноцветные прямоугольнички, что лежат перед майором на столе.

Смит еще раз поглядел на присланные марки. Стандартный выпуск с символическим изображением Германии в образе валькирии... Надпечатки разного цвета... Шрифт надпечаток — готический и латинский... А что, если...

На следующее утро майор приказал вызвать к нему капрала О'Брайена. До того, как завербоваться в армию, сей уроженец Зеленого Эйрина учился граверному мастерству. Ремесла своего он не забыл и всегда был готов за сходную плату украсить портсигар монограммой, сделать надпись на кольце или выполнить любую другую мелкую граверную работу. Но о том, какое задание он получил от командира батальона, капрал не сказал даже своим закадычным друзьям.

Впрочем, тем было не до расспросов. Смит усиленно готовил свой батальон к рейду на вражескую территорию, и у его подчиненных не было и свободной минуты.

Налет на Тангу оказался на редкость удачным. Передовые посты германских войск, защищавшие городок, были частично уничтожены, а частично взяты в плен, не успев оказать существенного сопротивления, и две британские роты ворвались в населенный пункт почти без потерь. Ошеломленный внезапным нападением противник, однако, быстро пришел в себя, закрепился на окраине, вызвал подкрепление и стал готовиться к контратаке.

Свой временный командный пункт Смит расположил в захваченном почтовом отделении. Долго ему здесь задерживаться не пришлось. Британцы хорошо готовили своих черных солдат, но немцы делали это еще лучше. Примерно через три часа англичане вынуждены были отступить. Майор Смит приказ выполнил. В составленном после боя рапорте он довольно точно определил численность и вооружение врага, более или менее верно определил его боевую готовность. В числе особо отличивших-

ся майор назвал и капрала О'Брайена. Но в рапорте он сообщил не все...

Вернувшись в отбитую у англичан почту, почмейстер и его немногочисленные подчиненные удивились — почти все здесь осталось в целостности и сохранности. Только висевший на стене плакат с надписью «Боже, покарай Англию!» разорван на мелкие клочки, да еще портрет кайзера Вильгельма исколот штыками. Вот и все повреждения. Несколько мешков с приготовленной к отправке почтой лежали на подоконнике или валялись в беспорядке на полу. Вероятно, ими пытались заложить окна. Мешков этих скопилось немало. Если немецкие подводные лодки доставляли изрядные хлопоты англичанам, то в свою очередь британские военные корабли еще более успешно топили германские суда на всех морях мирового океана. И лишь немногим из них удавалось прорываться к африканским берегам.

Почмейстер облегченно вздохнул, когда с одним из таких кораблей ему, наконец, удалось отправить скопившуюся корреспонденцию в дальний и ненадежный путь в Германию. Если бы он только знал, что отправляет!

Представьте себе, каково было недоумение, даже ужас одного из чиновников берлинского почтамта, когда он обнаружил на марке, наклеенной на письмо из Восточной Африки, надпечатку: «Бритиш оккупацион» — именно так читается текст данной надпечатки по-немецки.

Узнав об этом, почтовое начальство немедленно запретило доставлять почту из колонии по назначению. Но было уже поздно. Многие письма благополучно дошли до адресатов и доставили кое-кому из них немало неприятных минут. Появились слухи, что главное командование скрывает действительное положение дел в африканских колониях — оно более плачевно, чем о том сообщают официальные органы информации.

Как вы уже догадались, майор Смит не зря пощадил вражескую почту. Трех часов времени ему вполне хватило, чтобы вручную сделать надпечатки на марках некоторой части подготовленной к отправке корреспонденции. Штемпель с текстом надпечатки изготовил известный нам капрал-ирландец.

И затея Смита удалась как нельзя лучше!

Впрочем, через два-три года Германия действительно лишилась всех своих заморских владений. А почтовые отправления, о которых я Вам только что рассказал, стали большой редкостью. Между прочим, это как раз тот случай, когда подделка, прошедшая почту, ценится гораздо выше подлинника.

Как видите, надпечатки — далеко не пустяк. Почтовым маркам случается играть роль немало важных политических документов. Правда, среди этих документов попадаются иной раз и липовые. Но подробнее о надпечатках на почтовых марках я расскажу как-нибудь в следующий раз.

Станислав БЕСКАРАВАЙНЫЙ, г. Днепропетровск, Украина

Цех

Желать настоящей крови — старо.

Пошло — жадать её иллюзии.

И только вегетарианцы идут в ногу со временем.

Реклама свеклы

Аркадий Михайлович всегда любил со вкусом читать книги.

Расположиться в кресле, укрыть ноги пледом, поставить рядом бутылочку коньяку и крошечную рюмку. Не торопясь, вдумчиво перелистывать страницу за страницей, чтобы и запах бумаги, и четкость шрифта, и приглушённое бормотание телевизора — сплетались в дивное ощущение уюта. Что было в тех книгах, его мало интересовало. На шестом десятке лет он привык наслаждаться любым текстом.

Сегодня вечером была не книга. Новый альбом для старых семейных фотографий. Тёмно-бордовый, податливый бархат, электронная начинка, лучший дизайн. Деда-прадеды, с тех корней, когда только стали сниматься. Каждая фотография на отдельной картонке, а сзади надпись — «негативы хранятся». Потом советские, на плохой бумаге, чёрно-белые карточки. Дальше цветная пленка, объёмные картинки последних лет и много чего ещё. Все лежат там, внутри.

Аркадий Михайлович вытащил альбом из ящика, уселся, закутался. Чмоканием подозвал ножную грелку — она теплилась в четверть накала, но он любил упирать ноги в маленький ползучий валик. Теперь можно и начать.

Первая страница. Два снимка одной пары на фоне ваз и фикусов. Какие-то канцеляристы. Исцарапанный глянец карточек. Всё как раньше, когда он ещё ребенком видел фото. Только теперь ожила бумага вокруг. Продолжились линии комнаты, стал виден край кадки под фикусом. Заиграл модный в те годы мотивчик. Потом двинулась, как фильм со стоп-кадра и сама фотография. Они, его дальние предки, вдруг стали очень близки и знакомы. Вот те мочки ушей — он видел у матери, немного от носа есть и у него. У них совсем другая манера речи, нарочито прямо держатся перед

фотографом, хотя выглядят благородней. Шорох — и всё замирает.

Программы, зашитые в альбом, улавливают движение его лица — дальше, дальше — и переворачивают страницу. Здесь умершая родня. Деревенская, которой ни он, ни родители совершенно не знали. Все люди давно истлели в могилах — и только на бумаге проступают ветви родословной. Свадьбы, рождения, похороны — вязь событий делает их родственниками. Чего они хотели, о чем мечтали? Снова оживает фотография, только эти Аркадию Михайловичу совершенно безразличны. Трое прадедов и две прабабки — те, от кого сохранились карточки. Двоюродные тетки, троюродные, забытые, так что и не вспомнишь, дядя. Все оживают, успевают подмигнуть, перекреститься, вздохнуть — и опять застывают в своих позах.

А программы, подбираясь к нынешним дням, уже имеют больше материала для своих реконструкций. Вот голос деда. Аркадий Михайлович его не помнит — трёхлетним карапузом побывал у него на руках. Теперь вся жизнь этого человека вдруг встаёт перед ним. Лицо мальчишки, потом молодого солдата, отца семейства. Морщины, как трещины в скорлупе, раскалывают кожу, и приходит конец. Вспоминаются деды прожекты, альбом нашёптывает, наколдovывает его любимые поговорочки, прибаутки. Очень ясно вдруг понимается — чего он так рвался работать таксистом, что в нём нашла бабушка, и даже слышится запах любимой его куртки.

Умная электроника, зашитая в бордовой ткани, как собака, обшаривает мировую паутину — ищет любую информацию о семье.

Родители — их он не стал смотреть. Альбом не подкасал бы ему больше, чем помнил он сам, а обманываться не хотелось. Вот друзья, приятельницы — дело

Станислав Сергеевич Бескаравайный родился в г. Днепропетровске в 1978 году и проживает там постоянно. Учился в Национальной металлургической академии Украины, получил диплом магистра промышленной теплоэнергетики. Поступил в аспирантуру на кафедре философии, сейчас работает ассистентом. Литературой увлекался с детства, первые рассказы начал писать весной 2001-го года. С 2006 года — член Союза писателей Юга и Востока Украины, функционирующего в рамках Международного писательского союза. Член Клуба авторов журнала «Уральский следопыт».

другое. Они по больше части живы и только постарели. Их молодые глаза смеялись с фотографий, цвета и звуки вернулись, будто он снова бывал на курортах, будто ему скостило тридцать лет возраста. Клара ещё не взялась за героин и была смешливой озорной девчонкой, Инна не ушла от него. Компания, что собиралась по пятницам в баре, ещё не забыла вкус к преферансу. Жизнь была полна ощущений, радости, у неё было будущее. А так он видел разбегающиеся дорожки судеб, и слишком многие из них уже оборвались.

Он закрыл альбом. Голоса не утихали в его сознании. Не состоявшаяся семья говорила с ним, задавала вопросы, хотела болтать снова и снова. Это надо было прекратить. Аркадий Михайлович вздохнул, постарался заставить их замолчать, ощутить не призрачные лица, но мир вокруг себя. Только спокойствие. Ведь всё нормально. Вот телевизор, вот стены, квартира вокруг. Она в подъезде, двадцатый этаж. Дом, бетонная коробка, свечой идёт вверх. Вокруг такие же здания, и холодный ветер между ними, и дымная городская тьма наверху, через которую пробиваются редкие звезды. А в центре этой пустой вселенной он увидел себя — маленькую искру смысла.

Это было такое странное, неземное ощущение, что Аркадий Михайлович не захотел его терять, ни за что в жизни. И прежде, чем успел что-либо понять, он протянул руку, выдернул из ящика тумбочки пистолет — и выстрелил себе в висок.

Парень в рваных джинсах, лёгкой куртке и с модным кастетом на цепочке от ключей — ткнул большим пальцем в сканер. Дверь узнала его и разъехалась. В коротком коридорчике ждал охранник. Парень удивился, но спокойно стоял, пока тот сверил дисплей с его физиономией — почти коричневой, с крашенными под седину волосами.

— Они уже здесь?

— Да. С тобой сейчас разбираться будут.

Если дошло до такой роскоши, как охранник, значит, идёт ревизия первого класса.

Ещё одна умная дверь, поворот — и коридор раскрывается в здоровенный цех. Стены из гофра. Бетонный пол. Потолок: сплошное переплетение труб, кранов и тросов, которое режут на части полосы стекла — ленточные фонарные окна. И во всем этом объёме почти нет свободных мест. Станки, агрегаты, установки. Печки и холодильники, манипуляторы и потолочные краны. Всё это живёт и движется, как живёт тесто, грибница или муравейник. Редкие люди, что ходят по мосткам и переходам, кажутся совершенно лишними.

Его место — сбоку от железной улитки, выпекающей металлические заготовки. Маленькая скамейка. Надо лавировать среди механических громадин.

— Зулус? — Мужик в спецовке выныривает из прохода, хватая парня за локоть. — Не хамя.

— Так я всегда, Вадим Иванович. — Он улыбается, пытаясь показать свою законопослушность.

— Мг, — куратор делает начальственную физиономию и подталкивает его к месту.

Напоминание о лояльности было делом совершенно ненужным. Всего лишь одним из тех милых обычаев, что тянулись из прошлого и никак не могли развеяться. Проверять имело смысл не практиканта Максима, не его куратора и даже не директора — а прямо те ИИ и двух преобразенных, что владели фирмой. В проверяющих организациях давно уже заправляли такие же умники, потому виртуальная проверка началась где-то через час после того, как Аркадий Михайлович дёрнулся к пистолету. К утру её закончили и с людьми говорили больше для очистки совести.

Чем занималась фирма? Делала вещи. В цеху можно было заказать каменное рубило или парусник, азбуку с картинками или танк. Любой артефакт изготовлялся в желаемом масштабе и аккуратно перевязывался ленточкой. Под панцирями установок жили огонь, холод, давление и вакуум. Где не справлялись они, мало было токарных станков и лазерных резаков, в дело шли наномеханизмы — роботы, слепленные из горсти молекул. Если клиент желал получить копию первой атомной бомбы, с этим не было никаких проблем. Разве что уран не выдавался в комплекте, а хранился в спецрезервуаре — под биркой с именем заказчика.

Приплатив, клиент мог получить живое существо, скроенное по своему проекту. Кресло, питающееся кухонными отбросами, собаку с шерстью, в которой пляшут электрически искры. Сменить обивку салона своей машины — многие ценили живую кожу. Даже тело человека могли вырастить по особому заказу. Не наделённое разумом, понятно.

Раньше у цеха были проблемы с торговыми марками, да и любители животных иногда протестовали, но это в прошлом. Авторское право взяло отступные, жалостливые экологи согласились на компромисс — изредка получать воскрешённых существ, из тех, что до того числились под маркой «вымершие».

Однако разве можно привлечь клиента лишь комбинациями атомов? Кто клюнет на декорации, пусть даже самые достоверные, если виртуальность мгновенно даст в тысячу раз больше? Фирма продавала образ мысли.

— Вы занимались разработками исторического контекста?! — Инспекторы всегда обвиняют. И те двое, что подошли в Максу, смотрели пустыми глазами. Главный вычеканивал слова.

— Я следил за ними, — ответил практикант, рассматривая гостей.

Костюмы нейтральных расцветок. Стандартные портфельчики в руках. При желании, могут всё время носить очки — для виртуальных надобностей. Но эти уже там, за дисплеем, слишком неподвижные у них лица. Значит, носят нейрошунты. Мужик, что идёт первым, слишком привык рычать на окружающих, это стало штампом. А женщина, что за ним... Зулус вдруг остро пожалел, что на нём рваные джинсы и засаленная куртка. Очень уж ухо-

женной, роскошной она была. Пусть и в служебном костюме.

Но молчать было невежливо. Максим потянулся к отливавшему медью кастету.

— Для интерфейса, — пояснил он инспектору. Тот не прореагировал.

Пальцы легли на металл, и спрятанные в нем схемы исправно откликнулись. Распахнулось окно дисплея. Сквозь бледную голографию просвечивались матовые бока улитки.

— Я отвечал за линию осязания. То, что клиент должен был чувствовать под пальцами, — Зулус говорил быстро, и так же мелькали графики и картинки. — У бархата была стандартная начинка, жёсткость на горе, мягкость и податливость на хорошие воспоминания. Учёт состояния кожи. На сами нервы не действовали.

— Практиканту разрешают?

— Я тут договорился — меня в штат берут. По совместительству.

— На втором курсе? — инспектор чуть прибавил мимики, изображая сарказм. Но был ли он в себе или, смотря на беседу со стороны, решил, что человеку с портфельчиком лучше бы улыбнуться?

— Да хоть из школы. Что я тут решаю?

— Вот именно. Ничего не решаешь. А рабочее место уже есть.

Тут пришла очередь Макса кривиться. Скамейка позади него на хорошее рабочее место никак не тянула.

— Меня тут ещё на раскладной стульчик посадить хотели. Еле отбилась.

— Почему вы пропустили линию на соответствие пульсу? — вклинился женский голос. Дисплей открыл логическую схему взаимодействий обложки и кожи. Красным пунктиром высветилась ещё одна структура влияния. И общих отметок «просмотрел» на ней видно не было.

Макс на секунду впал в ступор. Ей было не больше двадцать пяти, от неё могла закружиться голова. Очарование наводилась программками по внешности. И ещё она работала под «марионетку», ведомую программой.

Он моргнул, посмотрел на схему. Та самая, только вывернутая, измененная. Пошевелил пальцами в кастете, и всё переплетение стрелок, линий, значков — вернулось на своё место. Здесь ничего, связанного с пульсом, и близко не было.

— Это проверял я.

— Вижу, Максим Улиссович. Понимаю. Явитесь вот сюда к полудню. Проведём собеседование. Докажете ваше незнание. — Инспектор прищёлкнул пальцами. Они оба потеряли к нему интерес. Пошли к следующему.

Зулус озадаченно смотрел на синие контуры букв — адрес и время.

Куратор кашлянул за спиной.

— Что ж ты так сплеховал? Внимательней посмотреть не мог?

— Вы же знаете, Вадим Иванович, я внимательно проверяю, — растеряно пожал плечами Макс. — Это преобразованные? Или цеховые жестянки перестарались?

Он виновато посмотрел в глаза наставнику. Одно дело знать, что человек застрелился после работы с продуктом, что ты видел одним глазом, а другое — понимать, как провалил инспекцию. Куратор ничего не ответил, а сам взялся крутить схему. Вокруг неё замелькали графики анализов, распределений, подсчётов вероятностей. Вадим Иванович только прищёлкивал языком.

— А тебя вербовать будут, — вдруг без всякой связи заявил он.

— ?

— На неё не надейся. Ишь, губу раскатал. — Он закрыл дисплей и подмигнул Максиму. — Встретишь ты там вежливого товарища, он тебе всё и объяснит.

— Ух ты! — удивился Зулус. — Так тут что, уже всех обработали?

— Зачем всех? Оптом — это ж какие деньги начальству отваливать надо? Не. Человек пять со всего цеха. Дня через два, может, прямо и список вывесят, чтобы лишних вопросов не было.

Товарищ оказался действительно вежливым. Проверять Макса на предмет умышленного убийства даже не стал и обвинений никаких не выдвигал. Говорил тихо, человечно. Спрашивал общими словами и много слушал.

— ...маленькие сообщества. Они и есть наши основные клиенты. Таким нужны вещи, отбитые маленькими сериями. Для своих. Иногда предметы совсем не одинаковые, а просто из одного набора. Прошлый заказ — был сервис. Каждый взял своё. А первым заказом были пояса, — Максим с честным видом рассказывал то, что уже наверняка знали. И особенно шутить в этом кабинете не хотелось. Обстановка располагала к серьёзности.

— Электронику в предметах — проверяем на себе. И тот альбом чёртовый я в руках держал, и фотки родительские туда засунул, и ничего такого со мной не случилось. Увидел, как отец с мамой познакомились. Вот с тарелкой было интересно: она то гудела, то плакала, то еду подсвечивала — и меня стало на деликатесы тянуть. Две недели закусовые стороной обходил. Всё жареных куропаток хотелось попробовать. Это понимаю — там хороший вкус внедрялся. Но без перегибов. Я специально гамбургер съел, и не стошнило. Да и случись там перегиб, так ведь клиенты люди богатые, могут себе и седло барашка, и улиток позволить.

— Вещи, они, конечно, все индивидуально настроены, под клиента подогнаны. Только для испытаний настройки меняют. Делают это жестянки. Да они и всё остальное делают. Я на мастерстве контроля только четвертый разряд имею.

— За мной числятся четыре клуба и одно неформальное объединение. Пловцы, кулинары, историки, модники. И прыгуны — те, которые с тарзанками

сигають. С пловцами всё просто, они на экологии повернуты. Ихтиандрами прикидываются, хотят к природе ближе стать. Всё требуют себе таких аквалангов, чтобы от рыб не отличаться. Им ещё до меня полный набор выдали, теперь они жабры поотращивали. Тот, который себе аквапарк сделал, неделями из воды не вылезает, все мечтает в ближайшем водохранилище виллу построить. Только на это мало шансов — в бассейне он себе воду чистит, а в отрытый пруд чего только не сольют.

— Кулинары — те посложнее. У них уже мечты возвышенной. Хотят стать лучше через приём пищи. Сейчас у них церемонии на уме. Обеды дают — натуральные ритуалы. Я сверял с историческими постановками, теми, что машины конструируют. Отвращения нет. Каждый в клубе уже стал поваром высокого класса. Холестерин рассчитывают, калории.

— Давайте об историках, — мягко прервал его следователь.

— Так, — Зулус почесал затылок. — Эти самые сложные. Хотят в прошлом отыскать душу эпохи. Считают, если найдут дух нашего времени — станут умнее машин. Смогут предсказывать их действия быстрее всяких расчётов. Сильно мистикой увлекаются — ауру впитывают, с умершими переписываются.

— Для этого заказывают предметы? Фокусничают?

— В том-то и загвоздка, — Максим потянулся за кастетом. — Электронику признают только потому, что

сейчас все на неё завязано. Хотят понять её душу. А виртуалку презируют. Насмерть!

На соткавшемся из воздуха экране стал виден сеанс. Не старая ещё женщина, завязав глаза шарфом, протягивала ладони к компьютеру. Пыталась угадать, какое число тот высветит на дисплее.

— Это из представительского ролика, что сами о себе сняли, — лучшего материала у Зулуса не нашлось. — И с предметами большая возня каждый раз была. Они хотели себе вещи, которые не смогут навязать им свой вкус. Чтобы предмет понимал их, но не был определяющим, не навязывался.

— Мягкий режим?

— И это не то. Они требовали слишком хороших учебных программ. Мне один из них сказал: если дать обезьяне заряженный пистолет, она рано или поздно выстрелит. Не потому что разберется в устройстве, просто спустит курок. Так и мы — не можем стать расчетливее машин, но хочется повисить возможности за счет выстрелов. Такие качества он оценил больше всего. Только! — Максим поднял руку. — Это был не самоубийца.

— Считаете, что компьютеры начали убирать конкурентов? — Следователь был серьёзен, но в уголках его рта пряталась улыбка.

Практикант нейтрально пожал плечами.

— Какие из них конкуренты? — Следователь, будто в рассеянности, вертел пальцами карандаш. — Те-

перь о работе. Отчёты, финансы и характеристики нам не нужны. И ничего никому сообщать не надо. Единственное: когда в следующий раз будете тестировать предмет и почувствуете, что он взял слишком большую власть над вами — обозначьте реакцию. Как угодно. Испугайтесь, закричите. Цех под наблюдением. Такой способ предотвратить убийство вас не смущает?

— Нет.

Оба знали, что в середине разговора Максим солгал. Можно испытывать вещи на себе, но ведь они сделаны для других. Выбраны из тысяч вариантов. Одними настройками тут сыт не будешь.

Рядом с железной улиткой его ждал новый клиент — грузноватый, лобастый, коротко стриженный блондин. Любитель истории. Максиму вдруг остро захотелось как следует приложить посетителя головой к установке. Не насмерть, а чтоб только дорогу сюда забыл. Нетерпеливый какой. Но профессиональная улыбка не захотела сползть с лица.

— Чего изволите?

— Мы хотели бы приобрести коммуникативную систему.

— А телефоны? — отчетливо и холодно произнес он. — Если же вы хотите установить нейрошунты. Внутричерепно. То здесь нужна лицензия. На медицинскую деятельность.

— Зулус, — Клиент посмотрел на него устало, будто последние сутки его допрашивали без всякого перерыва, — мы ведь не ради удовольствия гоняемся. Нам для дела.

— Медицина — это пятый корпус, — цедил Максим.

— Да погоди ты. Вбил железяки себе в голову! Не нужны они нам.. — Клиент помолчал. — Мы хотим, чтобы предметы играли общее представление. Для всех.

Максиму вдруг стало погано. Представились два десятка людей, которые по единому сценарию расстаются с жизнью. Очень не хотелось подписываться под таким планом действий.

— Спокойно, — зашептал голос куратора. — Принимай заказ. Исполнение мне скинешь.

Где-то далеко блеснула отгадка, ключ к интриге этого дня. Зулус решил дожимать материал.

— Хорошо! — Он протиснулся мимо клиента, вытаскил из-за сплетения труб хороший деревянный табурет и предложил садиться.

— Это должно быть пьесой. Интересной, яркой, живой. Чтобы мы все жили будто бы в мире иллюзий. И при том наяву, — клиент говорил резкими, рублеными фразами. Было видно, что он всё хорошо продумал. — Наши должны прожить, прочувствовать какую-нибудь историю. Из сегодняшних дней. Можно документальную.

— Что желаете обострить внутри себя? Какое качество? — Практикант знал, что сейчас истинными желаниями клиента занимается «Рябчик», ИИ. Ско-

рее всего, он просмотрит записи разговоров между историками, разложит на составляющие движения лиц и выведет желанные ответы.

— Правдивость восприятия. Мы хотим освободиться от наносного, от иллюзорного. Чтобы ощущать мир таким, каким должны, а не так, как хотят другие.

— Кто — другие? — уточнил Максим.

— Все, — деловито выдал клиент.

Зулус увидел, как раскрывается окно экрана и там перебираются варианты. Заказ начал исполняться ещё до окончательного высказывания.

— Жить в пьесе, чтобы не поддавать иллюзиям? Декорации строго натуральные? — переспросил Максим. — А как долго?

— Мы вас в этом не ограничиваем.

Практикант вздохнул и, не обращая внимания на тот набор предметов, что бледными призраками выстроился поблизости, позвонил куратору.

— Вадим Иванович, понял я. Хозяева новый товар осваивают. — Кастет тихо крякал под ухом, и можно было продолжать. — Вещи работали с внутренним миром клиентов, на личных ассоциациях и подкорочных связках. Теперь хотят взяться за внешний.

— Понимаю. До того с ними говорила одна вещь, теперь они хотят говорить с миром?

Клиент слышал их разговор и молча кивнул.

— Твоя правда, Макс. — Куратор одобрительно заворчал. — Это другой ценовой сегмент. Наверняка расширение будет. И жестянки, сто пудов — рекламу пустят. Только лицензию себе выбьют на новый уровень, сразу в раскрутку всё пойдёт.

А Зулус всё смотрел на улыбающегося, довольно-го клиента. В практиканте росло ожесточение.

— Ну почему вы не могли купить это просто так, без рекламы? Без самоубийства? Вас что, так на природное тянет — без трупа уже заказа делать не будете?

— Не верили, что с личными вещами уже все. Мы их досуха выжали. Нам теперь или по одному надо было вперед идти, себе такие часы да кольца заказывать, чтоб от них сразу гениальность образовывалась. Или всем вместе, но по-другому. Дорога легче стать должна. Михайлович просто кусок не по себе ухватил, за одну ночь чувство рода захотел получить. Чтобы в каждой мысли ответственность перед предками чувствовать. Надорвался... — У клиента был вид человека, который говорит о своих сокровенных мечтах.

Всё-таки хорошо, что кастет на короткой цепочке. Таким челюсть только себе своротить можно. Максим чувствовал, что мало повидал в жизни. Трудно ему было переваривать такие заскоки посетителей. Ничего, можно ведь пошутить в ответ.

— От имени фирмы, — официальным голосом заявил он, — я могу подарить вам колпак с бубенчиками. Соглашайтесь — это абсолютно бесплатно. И без всякого скрытого смысла. Это я вам гарантирую.

Клиент улыбнулся.

* * *

По кромке голоса — тоска, —
так безголоса, как напрасна,
определяет шаг с носка
побег от грубостей
за прясло,
по кромке снежного порыва
за удаление, за звук, —
от дома, воздухом бескрылым,
где все тебе сходило с рук.

* * *

Птичьи ручьи,
ничьи
ветры в кустах снуют,
память кругом
молчит
голую суть свою.
Все-таки так видней:
звонкая речь воды
кромочек льда длинней,
где умирают льды.

* * *

Обращенные в смысл предметы
и вечерне заученный чай
повторяют движенье планеты
чайной ложечкой невзначай.

* * *

Дожди зализывают раны,
открыты берега,
и пробужденья голос ранний
отыскивает города,
а там — знакомые поступки,
и незнакомая вода
не поднимает третьи сутки
в себя отверстые глаза.

* * *

Придержи в распадке березняка
От побега жестом или волей,
Закрути уклончивый сквозняк
В силуэт распахнутых ладоней.
Не хватает сдерживать весну, —
Ринулись разгуливаться веси,
И калитку держат на весу
Скрипом полуобморочной взвеси.

* * *

Не торопятся травы к просыпу,
Потихонечку речка не спит,
Лес заботы больные осыпал,
И никто в этот час не свистит.
Так привычно к жилью возвращаться!
Были ягоды — все отошли.
Ощущается шаткое счастье,
Спят в болотах пока журавли.
Нету слуха, одно только зренье,
Да и то унеслось за жнивье.
Смутный свет, никакого движенья.
Только свет и дыханье мое.

* * *

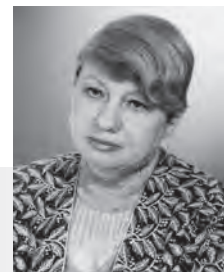
Пролегли голубые тени, —
Свет пришел, дал глубокий цвет.
Снегири на кусты слетели,
Раскачался живой букет.
Снег с поленицы обмахнула, —
Да какие сегодня дела!
С юга новым ветром подуло,
Завершая душевный разлад.
И, вступая в ясную эру,
Вдоль домишек мой свежий след
Забывает бывшего меру,
Зажигая предчувствий свет.

* * *

Жимолость млеет в окно,
Хрупкими нитями тени,
Чувства прядут волокно,
Крошатся старые стены.

Страшно про завтра, — не то
Выпадет зуб иль удача.
Ходит по дому пальто,
Холод потерянный пряча.

В горле больного листа
Призрак грядущего слова.
Падает капля с куста,
Света дождавшись косога.

Любовь Романовна Новак живет в пригороде
г. Н.Тагила. Автор пяти книг стихов, печаталась в периодике с 1969 г.,
в журналах «Новый век», «Урал».

* * *

Вода моя горит,
Сжигает изнутри,
И остаются три
Кровинки от любви.
Бескровная, сама
Шагну в антимирь...
Вода сойдет с ума.
Растают январь.

* * *

Трава рождается беззвучно,
За ночь, а утром — зеленья! —
По всей Земле,
И вся Земля
Любовью
Падает в меня.

* * *

А дождь рулит направо и налево,
Баталии семейные ушли,
Не верится, что все переболело.
Осталась осень в зеркале души,
Пока стекло линяет, — ей успеть
Еще чуть-чуть
Любовью поболеть.

* * *

Штрихами город. Промокает
На день забытое белье,
Балкон линяет, ветер капель
Стремится выровнять полет.
Застеклененья между днями.
Насквозь невидимый чудак —
Мой город — маленький цунами, —
Нелепо кашляет в кулак.

* * *

По ладони тени света,
От сосны продольный звон,
Сердце выдохнет озон,
Высота весной задета.
Птицы ткнут свободу, день
Унесет себя, сгорая,
И распахнет кривая
В палисаднике сирень.

* * *

Поверьте белому —
Придет
За ним пора похолоданий,
И времена остолбеваний
За поездами тоже влет.
Душа старается за ним,
И снег кого-то догоняет, —
Светлеет, судит, понимает
И — умирает от любви.

* * *

Перемещается восток,
Но для науки — незаметно,
Движенья солнечного ветра
Целуют глобуса цветок.
Седеет поле, ты — невнятен
Предчувствием слепых разлук,
И переливы снежных пятен
Перемещаются на юг.

* * *

Вот и ходишь, и мучаешь три отраженья,
если сам перепуган, а шагу — ни-ни.
Непонятная жалость, к себе приближенье
непутевых пустынь в пересчете вины...
Померещится, тут же тебе отзовется
измеримое кем-то не сравнить ноль,
Между пешими гуляями воздух займется
умолять, и осядет судимая боль.

Звездная землячка

В 2007 году в нашей стране и за рубежом отмечают две знаменательные даты, вошедшие в историю освоения космоса: 150 лет со дня рождения Константина Эдуардовича Циолковского и 50-летие запуска первого искусственного спутника Земли. А у уральцев есть еще один памятный день, связанный с изучением звездного неба: 90 лет назад, 7 ноября 1917 года, в городе Нижнем Тагиле родилась Клавдия Александровна Бархатова, выдающийся ученый-астроном.

Женщины-астрономы — не редкость, многие внесли в науку весомый вклад. Но чтобы женщина создала астрономическую обсерваторию — такое удалось только профессору Уральского государственного университета имени А.М. Горького, заведующей кафедрой астрономии и геодезии К.А. Бархатовой.

Это уже история. Все началось в 1960-е годы. Обсерватория на Урале была нужна давно, только добиться выделения средств на ее строительство не удавалось. В областной бюджет необходимые расходы никак не вмещались; каменной стеной стояли бюрократические препоны. Ценой огромного напряжения сил и благодаря поддержке коллег Клавдии Александровне удалось почти невозможное: в 1961 году власти приняли, наконец, соответствующее решение.

Зимой 1962 года в двух часах езды от Свердловска, вблизи станции Коуровки, начались подготовительные работы на выбранной площадке: были забиты первые колышки для рытья котлованов под здания и павильоны для телескопов. Летом на лесной поляне появились палатки строителей.

Клавдия Александровна Бархатова с преподавателями УрГУ

О Бархатовой, о строительстве обсерватории и создании ею уральской астрономической школы написано в книге И. Давыдова «К.А. Бархатова» (серия «Наши

земляки»), вышедшей в Средне-Уральском книжном издательстве в 1985 году. В ней рассказано и о первом студенческом стройотряде, прибывшем в Коуровку летом

Первый день — первые палатки

1964 года. Но годом раньше сюда приезжал еще один небольшой стройотряд, о котором в книге не упоминается. В жарком июле 1963 года мне с друзьями довелось поработать в этом отряде. Мы разгружали на железнодорожной станции платформы с белыми силикатными кирпичами, отвозили их, копали траншеи. Парней в нашей группе не хватало, поэтому даже за самую тяжелую физи-

ческую работу отважно брались девушки-студентки, только что окончившие первый курс. Веселая певунья Таня Горяева, всегда бодрая и спокойная Галя Загорулько, невозмутимая Люда Федосеева носили «неподъемные» шлакоблоки, вручную месили цементный раствор. Палатку свою они тоже поставили сами. Не брезговали никакой работой Наташа Тугова, Люда Болкова, Галя Лямова,

Люда Кондратьева, Таня Костарева и другие. Вечером — костер, купание в реке Чусовой, в водах которой уже отражалось звездное небо... Звучали песни, и кто-нибудь вспоминал любимого Бархатовой Лермонтова: «И звезда с звездою говорит...».

Иных уж нет, а те далече... Разъехались по всему бывшему Союзу — работают в Пулковке, в Алма-Ате, в Крыму и на Северном Кавказе, на обсерваториях и в экспедициях. Безвременно ушли из жизни активнейшие «коуровцы» Саша Куманцев, Слава Карачунский, Лев Истомин. Глядя на небо, астрономы вспоминают и ушедших своих коллег.

Труды не пропали даром. Ныне в многопрофильной Коуровской астрономической обсерватории ведутся серьезные научные исследования. Здесь следят за активностью Солнца, проводят наблюдения искусственных спутников Земли, ведут поиски звезд, имеющих планеты, наблюдают так называемые опорные звезды, служащие ориентирами при космических полетах. В Коуровку, начиная с 1971 года, каждой зимой съезжаются ученые и студенты на международную конференцию «Физика космоса». Уральская астрономическая школа получила широкую известность.

Среди бывших студентов Бархатовой член-корреспондент Российской академии наук Борис Михайлович Шустов, ставший директором Института астрономии РАН, полные оригинальных идей доктор физико-математических наук Николай Григорьевич Макаренко, руководитель астрономического центра в Каменске-Уральском Геннадий Яковлевич Иванов и многие другие, участвовавшие в студенческие годы в строительстве. В 2006 году Коуровской астрономической обсерватории заслуженно присвоено имя звездного профессора К.А. Бархатовой. Лишь немного не дожидая XXI века и нового тысячелетия, но своими трудами и работами учеников она давно перешагнула эти временные рубежи.

Бывшие студенты в Коуровской обсерватории. 1977 год

Моя Маша

Семен, шевеля губами, терпеливо раскладывал на ладони оставшуюся мелочь. Старческие дрожащие пальцы плохо слушались, монетки сбивались в кучу, сосчитать их было сложно. Но он уже давно к этому привык. У него было четырнадцать рублей тридцать две копейки.

— Почем груши у тебя, дочка, — спросил он у пышнотелой, ядовито крашенной продавщицы.

— Шестьдесят.

Семен причмокнул губами. Попросить одну было почему-то неловко. Особенно после того, как стоявшая перед ним девушка загрузила в машину фруктов почти на пятьсот рублей... А он тут со своей одной грушей...

И как же это он про груши забыл, надо было сразу купить, а на остальное уж сколько останется. Сыр вот можно было не брать... Что же теперь? Ведь Маша очень любила груши, прям как ребенок. Большие, золотистые, мягкие...

— Взвесь мне одну грушу, дочка, — словно извиняясь, попросил он.

Продавщица окинула его понимающим взглядом. На пенсию много не купишь.

— Вот яблочки возьмите, всего пятнадцать рублей, — предложила она. — Хорошие, сладкие.

— Да нет, не надо... — Семен покачал головой, — ко мне сегодня Маша придет, она груши очень...

Продавщица пожала плечами, взяла из ящика грушу и положила на весы.

— Двенадцать рублей, — сказала она.

Вздыхнув с облегчением и расплатившись, Семен положил в сумку пакетик с грушей. Теперь все. Теперь можно идти домой.

Маша звонила вчера вечером.

Услышав в трубке ее голос, Семен даже не удивился. Ведь это была его Маша, и она придет к нему ровно в семь. Она не сказала, но Семен откуда-то сам знал это.

За окном еще не начало темнеть, а у него уже все было готово. Нарезан хлеб, сыр и докторская аккуратно выложены на тарелочки, в сковородке на плите жареная картошка с луком, хороший дорогой чай, горстка барбарисок в вазочке... Да и в доме Семен с самого утра старательно наводил порядок — Маша очень любила чистоту. Даже когда уже сильно болела, все равно, опираясь, на стул мыла полы. Сколько раз Семен предлагал ей помочь, но она и слышать не хотела. Эх...

На часах было уже без пятнадцати семь. Семен сидел на табуретке и ждал. Очень хотелось найти себе какое-нибудь дело, но он ничего придумать не мог. Все было уже сделано.

Без десяти семь.

Без пяти семь. Семен сидел, обхватив голову руками. Только одна мысль — вдруг не придет, что тогда?

Семь, ничего и... Звонок в дверь.

Дрожащими от волнения руками открыть дверь не так-то легко. Но только два поворота замка и... Вдруг стало страшно. Сердце колотилось как бешеное, еще немного, и оно выпрыгнет из груди.

Нужно сделать над собой последнее усилие и открыть дверь.

На пороге стояла Маша. Такая же, как и тогда. В старом, но еще красивом темно-синем платье. Она купила его на свадьбу дочери. Как же давно это было!

Слезы вдруг хлынули у Семена из глаз. Он уж и не думал, что может так плакать. «Маша, моя Маша», — едва слышно повторял он. А она просто стояла и улыбалась, словно они и не расставались вовсе.

— Ну что же это я, — спохватился вдруг Семен, — что же это мы на пороге стоим. Заходи, Маша, заходи. У меня все уже готово. Там, на куне.

И он начал суетиться, бегать вокруг нее, пододвинул стул, поставил тарелку, изо всех сил стараясь, чтобы Маше было хорошо.

— Может, ты поесть хочешь? У меня тут картошка есть, — почти с гордостью предложил Семен, раньше-то он никогда не готовил.

Екатерина Хайрулина родилась в 1980 году в Москве. Окончила институт, по специальности преподаватель рисования и черчения.

Первая публикация была в 2005 г. в журнале «Порог», после этого еще в газете «Просто фантастика», журнале «Я», сборнике «Аэлита. Новая волна», фензине «Крылатый вестник».

Маша села на стул и улынулась.

— Нет, Сеня, я не хочу.

— А может, колбаски?

Ты не думай, я хорошую купил, специально для тебя.

Маша отрицательно покачала головой.

— Но может, хоть грушу, а? Ты же любишь...

— Да нет, не могу я. Сам ведь понимаешь.

Семен сразу сник. Он все понимал, хоть и отказывался это признавать. Ведь это была его Маша. Несколько долгих минут они сидели молча.

— Ну как ты тут? — тихо спросила она.

Семен поднял на нее глаза. Как тут можно быть? Конечно, плохо. С тех пор, как он остался один, было слишком мало хороших дней. Давление, спина, зубов вот почти не осталось, в магазинах все дорожает, сумка вот порвалась, с которой он на рынок ходил...

— Да нормально, — сказал он, — живем потихоньку.

Маша снова улынулась, но немного грустно. Она все понимала, она прекрасно знала, как он живет. Просто Семену нужно с кем-то поговорить. И он говорил. Сначала словно неохотно, но потом все более и более входя во вкус. Говорить с Машей было хорошо, радостно, словно рассказывал он не о бедах своих, а о чем-то прекрасном.

Маша почти ничего не говорила, но это было совсем не важно. Важно было лишь то, что она снова с ним. Она слушала, кивала, изредка задавая незначительные вопросы. Она была такая красивая в свои семьдесят пять лет, просто удивительно. И как он раньше мог этого не замечать. И какие у нее ясные, голубые глаза, как у молодой. Даже морщинки их не портят.

— А ты знаешь, — вдруг вспомнил он, — у Пашки-то дочка родилась, Надей назвали. Так что ты теперь прабабка. В том месяце от них письмо пришло... Вот бы хоть одним глазком посмотреть, какая она там. Да и на Пашку тоже, почти семь лет не виделись. С тех пор как они в свой Ленинград уехали, раза два только у нас были... Так помру и правнучку не увижу.

— Она вся в отца пошла, — сказала Маша, — такая же светленька, синеглазая, лопухая. А нос у нее твой. Красивая будет девочка, подрастет, все женихи ее будут.

Они сидели так до самой ночи. Семен уже и не помнил, когда в последний раз говорил так много. Словно и не было тех трех лет одиночества. Словно и не оставался он один в пустой квартире, не бродил из комнаты в комнату, не находя себе места, не вклю-

чал телевизор на полную громкость, чтобы хоть немного наполнить пустоту.

Маша обещала прийти и следующим вечером тоже.

Она приходила еще восемь раз.

Каждый вечер Маша тихо садилась на табуретку и слушала, как Семен провел день. Его больше не смущало то, что она ничего не ест. Они сидели за столом вместе, как раньше. Он пил чай, размачивая в кружке баранки, а она просто была рядом.

Он рассказывал Маше о том, как ходил в магазин, как серая толстая кошка у подъезда залезла на дерево и орала целый час, как Каменская в сериале ловила бандитов. Все это было просто и хорошо.

Много ли нужно для счастья старому человеку.

За эти несколько дней Семен словно помолодел, окреп, старые болячки перестали его беспокоить. Целый день он жил в ожидании вечера, а по ночам долго не мог заснуть.

Но сегодня Семен что-то вдруг вспомнил свою молодость. Голод, войну, как после победы он не вернулся в деревню, а остался работать здесь, на заводе. И однажды, покупая вместе с другом билеты в кино, встретил Машу.

Семену все хотелось спросить, как она там, без него, но он не решался.

Он смотрел на нее и чувствовал, что не может больше говорить.

Что-то очень важное перевернулось в нем, слова кончились.

— Я завтра не приду, — сказала Маша, вставая.

— Почему? А когда придешь? — забеспокоился он. — Я тебя все равно ждать буду.

— Я больше не приду. Приходи лучше ты ко мне.

Она, первый раз за все время, посмотрела ему прямо в глаза.

Красивая стройная девушка, в голубом ситцевом платье, с золотистой косой. Совсем как тогда, в первый раз.

Похороны прошли тихо и просто. Из родных были только сын с женой, да племянница — уже пожилые занятые люди. Они так мало общались последнее время.

Его положили рядом с Машей, как она и хотела. Под высокой березой на холме. Хорошее, сухое место...

Наталья КИСЕЛЕВА,
фото Ксении ТОКОРЕВОЙ

Молодежный форум

«Здоровый образ жизни молодежи – забота общества»

2 октября в окрестностях города Полевского состоялся IV региональный форум «Здоровый образ жизни молодежи – забота общества», организованный Министерством физической культуры, спорта и туризма Свердловской области, совместно с Уральским институтом туризма (УИТ). Журнал «Уральский следопыт» являлся одним из участников работы форума, а также медиа-партнером этого мероприятия.

Форум, который традиционно проходит на лоне природы (турбаза УИТ «Светлячок»), собирает очень пеструю аудиторию: это и ученые, и студенты, и школьники, и представители муниципальных и федеральных структур. Программа форума включала в себя и межвузовскую спортивно-туристскую эстафету, и научно-практическую конференцию, и анимационную часть.

Ключевым мероприятием стала микро-конференция «Мифологемы горнозаводского края и новые

